

Библиотека / Абсолют

Чужой жизни – нет

Марина
Цветаева

Автобиографическая проза
Воспоминания о современниках
Статьи

Librar Absolut

Библиотека «Абсолют»

Марина Цветаева

Чужой жизни – нет

«АСТ»

УДК 882-94
ББК 84.7

Цветаева М. И.

Чужой жизни – нет / М. И. Цветаева — «АСТ», — (Библиотека «Абсолют»)

ISBN 978-5-17-110141-1

Проза Марины Цветаевой – явление уникальное. Она не писала рассказов, повестей, романов, а создавала произведения в тесном сплетении этих жанров. С первых строк ее проза околдовывает и уводит в дальнее плавание по страницам афористичной, музыкальной, ритмичной речи. И читатель погружается в жизнь трехпрудного дома, наполненного звуками рояля и произведениями классиков литературы, гуляет по Москве, присутствует на открытии Музея изобразительных искусств, едет в Тарусу, Александров, Коктебель, Берлин. И видит перед собой, как живых, И.В. Цветаева, профессора, основателя Музея; историка Д. Иловайского; поэтов В. Брюсова, К. Бальмонта, М. Волошина, А. Белого, О. Мандельштама, М. Кузмина, П. Антокольского; актеров студии Е. Вахтангова, а также саму М. Цветаеву, человека непростой судьбы и блистательного дарования.

УДК 882-94
ББК 84.7

ISBN 978-5-17-110141-1

© Цветаева М. И.
© АСТ

Содержание

«Дар моему огню»	6
Я непорядок вещей	11
Мать и музыка	11
Черт	26
Мой Пушкин	43
Хлыстовки	68
Дом у Старого Пимена	72
I	72
II	76
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Марина Ивановна Цветаева
Чужой жизни – нет. Автобиографическая
проза, воспоминания о
современниках, статьи

© Е.В. Толкачева, составление, предисловие

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Дар моему огню»

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября 1892 года. Мать решила, что дочь должна быть музыкантшей, и через несколько лет начала учить ее музыке. Примерно тогда же в своем дневнике она отметила: «4-летняя моя Маруся ходит вокруг меня и складывает слова в рифмы». Тем не менее, когда Муся (так ее называли домашние) научилась свои стихи записывать, бумагу ей мать не давала. Но она забыла, что в доме есть обои, много обоев. Пришлось бумагу дать.

Один из первых опытов девочки как-то прозвучал в семейном кругу:

Ты лети, мой конь ретивый,
Чрез моря и чрез луга
И, потряхивая гривой,
Отнеси меня туда!

Возник справедливый вопрос «куда?» и всеобщий смех. Ответ пунцового, как пион, ребенка, еле сдерживающего рыдания: «Туда – далёко! Туда – туда!»

Пройдет время, и Марина Цветаева, известный поэт, ответит на этот вопрос более определенно в своей поэме «На Красном Коне»: с земли – в царствие небесное.

Не случайным представляется этот конфликт бытия земного и небесного, возникший еще в самых первых авторских сборниках. Сама жизнь подсказала его. В своей семье Марина чувствовала себя одинокой и мало любимой: в доме на всем лежала печать прошлых несчастий взрослых и как следствие – их полного отчуждения. Мать, Мария Александровна Мейн, замечательная пианистка, удивительно талантливая женщина, знавшая четыре языка, прекрасно рисовавшая, заполняла музыкой свою печаль о любимом, некоем С.Э., за которого ей не разрешили выйти замуж; замуж пришлось выйти за вдовца с двумя детьми, а любовь к С.Э. она сохранила на всю жизнь. Отец, Иван Владимирович Цветаев, – уважаемый профессор, классический филолог, основатель Музея изобразительных искусств, потеряв первую супругу, красивую женщину, певицу, дочь историка Д.И.Иловайского, остался верен ее памяти до конца своих дней, чем уязвлял самолюбие второй жены. Так у каждого на сердце была своя рана, жизни шли рядом, не сливаясь. Мать много времени отдавала дочерям, Асе и Мусе, учила их немецкому, французскому, знакомила с шедеврами мировой литературы, часто в оригинале, очень много играла на рояле – произведения Шумана, Бетховена, Гайдна, Шопена... Отсюда – увлечение Марины романтизмом и осознание в себе музыки как второй «линии жизни».

А какая первая? Слова. «...мне хочется Прометеева огня. “Это громкие слова”, скажете Вы. Пусть громкие слова! Громкие красивые слова выражают громкие, дерзкие мысли. Я безумно люблю слова, их вид, их звук, их переменность, их неизменность. Ведь слово – всё! За свободное слово умирали Джордано Бруно, умер раскольник Аввакум, за свободное слово, за простор, за звук слова “свобода”, умерли они». Свобода, произведения романтиков с их трагической нотой в основе и в то же время «крест несчастной женской доли» в родной семье в итоге привели ее к мыслям о самоубийстве. И в отроческие годы Цветаева несколько раз пытается его совершить. Но «судьба ее хранила». Миру должен был явиться поэт. И в 1910 году Цветаева выпускает свой первый лирический сборник – «Вечерний альбом», на который получает благожелательные отзывы. Знакомится с одним из рецензентов – Максимилианом Волошиным. Знакомству суждено было стать для нее во всех отношениях знаковым. «Все, чему меня Макс учил, я запомнила навсегда». В частности, он, собиратель уникальной библиотеки, открыл ей новые литературные горизонты, увлек своим мифотворчеством, даром «творить встречи и судьбы».

Коктебельской весной 1911 года, в доме у Волошина, произошла знаменательная встреча.
«– Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень.

– Марина!.. влюбленные, как тебе, может быть, уже известно, – глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе (сладчайшим голосом)... булыжник, ты совершенно искренно поверишь, что это твой любимый камень!

– Макс! Я от всего умнею! Даже от любви!»

И чуть ли не в первый день знакомства семнадцатилетний Сергей Эфрон (инициалы С.Э.) «отрыл» и вручил ей сердоликовую бусину, которую потом она хранила всю жизнь. Казалось бы, счастливый брак, но – их жизни шли рядом: у каждого своя. Хотя любовь, единственная настоящая любовь, и была отдана друг другу. Это – в реальном земном мире. А в творческом она жила иначе, там царили другие герои и героини, необходимые ей как «впечатления» для создания лирических и прозаических текстов. Так творился миф, потому что «всё – миф, не-мифа – нет, вне-мифа – нет».

В семнадцать лет она воскликнула: «Я жажду сразу – всех дорог». Дорогу, понятно, выбрала одну, а все остальные, о которых тогда мечтала, воплотила в своих стихах. Ей хотелось,

Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день.

Собственно, так и вышло. Недаром позже она признавалась: «Я не себя боюсь. Я своих стихов боюсь».

Юность Цветаевой проходит довольно насыщенно, если не сказать бурно. У нее рождается дочь Ариадна; они с Сережей находят дом в Москве с удивительной планировкой комнат – совсем под стать своей хозяйке; сама Цветаева, издав к тому времени три стихотворных сборника, начала «выходить на публику», печататься в альманахах. Она побывала в Петербурге, который принес ей встречу с Осипом Мандельштамом, Михаилом Кузминым, Сергеем Есениным... Мечтала повидать в те дни своих «северных» кумиров – Анну Ахматову и Александра Блока, но – не сложилось. Зато с Мандельштамом – этим «молодым Державиным», «певцом захожим», «с ресницами нет длинней» – сложилось: к нему Цветаева испытывала «материнские чувства» (как, кстати, и к собственному мужу, как – позже – и ко многим другим), и, когда он приехал в Москву, щедро, с упоением «дарила» ему свой город.

По ее стихам, посвященным Москве, можно писать картины – настолько выпукло и зримо рисует Цветаева родной город, с которым абсолютно и навсегда соединяет себя: «Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья, / Я родилась. / Спорили сотни / Колоколов. / День был субботний: / Иоанн Богослов». Родилась с пожаром в груди, чтобы потом до конца своих дней быть обреченной на внутреннее одиночество и трагическое мироощущение – ведь люди боятся пожара, особенно если он разгорается всё сильнее и сильнее, а огонь идет в их сторону. Вот и Мандельштам испугался – сбежал в Коктебель. А Цветаевой этого огня – огня вдохновения – было уже не загасить: творила легенду о Блоке, слагала гимны Ахматовой...

С Блоком она лично знакома не была, и даже, когда ей представился такой случай, незадолго до смерти поэта, к нему не подошла – гордость ли, робость ли помешала, но он так навсегда и остался для нее недостижимой вершиной, небожителем, и лишь имени его суждено было много раз появиться потом в ее прозе и письмах. «И по имени не окликну, / И руками не потянусь. / Восковому святому лику / Только издали помолюсь...» Ахматова ей виделась «поэтической сестрой», с которой у них «судьба одна» («И одна в пустоте порожней / Подорожная нам дана»), но Ахматовой, «чей голос... мне дыханье сузил», она всё же отдавала пальму первенства (хотя через пять лет и скажет: «Соревнования короста / В нас не осилила родства. / И поделили мы так просто: / Твой – Петербург, моя – Москва».) Они встретятся через двадцать

лет, проговорят несколько часов и... не поймут, не услышат друг друга: у каждой был свой взгляд на жизнь и свой сложный опыт. Так произойдет «разминование» поэтов, чье единство Цветаева ощущала в себе многие годы.

Пока Марина «крылатой женщиной» несется над «временем и тяготеньем», пробуя новые ритмы, новые мелодии стиха, превращая поэтические строки в песни, а смыслы в формулы («Две любимые вещи в мире – песня и формула»), Сергей собирается на войну. В 1918-м он уходит добровольцем в Белую армию. В характере Марины страшные революционные годы многое меняют. Если в юности она приветствовала революцию («Единственно ради чего стоит жить – революция»), то теперь не относится к ней «никак»: принимает как данность, не более того. Она становится требовательнее к себе, уже не кричит «я и мир» и не думает больше о своей известности: если раньше ей нужно было заявить о себе, то сейчас – только работать. С этих лет начнется ее вечная борьба за свободный час времени и тетрадь («Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь», – заметит она однажды в частном письме).

В эти годы у нее родится вторая дочь, Ирина. «Случайный ребенок», – отметит она в записной книжке. Почему так выразилась – неведомо. Может быть, оттого что ждала мальчика или планировала появление ребенка в другое время? Но, видимо, сами обстоятельства воспротивились – через два года мать ее потеряет. И это останется в ней раной на всю жизнь. Другая душевная трагедия – неимение какой-либо информации о муже («Я не знаю, жив ли, нет ли, / Тот, кто мне дороже сердца, / Тот, кто мне дороже Сына...»). В Москве голод и холод. Цветаева пробовала служить, но на разных не высоких должностях продержалась меньше года, потом уволилась, чтобы уже ни на какие службы не ходить, ведь ее назначение – поэта – давно угадано: «Ремесленник – и знаю ремесло». Быт в революционной Москве очень тяжел. Помощников нет. Приходится все делать самой: дрова пилить, печь топить (когда нет дров, в ход идут книги, стулья), в ледяной воде мыть картошку, варить ее в самоваре, после – стирка, приборка, потом надо оббегать несколько столовых – может, где дадут супа, каши, – выстоять очередь за хлебом (каждый раз мозг сверлит ужас: не потерять бы хлебные карточки!) и только потом домой – кормить голодных детей... Однажды, когда стало совсем невозможно посмотреть на крюк в столовой: «Как просто! – Я испытала самый настоящий соблазн».

В это время она становится певцом Белого движения. В красной России такой поступок очень смел: «А меня никто не тронет: / Я надменна и бледна». Действительно, не тронули. Потому, что не всё поняли. Даже на публике позволяли выступать.

В те же революционные годы разгорится ее роман... с театром. Театр ей был близок по лирическим произведениям А.Блока, М.Кузмина, пьесам Э.Ростана. Цветаева знакомится с актерами-студийцами Е.Вахтангова Ю.Завадским, В.Алексеевым, С.Голлидэй, с педагогом и артистом А.Стаховичем. Главные роли некоторых своих пьес она будет предназначать им. Но ни одна из пьес при жизни Цветаевой сцены не увидит. Опять сбывались ее слова: «Театр не благоприятен для Поэта, и Поэт не благоприятен для Театра». Менее чем за полтора года Цветаева создаст шесть романтических пьес о любви. В трех из них обратится к героям XVIII века, герцогу Лозену и сердцееду Казанове. А в пьесе «Каменный Ангел», в основу которой положит взаимоотношения Юрия Завадского и Сонечки Голлидэй, поставит свой вечный вопрос о любви «земной» и «небесной». Все больше убеждалась Цветаева в том, что только там, в другом измерении, возможна настоящая жизнь и настоящая любовь. «Я, конечно, кончу самоубийством, ибо все мое желание любви – желание смерти! И м.б., я умру не оттого, что здесь плохо, а оттого, что “там хорошо”».

Хотя Цветаева, боясь одиночества, все время старалась окружить себя людьми, новыми знакомствами, внутренне она оставалась одинока. И всё время думала о Сереже. В 1921 году через Илью Эренбурга она получает радостную весть: Сергей Эфрон жив. Скоро он должен добраться до Праги. Она принимает решение – ехать. Распродает все оставшиеся вещи, отдает друзьям и близким книги из своей библиотеки. Со всеми прощается.

В 1922 году в Берлине Цветаева и Эфрон встретились. Он был уже студентом Карлова университета, диплом которого ему потом так и не пригодится. В эмиграции Сергей писал статьи, работал в редакциях различных периодических изданий, занимался кинематографом, даже снимался в кино. Роль пленного, которого ведут на расстрел (двенадцатисекундный эпизод), из фильма «Мадонна спальных вагонов» для него обернется трагическим предвестием октября 1941 года. В 1931 году он, то ли надеясь искупить вину перед родиной за белогвардейский выбор, то ли из желания самоутвердиться, то ли стремясь попасть обратно в Россию, пойдет работать в «Союз возвращения на родину». Другими словами, будет завербован органами НКВД. Но эта его деятельность была окутана тайной, и супруге он, конечно, ничего не рассказывал.

А Цветаева? Она продолжала писать, жить в сотворенном ею мире, в который на этот раз, как легкое дуновение ветра, ворвался Константин Родзевич – «Арлекин, Авантюрист, счастье, страсть». О страстной земной любви, сила которой уже предвещала расставание, повествуют удивительно музыкальные «Поэма Горы» и «Поэма Конца».

Да, Цветаева вся была соткана из противоречий, и всегда оставалась верна себе. Она мерила всех слишком высокой мерой своего гения, забывая, что перед ней самые обычные люди, чьи сильные стороны не в поэзии, а в чем-то другом. Но это, к сожалению, ею не учитывалось.

В 1925 году вспыхнет новый огонь – у Цветаевой родится долгожданный сын Георгий (Мур). Но скоро семье придется покинуть Чехию и перебраться во Францию. Жить станет значительно трудней: существенно осложнится быт, возникнут проблемы с печатанием стихов. «Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, все-таки – незаслужена. Погубило меня – терпение, моя семижильная гордость, якобы – всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и снести».

Конечно, Цветаевой будут помогать новые знакомые, но все время придется «просить», постоянно, как, впрочем, и прежде, менять съемные квартиры – выбирать те, что дешевле. Все больше Цветаева думает о родине, но понимает: вернуться теперь почти невозможно. «Была бы я в России, всё было бы иначе, но – России (звука) нет, есть буквы: СССР, – не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: буквы не раздвинутся... В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно». Эмигрантские периодические издания под разными предлогами отказываются печатать ее стихи, да и платят совсем немного. В итоге в тридцатые годы Цветаева переходит на прозу. Теперь весь огонь ее души направлен в прошлое, в детские и юношеские годы; Цветаевой движет желание «воскресить весь тот мир». Так постепенно появляются ее очерки о родных, близких ей людях и о современниках. Чем ближе становится тот мир, тем больше тоска по родине: «Можно ли вернуться в дом, / Который скрыт?.. Той России – нету /– Как и той меня!» И вновь возникает символ, связанный с детством, с моментом рождения, явления в мир: «Рябина – / Судьбина / Горькая», и наконец стихотворение «Тоска по родине!..», где поэт выражает свое безразличие к миру и к своему существованию в нем («Мне совершенно все равно...»), которое сменяется саднящей болью: «Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина...»

В 1937 году над семьей Цветаевой разверзается бездна: Сергея Эфрона обвиняют в соучастии убийства советского резидента И. ейсса, и он вынужден срочно «бежать» в Россию, куда недавно выехала и их дочь. В квартире – обыск. Цветаеву вызывают на допросы в полицию, она отвечает, что ничего о деятельности мужа не знает и что ее «доверие к нему непоколебимо». Года через полтора становится ясно: и ей пора вслед за Алей и Сергеем собираться с сыном на родину. Запад в это время уже охватывала Вторая мировая война, любимую Цветаевой Прагу оккупировали германские войска. Обожаемая с детства Германия теперь обманывала, «предавала ее чувства»: «Сгоришь, Германия! / Безумие, безумие, творишь!»

В июне 1939 года Цветаева с сыном покинула Францию на пароходе «Мария Ульянова». Почти недельное плавание («Так плыли: голова и лира...») явилось, по сути, прощанием поэта с жизнью. Неизвестно, какой прием ожидала найти Цветаева в предвоенной Москве, но никаких счастливых иллюзий на этот счет не строила. Сменялись страны, города, острова... ей вспоминались их великие жители: Андерсен, Лагерлёф, Рильке... Вспоминались строчки любимых произведений. Стоило опустить глаза – и взгляд упирался в роман А. Сент-Экзюпери «Планета людей» (Цветаева купила его в последний день отъезда), где писатель, размышляя о катастрофах, замечал, что спасаются только те, кого кто-нибудь ждет... С палубы слышался колокольный звон, «явственно и долго – подробно – во всем разнообразии», где-то раскачивался неутомный колокол. По ком звонил он? Ответ очевиден.

Москва не ждала Цветаеву. Это стало ей ясно с первой же минуты. С московского вокзала они с Муром сразу поехали в поселок Болшево, где жили Сергей и Ариадна Эфрон. Через два месяца последовал арест Али, еще через полтора – Сергея. И это явилось началом конца.

Далее – полгода проживания в Голицыне, затем – по разным углам в Москве. Обращения к Сталину, передачи в тюрьму и, чтобы как-то жить, переводы стихов зарубежных поэтов. «Я уже год примеряю смерть», – отметит Цветаева в частном письме, а в стихах скажет: «– Пора! для этого огня – / Стара! / – Любовь – старей меня!.. / Но боль, которая в груди, / Старей любви, старей любви».

Громовые раскаты войны докатились, наконец, и до Москвы. Цветаева принимает решение эвакуироваться вместе с сыном в Елабугу. Провожал Борис Пастернак, помогал нести вещи – последний человеческий жест со стороны родины. В Елабуге дали комнату. В поисках лучшего места жительства и работы Цветаева отправилась в Чистополь. Когда приехала, оказалось: есть одно место – судомойки в писательской столовой, правда, самой столовой пока нет. Что ж, подала заявление. Хотя понимала, что для нее все уже кончено. Ее видели там бледной, даже серой, с затравленными глазами. И слышали ее фразу: «Я все время ощущаю потерю личности».

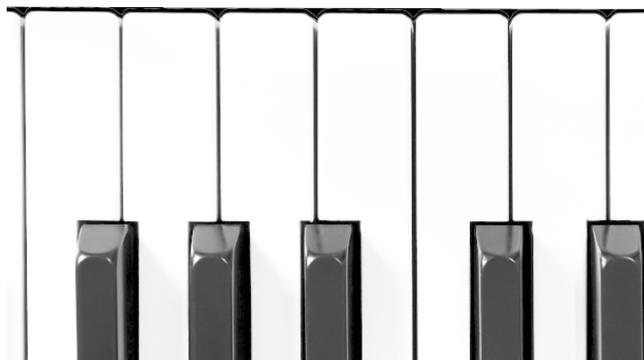
Когда вернулась в Елабугу, судьба «опустила руки»... За окном стояло 31 августа 1941 года. Сбылось свое же предсказание:

Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.

Меньше чем через два месяца после смерти Марины Цветаевой будет расстрелян Сергей Эфрон, спустя почти три года погибнет на фронте сын, и только Ариадна, пройдя тюрьмы и лагеря, наконец, освободится, и начнет потихоньку возвращать на родину имя своей великой матери.

Елена Толкачева

Я непорядок вещей Автобиографическая проза

Мать и музыка

Когда вместо желанного, предрешенного, почти приказанного сына Александра родилась только всего я, мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: «По крайней мере, будет музыкантша».

Когда же моим первым, явно-бессмысленным и вполне отчетливым догословным словом оказалась «гамма», мать только подтвердила: «Я так и знала», – и тут же принялась учить меня музыке, без конца напевая мне эту самую гамму: «До, Муся, до, а это – ре, до – ре...» Это до – ре вскоре обернулось у меня огромной, в половину всей меня, книгой – «кингой», как я говорила, пока что только ее «кинги», крышкой, но с такой силы и жути прорезающимся из этой лиловизны золотом, что у меня до сих пор в каком-то определенном уединенном *ундинном* месте сердца – жар и жуть, точно это мрачное золото, растопившись, осело на самое сердечное дно и оттуда, при малейшем прикосновении, встает и меня всю заливают по край глаз, выжигая – слезы. Это до – ре (Дорэ), а ре – ми – Реми, мальчик Реми из «Sans Famille»¹, счастливый мальчик, которого злой муж кормилицы (*estopié*², с точно спиленной ногой: *piéd*) калека *Père Barberin* сразу превращает в несчастного, сначала не дав блинам стать блинами, а на другой день продав самого Реми бродячему музыканту Виталису, ему и его трем собакам: Капи, Зербино и Дольче, единственной его обезьяне – Жоли Кёр, ужасной пьянице, потом умирающей у Реми за пазухой от чахотки. Это ре-ми. Взятые же отдельно: до – явно белое, пустое, *до* всего, ре – голубое, ми – желтое (может быть – *midi*³?), фа – коричневое (может быть, *фа*евоe выходное платье матери, а ре – голубое – река?) – и так далее, и все эти «далее» – есть, я только не хочу загромождать читателя, у которого *свои* цвета и *свои*, на них, резоны.

Слуху моему мать радовалась и невольно за него хвалила, тут же, после каждого сорвавшегося «молодец!», холодно прибавляла: «Впрочем, ты ни при чем. Слух – от Бога». Так это у меня навсегда и осталось, что я – ни при чем, что слух – от Бога. Это меня охранило и от самомнения, и от само-сомнения, со всякого, в искусстве, самолюбия, – раз слух от Бога. «Твое – только старание, потому что каждый Божий дар можно загубить», – говорила мать поверх моей четырехлетней головы, явно не понимающей и уже из-за этого запоминающей так, что потом уже ничем не выбьешь. И если я этого своего слуха не загубила, не только сама не загу-

¹ «Без семьи» (*фр.*).

² Искалеченный (*фр.*).

³ Полдень (*фр.*).

била, но и жизни не дала загубить и забить (а как старалась!), этим опять-таки обязана матери. Если бы матери почаще говорили своим детям непонятные вещи, эти дети, выросши, не только бы больше понимали, но и тверже поступали. Разъяснять ребенку ничего не нужно, ребенка нужно – заклясть. И чем темнее слова заклания – тем глубже они в ребенка врастают, тем непреложнее в нем действуют: «Отче наш, иже еси на небесех...»

С роялем – до-ре-ми – клавишным – я тоже сошлась сразу. У меня оказалась на удивительность растяжимая рука. «Пять лет, а уже почти берет октаву, чу-уточку дотянуться! – говорила мать, голосом вытягивая недостающее расстояние, и, чтобы я не возомнила: – Впрочем, у нее и ноги такие!» – вызывая у меня этими «ногами» смутный и острый соблазн когда-нибудь и ногой попытаться взять октаву (тем более что я одна из всех детей умею расставлять на ней пальцы веером!), чего, однако, никогда не посмела не только сделать, но даже додумать, ибо «рояль – святыня», и на него ничего нельзя класть, не только ног, но и книг. Газеты же мать, с каким-то высокомерным упорством мученика, ежеутренне, ни слова не говоря отцу, неизменно и невинно туда их клавишному, с рояля снимала – сметала – и, кто знает, не из этого ли сопоставления рояльной зеркальной предельной чистоты и черноты с беспорядочным и бесцветным газетным ворохом, и не из этого ли одновременно широкого и педантического материнского жеста расправы и выросла моя ничем не вытравливаемая, аксиомная во мне убежденность: газеты – нечисть, и вся моя к ним ненависть, и вся мне газетного мира – месть. И если я когда-нибудь умру под забором, я, по крайней мере, буду знать *отчего*.

Кроме большой руки, у меня оказался еще «полный, сильный удар» и «для такой маленькой девочки удивительно-одушевленное туше». Одушевленное туше звучало как бархат, и было коричневое, а так как *toucher* – трогать, выходило, что я рояль трогаю, как бархат: бархатом: коричневым бархатом: кошкой: *patte de velours*⁴.

Но о ногах я не кончила. Когда, два года спустя после Александра – меня, родилась заводный Кирилл – Ася, мать, за один раз – прирученная, сказала: «Ну, что ж, будет вторая музыкантша». Но когда первым, уже вполне осмысленным словом этой Аси, запутавшейся в голубой сетке кровати, оказалось «ранга́» (нога), мать не только огорчилась, но вознегодовала: «Нога? Значит – балерина? У меня – дочь балерина? У дедушки – внучка балерина? У нас, слава богу, в семье никто не танцевал!» (В чем ошиблась: был один роковой, в жизни ее матери, бал и танец, с которого все и пошло: и ее музыка, и мои стихи, вся наша общая лирическая неизбывная беда. Но *она* этого не узнала – никогда. Узнала – я, без малого сорок лет спустя этого ее горделивого утверждения, в Русском Доме Св. Женевиевы – как, расскажу в свой срок.⁵)

Годы шли. «Нога», как будто, сбывалась. Во всяком случае, Ася, очень легкая на ногу, на рояле играла ужасно – совершенно фальшиво, но, к счастью, так слабо; что уже из смежной гостиной ничего не было слышно. Боюсь теперь ошибиться, но навряд ли она, добросовестно, до предела растянув руку, брала больше чем от *до* до *фа*. Рука (как и нога) была крохотная, удар – мимовой, а туше – мушиное. Все же вместе, когда доходило до уха, резало его, как бритвой (мочку).

– Значит, в Ивана Владимировича, – сокрушенно, но уже смирившись, говорила мать, – у него на редкость никакого слуха. Впрочем, у Асенки как будто слух есть, и если бы можно было расслышать, что она поет, – может быть, и было бы верно? Но почему она на рояле так фальшивит?

Мать не понимала, что Ася за роялем, по малолетству, просто невыносимо скучает и только от собственного засыпания берет мимо (нот!), как слепой щенок – мимо блюда. А может быть, сразу брала по две ноты, думая, что так скорее возьмет – все положенные? А может

⁴ Бархатной лапкой (*фр.*).

⁵ По сведениям А. Саакянц, Цветаева в 1933 году познакомилась в упомянутом доме для престарелых с дальними родственниками своей матери, рассказавшими ей о юности матери, о ее предках Бернацких. Цветаева хотела написать повесть о детстве и юности М.А. Мейн. – *Здесь и далее примечания, не касающиеся переводов, составителя.*

быть (по две), как муха, по недостатку веса не могущая нацелиться на именно эту клавишу? Так или иначе, игра была не только плачевная, но – слезная, с ручьями мелких грязных слез и нудным комариным: и – и, и – и, и – и, от которого все в доме, даже дворник, хватались за голову с безнадежным возгласом: «Ну, завела!» И именно потому, что Ася играть продолжала, мать внутри себя от ее музыкальной карьеры с каждым днем все безнадежнее отказывалась, всю свою надежду вымещая на большерукой и бесслезной мне

– Нога, нога, – говорила она задумчиво, идя с нами, уже подростками и тоже стриженными, по стриженному осеннему калужскому лугу, – но что ж, в конце концов, балерина тоже может быть порядочной женщиной. Я знала одну, в Сокольниках – у нее даже было шесть человек детей, и она была отличная мать, настолько образцовая, что даже *дедушка* однажды отпустил меня к ней на крестины... – И уже явно шутя (и мы это понимали): – Муся – знаменитой пианисткой, Ася (как бы проглатывая)... знаменитой балериной, а у меня от гордости вырастет второй подбородок. – И, вовсе уже не шутя, а с глубокой сердечной радостью и горестью: – Вот мои дочери и будут «свободные художники», то, чем я так хотела быть. (Ее отец стоял за домашнее воспитание и пребывание, и на эстраде она стояла только раз, вместе со стариком Поссартом⁶, за год до его и своей кончины.)

...Но с нотами, сначала, совсем не пошло. Клавишу нажмешь, а ноту? Клавиша есть, здесь, вот она, черная или белая, а ноты нет, нота на линейке (на какой?). Кроме того, клавишу – слышно, а ноту – нет. Клавиша – есть, а ноты – нет. И зачем нота, когда есть клавиша? И не понимала я ничего, пока однажды, на заголовке поздравительного листа, данного мне Августой Ивановной для *Glückwunsh'a*⁷ матери, не увидела сидящих на нотной строке вместо нот – воробушков! Тогда я поняла, что ноты живут на ветках, каждая на своей, и оттуда на клавиши спрыгивают, каждая на свою. Тогда она – звучит. Некоторые же, запоздавшие (как девочка Катя из «Вечерних досугов»: поезд, машина, уходит, а опоздавшие Катя с няней – плачут...) – запоздавшие, говорю, живут над ветками, на каких-то воздушных ветках, но все-таки тоже спрыгивают (и не всегда впопад, тогда – фальшь). Когда же я перестаю играть, ноты на ветки возвращаются и так, как птицы, спят и тоже, как птицы, никогда не падают. Лет двадцать пять спустя они у меня все же упали и даже – ринулись:

Все ноты ринулись с листа,
Все откровенья с уст...

Но нот я, хотя вскоре и стала отлично читать с листа (лучше, чем с лица, где долго, долго читала – только лучшее!), – никогда не полюбила. Ноты мне – мешали: мешали глядеть, верней не-глядеть на клавиши, сбивали с напева, сбивали с знанья, сбивали с тайны, как с ног сбивают, так – сбивали с рук, мешали рукам знать самим, влезали третьим, тем «вечным третьим в любви» из моей поэмы (которой по простоте – ее, или сложности – моей, никто не понял) – и я никогда так надежно не играла, как наизусть.

Но помимо всего сказанного, верного не только для меня, но для каждого начинающего, теперь вижу, что мне для нот было просто слишком рано. О, как мать торопилась, с нотами, с буквами, с «Ундинами», с «Джэн Эйрами», с «Антонами Горемыками», с презрением к физической боли, со Св. Еленой, с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет, все равно не успеет всего, все равно ничего не успеет, так вот – хотя бы это, и хотя бы еще это, и еще это, и это еще... Чтобы было чем помянуть! Чтобы сразу накормить – на всю жизнь! Как с первой до последней минуты давала, – и даже давила! – не давая улечься, умяться (нам –

⁶ Поссарт Эрнст – немецкий актер, режиссер, театральный деятель. М.А. Мейн пела в его хоре во время гастролей артиста во Фрейбурге зимой 1904/05 г.

⁷ Поздравления (нем.).

успокоиться), заливала и забивала с верхом – впечатление на впечатление и воспоминание на воспоминание – как в уже не вмещающий сундук (кстати, оказавшийся бездонным), нечаянно или нарочно? Забивая вглубь – самое ценное – для долгией сохранности от глаз, про запас, на тот крайний случай, когда уже «все продано», и за последним – нырок в сундук, где, оказывается, еще – *всё*. Чтобы дно, в последнюю минуту, само подавало. (О, неистощимость материнского дна, непрерывность подачи!) Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика, – то, чего всегда мало, дважды – мало: как мало голодному всего в мире хлеба, и в мире мало – как радия, то, что само есть – недостаток всего, сам недостаток, только потому и хватающий звезды! – то, чего не может быть *слишком*, потому что оно – само *слишком*, весь излишек тоски и силы, излишек силы, идущий в тоску, горамидвигающую.

Мать не воспитывала – испытывала: силу сопротивления, – подастся ли грудная клетка? Нет, не подалась, а так раздалась, что потом – теперь – уже ничем не накормишь, не наполнишь. Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски. *Их* счастье – что не удалось, *наше* — что удалось!

После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом. Чтобы избыть ее дар – мне, который бы задушил или превратил меня в преступителя всех человеческих законов.

Знала ли мать (обо мне – поэте)? Нет, она шла *va banque*, ставила на неизвестное, на себя – тайную, на себя – дальше, на несбывшегося сына Александра, который не мог всего не мочь.

Но все-таки для нот было слишком рано. Если неполные пять лет вовсе не рано для букв, – я свободно читала четырех, и много таких детей знаю, – то для нот то же неполное пятилетие бесспорно и злоторно – рано. Нотно-клавишный процесс настолько сложнее буквенно-голосового, насколько сложнее сам клавиш – собственного голоса. Образно говоря: можно не попасть с ноты на клавишу, нельзя не попасть с буквы – на голос. И, совсем просто говоря: если между мной и клавиатурой вставали – ноты, то между нотой и мной – вставляла клавиатура, постоянно теряемая – из-за нотного листа. Не говоря уже о простом очевидном смысле читаемого слова и вполне-гадательном смысле игаемого такта. Читая, перевожу на смысл, играя, перевожу на звук, который, в свою очередь, должен быть на что-то переведен, иначе – звук пуст. Но когда же мне, пятилетней, чувствовать и это чувство выражать, когда я уже опять ищущая: сначала глазами, на линейке, знака, потом, в уме, соответствующей этому знаку – ноты гаммы, потом – пальцем – соответствующей этой ноте клавиши? Выходит игра с тремя неизвестными, а для пятилетнего достаточно – одного, за которым еще, всегда, другое, которое есть только ввод в большее неизвестное, которое за всяким смыслом и звуком, в огромное неизвестное – души. Или уж – надо быть Моцартом!

Но клавиши – я любила: за черноту и белизну (чуть желтизну!), за черноту, такую явно, – за белизну (чуть желтизну!), такую тайно-грустную, за то, что одни широкие, а другие узкие (обиженные!), за то, что по ним, не сдвигаясь с места, можно, как по лестнице, что эта лестница – из-под рук! – и что от этой лестницы сразу ледяные ручьи – ледяные лестницы ручьев вдоль спины – и жар в глазах – тот самый жар в долине Дагестана из Андрушиной хрестоматии.

И за то, что белые, при нажиме, явно веселые, а черные – сразу грустные, *верно* — грустные, настолько *верно*, что, если нажму – точно себе на глаза нажму, сразу выжму из глаз – слезы.

И за самый нажим: за возможность, только нажав, сразу начать тонуть, и, пока не отпустишь, тонуть без конца, без дна, – и даже когда отпустишь!

За то, что с виду гладь, а под гладью – глубь, как в воде, как в Оке, но глаже и глубже Оки, за то, что под рукой – пропасть, за то, что эта пропасть – из-под рук, за то, что, с места не сходя, – падаешь вечно.

За вероломство этой клавишной глади, готовой раздаться при первом прикосновении – и поглотить.

За страсть – нажать, за страх – нажать: нажав, разбудить – все. (То же самое чувствовал, в 1918 году, каждый солдат в усадьбе.)

И за то, что это – траур: материнская, в полоску блузка того конца лета, когда следом за телеграммой: «Дедушка тихо скончался» – явилась и она сама, заплаканная и все же улыбающаяся, с первым словом ко мне: «Муся, тебя дедушка очень любил».

За прохладное «ivoire»⁸, мерцающее «Elfenbein»⁹, баснословное «слоновая кость» (как слона и эльфа – совместить?).

(И – детское открытие: ведь если неожиданно забыть, что это – рояль, это просто – зубы, огромные зубы в огромном холодном рту – до ушей. И это рояль – зубоскал, а вовсе не Андришин репетитор Александр Павлович Гуляев, которого так зовет мать за вечное хохотание. И зубоскал совсем не веселая, а страшная вещь.)

За «клавиатуру» – слово такое мощное, что ныне могу его сравнить только с вполне раскрытым крылом орла, а тогда не сравнивала ни с чем.

За «хроматическую гамму» – слово, звучавшее водопадом горного хрусталя, за хроматическую гамму, которую я настолько лучше понимала, чем грамматическое – что бы ни было, которого и сейчас не понимаю, с которого-то и перестаю понимать. За хроматическую, которую я сразу предпочла простой: тупой: сытой: какой-то нянькиной и Ванькиной. За хроматическую, которая тут же, никуда не уходя, ни вправо ни влево, а только вверх, настолько длиннее и волшебнее простой, насколько длиннее и волшебнее наша тарусская «большая дорога», где можно пропасть за каждым деревом, – Тверского бульвара от памятника Пушкина – до памятника Пушкина.

За то, что – это я сейчас говорю – Хроматика есть целый душевный строй, и этот строй – мой. За то, что Хроматика – самое обратное, что есть грамматике, – Романтика. И Драматика.

Эта Хроматика так и осталась у меня в спине.

Больше скажу: хроматическая гамма есть мой спинной хребет, живая лестница, по которой все имеющее во мне разыграться – разыгрывается. И когда играют – по моим позвонкам играют.

...За слово – клавиш.

За тело – клавиш.

За дело – клавиш.

И слово любила «бемоль», такое лиловое и прохладное и немножко граненое, как Валериины флаконы, и рифмовавшее во мне с желтофиоль, никогда не виденным материнским могильным цветком, с первой страницы «Истории маленькой девочки»¹⁰. И «диез», такое прямое и резкое, как мой собственный нос в зеркале. Labemo! же было для меня пределом лиловизны: лиловее тарусских ирисов, лиловее страховской тучи, лиловее сегуровской «Forêt des Lias»¹¹.

Бемоль же, начертанный, мне всегда казался тайный знак: точно мать, при гостях, подымет бровь и тут же опустит, этим загоняя что-то мое в самую глубину. Спуском брови над знаком глаза.

Бэкар же был просто – пуст: знак, что не в счет, олицетворенное как не бывало, и он сам был не в счет, и его самого не было, и я к нему относилась снисходительно, как к пустому дураку. Кроме того, он был женат на Бэккере.

Вначале еще смущали верх и низ, верх, который я неизменно ощущала басами, *левым*, – а низ – дискантом, тонизной, *правым* концом клавиатуры, беззвучным уже дребезгом, концом

⁸ Слоновая кость (*фр.*).

⁹ Слоновая кость (*нем.*).

¹⁰ Автобиографическая повесть Е. Сысоевой, очень популярная в конце XIX в.

¹¹ «Сиреневой роши» (*фр.*).

звука и началом лака. (Наверху – горы и гром, внизу – букашки, мухи, например, бубенчики, одуванчики, комары, пискари, – такое...) Теперь вижу, что была права, ибо читаем мы слева направо, то есть с начала к концу, а начало никак не может быть низом, который сам по себе есть схождение на нет. (Тонкий звук сходит на нет, а глухой, басовый – *ins All*¹². В рояльный лак. В гулы.) Клавишно-вокальное определение верха и низа соответствовало бы еврейскому письму.

Но больше всего, из всего ранне-рояльного, я любила – скрипичный ключ. *Слово* — такое чудное и протяжное и именно непонятностью своей (почему *скрипичный*, когда – рояль?) внедрившееся, как ключом отмыкавшее весь запретный скрипичный мир, в котором, из полной его темноты, уже занывало имя Паганини и горным хрусталем сверкало и грохотало имя Сарраматы, мир, – я это уже знала! – где за игру продают черту – душу! – слово, сразу делавшее меня почти скрипачом. И еще другой ключ: *Vorn*, ключ *Oheim Kuhlborn*: Дядя Струй, из жемчужной струи разрастающийся в смертоносный поток... И еще ключ – другой:

...холодный ключ забвенья,
Он лучше всех жар сердца утолит! –

из Андрюшиной хрестоматии, с двумя неизвестными: «забвенье» и «утолит», и двумя известными: «жар» и «сердце», которые есть – одно.

Слово и вид – лебединый, вид, который я так любовно воспроизводила на нотной бумаге, с чувством, что сажаю лебедя на телеграфные провода.

Басовый же мне ничего не говорил: ни вид, ни звук, и я его втайне презирала. Во-первых, – ухо, простое грубое ухо с двумя дырками, но проткнутыми, – о глупость! не в нем, а рядом – и двумя вместо одной, точно можно в одном ухе носить две серьги и точно, вообще, бывает одно ухо. (Ушной вопрос меня очень интересовал, ибо мать, у которой уши были проткнуты и серьги – висели, называла это варварством, а ее падчерица, институтка Валерия, которая считала это красотой, никак не могла этого проткнутия добиться: то запухали, то зарастали, – так и ходила злая, с шелковинкой.) Слово же «басовый» – просто барабан, бас: Шаляпин. А одна полоумная поклонница (у нее пол-ума, и она все время кланяется!) ставит в двенадцать часов ночи своего трехлетнего Сашу на стол и заставляет его петь, «как Шаляпин». И от этого у него круги под глазами и он совершенно не растет. Нет, бог с басовым! И уже для собственного удовольствия, долбя коленями стул, локтями – стол, ряд чудесных скрипичных, один другого внизу – полнее, вверху – стройнее, – целая вереница скрипичных лебедей!

Но это было письменное, писецкое, писательское рвение. Музыкального рвения – и пора об этом сказать – у меня не было. Виной, верней причиной было излишнее усердие моей матери, требовавшей с меня не в меру моих сил и способностей, а всей сверхмерности и безвозрастности настоящего рожденного призвания. С меня требовавшей – себя! С меня, уже писателя – меня, никогда не музыканта. «Отсидишь свои два часа – и рада! Меня, когда мне было четыре года, от рояля не могли оттащить! “*Noch ein wenig!*”¹³ Хотя бы ты раз, раз у меня этого попросила!» Не попросила – никогда. Была честна, и никакая ее заведомая радость и похвала не могли меня заставить попросить того, что само не просилось с губ. (Мать меня музыкой – замучила.) Но и в игре была честна, играла без обману два своих положенных утренних часа, два вечерних (до музыкальной школы, то есть до шести лет!), и даже не часто оглядываясь на спасительный круг часов (которых я, впрочем, лет до десяти совершенно не понимала, – с тем же успехом могла бы оглядываться на «Смерть Цезаря» над нотной этажеркой), но как их глубокому зову – радуясь! Играла без матери так же, как при матери, играла, несмотря на

¹² В бесконечность (*нем.*).

¹³ Еще немножко! (*нем.*)

соблазны враждовавшей с матерью немки и сердобольной няньки («совсем дитя замучили!») и даже дворника, топившего печку в зале: «Пойди-ка, Мусенька, пробегись!» – и даже, иногда, самого отца, появлявшегося из кабинета, и, не без робости: «А как будто два часа уже прошли? Я тебя точно уж полных три слышу...» Бедный папа! В том-то и дело, что *не* слышал, ни нас, ни наших гамм, ганонов и галопов, ни материнских ручьев, ни Валерииных (пела) рулад. До того не слышал, что даже дверь из кабинета не закрывал! Ведь когда не играла я – играла Ася, когда не играла Ася – подбирала Валерия, и, покрывая и заливая всех нас – мать – целый день и почти что целую ночь! А знал он только всего один мотив – из «Аиды» – наследие первой жены, певчей и рано умолкшей птицы. «Даже “Боже, царя храни” не умеешь спеть!» – мать ему, с шутовой укоризной. «Как не могу? Могу! (и, с полной готовностью) Бо-о-же!» Но до «царя» не доходило никогда, ибо мать, с вовсе уже не шуточно, – а с истинно-страдальчески-искаженным лицом тут же прижимала к ушам руки, и отец переставал. Голос у него был сильный.

Позже, после ее смерти, он часто – Асе: «Что ты, Асенька, как будто фальшивишь?» – для очистки совести, – заменяя мать.

Нет, несмотря ни на какие соблазны, соблезнования и зовы – играла. Играла твердокаменно.

Жара. Синева. Мушиная музыка и мука. Рояль у самого окна, точно безнадежно пытаюсь в него всем своим слоновым неповоротом – выйти, и в самое окно, уже наполовину в него войдя, как живой человек – жасмин. Пот льет, пальцы красные – играю всем телом, всей своей немалой силой, всем весом, всем нажимом и, главное, всем своим отвращением к игре. Смотрю на кисть, которую в детстве матери нужно было держать на одной линии (напряжения!) с локтем и первым пальцевым суставом и так неподвижно, чтобы не расплескать поставленной на нее (оцените коварство!) *севрской* чашки с кипящим кофе или не скатить серебряного рубля, а ныне, в моем – держать в непрерывном движении свободы, в чередовании поклона и заброса, чтобы играющая рука, в совокупности локтя, кисти и концов пальцев, давала пьющего лебедя, и на обороте которой (кисти) голубые жилы, у меня, если нажать, дают явную букву Н – того Николая, за которого, по толкованию немки, я через двенадцать лет выйду замуж, – по француженке же: Henri. Все на воле: Андрюша с папой пошли купаться, мама с Асей «на пеньки», Валерия в Тарусу на почту, только кухарка одна стучит котлетным ножом – и я – по клавишам. Или, осень: Андрюша строгаёт палку, Ася, высунув язык, рисует дома, мама читает «Eckerhardt», Валерия пишет письмо Вере Муромцевой, я одна – «играю» (Зачем??)

– Нет, ты не любишь музыку! – сердилась мать (именно сердцем – сердилась!) в ответ на мой бесстыдно-откровенный блаженный, после двухчасового сидения, прыжок с табурета. – Нет, *ты* музыку – *не* любишь!

Нет – любила. Музыка – любила. Я только не любила – свою. Для ребенка будущего нет, есть только *сейчас* (которое для него – *всегда*). А сейчас были гаммы, и ганоны, и ничтожные, оскорблявшие меня своей малюточностью «пьески». И моя будущая виртуозность была для меня совершенно тем мужем Николаем или Henri. Хорошо ей было, ей, которая на рояле могла все, ей, на клавиатуру сходящей, как лебедь на воду, ей, на моей памяти в три урока научившейся на гитаре и игравшей на ней концертные вещи, ей, с нотного листа читавшей, как я с книжного, хорошо ей было «любить музыку». В ней две музыкальные крови, отцовская и материнская, слились в одну, эти две-то ее всю и дали! И она не учитывала, что собственной, певчей, лирической, одностихийной, она сама же противопоставила во мне браком – другую, филологическую и явно-континентальную, с ее кровью, – неслиянную – и неслившуюся.

Мать – залила нас музыкой. (Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли – на свет дня!) Мать затопила нас как наводнение. Ее дети, как те бараки нищих на берегу всех великих рек, отродясь были обречены. Мать залила нас всей горечью своего несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кро-

вью второго рождения. Могу сказать, что я родилась не *ins Leben, a in die Musik hinein*¹⁴. Все лучшее, что можно было слышать, я отродясь слышала (*будущее* включая!). Каково же было, после невыносимого волшебства тех ежевечерних ручьев (тех самых ундинных, лесноцаревых, «жемчужны струи»), слышать свое честное, унылое, из кожи вон лезущее, под собственный счет и щелк метронома «игранье»? И как я могла не чувствовать к нему отвращения? Рожденный музыкант бы переборол. Но я не родилась музыкантом. (Помню, кстати, что одна из ее самых любимых русских книг была «Слепой музыкант», которым она меня постоянно попрекала, как и трехлетним Моцартом, и четырехлетней собой, а позже – Мусей Потаповой, которая меня обскакивала, и кем еще *не*, и кем только *не!*..)

Щелк метронома. Есть в моей жизни несколько незыблемых радостей: не идти в гимназию, проснуться не в Москве 19-го года и не слышать метронома. Как это музыкальные уши его переносят? (Или музыкальные уши другое, чем музыкальные души?) Метроном я, до четырех лет, даже любила, почти так же, как часы с кукушкой, и за то же: за то, что в нем тоже кто-то живет, причем кто – неизвестно, потому что я его, в доме, обновила. Это был дом, в котором я сама хотела жить. (Дети всегда хотят в чем-нибудь немислимом жить, – так мой сын, шести лет, мечтал жить в уличном фонаре: светло, тепло, высоко, все видно. «А если в твой дом бросят камнем?» – «Тогда я в них буду бросаться огнем!») Но как только я под его методический щелк *подпала*, я его стала ненавидеть и бояться до сердцебиения, до обмирания, до похолодания, как и сейчас боюсь по ночам будильника, всякого равномерного, в ночи, звука. Точно по мою душу идет этот звук! Кто-то стоит над твоей душой, и тебя торопит, и тебя удерживает, не дает тебе нидохнуть, ни глотнуть, и так же будет тебя торопить и удерживать, когда ты уйдешь, – один в пустой зале, над пустым табуретом, над закрытой рояльной крышкой, – потому что его забыли закрыть – и доколе не выйдет завод. Неживой – живого, тот, которого нет, – того, который есть. А вдруг завод – никогда не выйдет, а вдруг я с табурета – никогда не встану, никогда не выйду из-под тик-так, тик-так... Это была именно Смерть, стоящая над душою, живой душою, которая может умереть – бессмертная (уже мертвая) Смерть. Метроном был – гроб, и жила в нем – смерть. За ужасом звука я даже забывала ужас вида: стальная палка, вылезаящая, как палец, и с маниакальной тупостью качающаяся за живой спиной. Это была моя первая встреча с техникой и предрешившая все остальные, техника во всей ее свежести, ее стальной букет, ее первый, мне, стальной бутон. О, я никогда не отставала от метронома! Он меня держал – не только в такте, но физически приковывал к табурету. Открытый метроном был лучшей гарантией, что я не оглянусь на часы. Но мать, к счастью, иногда забывала, и никакая моя – ее! – протестантская честность не могла заставить меня напоминанием обречь себя на эту муку. Если я когда-нибудь кого-нибудь хотела убить – так метроном. И не перестал еще идти из глаз моих тот взгляд сладострастной мести, которым я, отыграв и с самым непринужденным видом проходя мимо этажерки, его, через все высокомерие плеча, дарила: «Я – иду, а ты – стоишь!»

Но мимо этажерки я не только проходила, я у нее подолгу стояла. Этажерка была та же библиотека, но – немая, – точно я вдруг ослепла или одурела. Или та же стена отцовских латинских, материнских английских книг, именно стена – непроницаемая: читаю буквы и не понимаю. Настолько ума у меня было, чтобы сознавать, что здесь, в этих коричневых, вожденно-толстенных и громадных тетрадных томах – все «жемчужны струи» и моря материнской игры. Но не слышу – глухо! Видит око – да зуб неймет! Тогда, отказавшись, начинаю читать слова: *Opus – Moll – Rubinstein – Нувеллист...*

Нотная этажерка делилась на «мамино» и «Лёрино». Мамино: Бетховен, Шуман, опусы, *Dur*'ы, *Moll*'и, Сонаты, Симфонии, *Allegro non troppo*, и Лёрино – Нувеллист. Нувеллист + Романсы (через французское *an*). И я, конечно, предпочитала «ансы». Во-первых, в них вдвое

¹⁴ Не в жизнь, а в музыку (*нем.*).

больше слов, чем нот (на одну нотную строчку – две буквенные), во-вторых, я всю Лёрину библиотеку могу прочесть *подстрочно*, минуя ноты. (Когда я потом, вынужденная необходимостью *своей* ритмики, стала разбивать, разрывать слова на слога путем непривычного в стихах тире, и все меня за это, годами, ругали, а редкие – хвалили (и те и другие за «современность») и я ничего не умела сказать, кроме: «так нужно», – я вдруг однажды глазами увидела те, младенчества своего, романсные тексты в сплошных законных тире – и почувствовала себя омытой: всей Музыкой от всякой «современности»: омытой, поддержанной, подтвержденной и узаконенной – как ребенок по тайному знаку рода оказавшийся – родным, в праве на жизнь, наконец! Но, может быть, прав и Бальмонт, укоризненно-восхищенно говоря мне: «Ты требуешь от стихов того, что может дать – только музыка!») Романсы были те же книги, только с нотами. Под видом нот – книги. Только жаль, что такие короткие. Распахнешь – и конец.

Вот Дивный Терем, с нарисованной зеленой вроде-дачей на ходулях и таинственной, колышками, вкось, надписью: «Посвящается Ее Высочеству Великой Княжне (не помню какой) ко дню возвращения (а может быть, и отбытия) Ее Августейшего Жениха, Принца (забыла – какого)». «Дивный терем стоит – И хором много в нем...» Помню ожигавший и заливавший меня ликованием возглас: «Он вернется, жених!» – точно все спасение мира было в том, чтобы жених – вернулся, обещание, от музыки становившееся обетованием, звучавшее совсем как: «Благословен грядый во имя Господне!» – и, одновременно заливавшее меня тоскою – так, точно не вернется жених. Этот магический удар по мне Дивного Терема – те же острые верхи тоски! – я потом узнала в Нибелунгах и, целую жизнь спустя, в бессмертном эпосе Зигрид Ундсет. Это была моя первая встреча с Скандинавским Севером. «Жених» же мне почему-то представлялся летящим на ковре-самолете, или просто Змеем-Горынычем; во всяком случае чем-то воздушным, с неба падающим на ту самую гору. И – как продолжение этой горы – в другом уже романсе: «Милые го-оры, мы возврати-имся...» Что это значило? И кто сочинил эти страшные слова, кроме которых ничего не помню, да, кажется, ничего и не было. Кто (да еще *мы*, во множественном!) утешает *горы*, что – возвратится? Может быть, те самые Ее Высочество с Змеем-Горынычем, улетающие со своей горы – царствовать? Во всяком случае, для романса – слова странные, и как Святополк-Мирский говорил, «теряюсь в догадках». Достоверно одно: страсть моя к горам и тоска на ровном месте, дикие для средне-россиянки, – оттуда. Горы во мне начались с тоски по ним и даже с тоски – их – по мне: ведь я же им в утешение пела, что «возвратимся»!

А вот еще, и тоже с картинкой, которую Валерия по многу раз перерисовывала акварелью в альбомы своим институтским подругам: темно-коричневая старуха с одной серьгой, в большом клетчатом, как у нашей матери, платке, а нос и подбородок сходятся так, что как раз еще успеешь просунуть нож, – Ворожея.

Погадай-ка мне, старушка,
Я давно тебя ждала.
И косматая, в лохмотьях,
К ней цыганка подошла.

– Лохматая, в космотьях! – как во все горло пел Андрюша, только и ждавший, чтобы певица попала на эту строку. Пение кончалось погоней, а песня – что любит. «Да, сказал цветок ей темным, сердцу внятным языком. На устах ее – улыбка, в сердце – радость и гроза...»

Всю эту Лёрину полку я с полным упоением и совершенно всухую целый день повторяла наизусть, даже иногда, забывшись, при матери. «Что это ты опять говоришь? Повтори-ка, повтори!» – «В сердце радость и гроза». – Что это значит?» – Я, уже тихо: «Что в сердце радость и гроза». – «Что? Что?» – мать, наступая. Я, уже совсем тихо (но твердо): «Гроза – и радость». – Какая гроза? Что значит – гроза?» – «Потому что ей страшно». – «Кому ей?» – «Которая подо-

шла к старушке, потому что старушка – страшная. Нет, это старушка – подошла». – «Какая старушка? Ты с ума сошла!» – «Из Лёриной песни. Одна барышня обдирала маргаритку и вдруг видит: старушка – с палкой... Это называется «Ворожéя» (ударяю на предпоследнем слог). Мать, так же: «А что значит Ворожéя?» – «Я не знаю». Мать, торжествующе: «А, вот, видишь, не знаешь, а говоришь! Я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты не смела читать Лёриных нот. Не могу же я, наконец, от нее и этажерку запирать на ключ!» – мать, торопливо проходящему с портфелем в переднюю, внимательно-непонимающему отцу. Пользуясь отводом, скрываюсь в недостижимость лестницы, но уже с половины ее: «На устах ее улыбка, в сердце радость и гроза... Тá-та, тá-та, тá-та, тá-та... Он глядит в ее глаза...» – Так, из-под самого метронома, из-под самого его, полированного, носа лились на меня потоки самой *бестактной* лирики. А иногда я, застигнутая, просто – врала. (До четырех лет я, по свидетельству матери, говорила только правду, потом, очевидно, спохватилась...) «Что ты опять тут делаешь?» – «Я смотрю на метроном». – «Что значит “смотрю на метроном”?» Я, с противоестественным восторгом: «Он такой красивый! (Пауза и, ничего не найдя): Желтый!» Мать, уже смягченная: «На метроном нужно не смотреть, а слушать». Я, уже на верху *спасательной* лестницы, разрываясь между желанием и ужасом быть услышанной, громким, но шепотом: «Мама, а я в Лёриных нотах рылась! А метроном – урод!»

К Лёриному репертуару относились еще все ноты ее матери, все эти оперы, и арии, и аранжировки, тоже со словами, но непонятными (пению училась в Неаполе) и с подавлявшим меня количеством ненавистных мне надлинейных трижды и четырежды перечеркнутых нот. «Нувеллист» же я, за детскую простоту нотного начертания, полную его доступность моей детской несостоятельности – презирала: столько белых и никаких перечерков, – точно взяли один материнский нотный лист и рассыпали (как кур кормят!) на целый год «Нувеллиста», – так, чтобы на каждую страницу хоть немножко попало, – почти что мой «Леберт и Штарк», – только с педалью. Педаль мне, кстати, была строго воспрещена. «От земли не видать, а уже педаль! Чем ты хочешь быть: музыкантом или (проглатывая «Лёру»)... барышней, которая, кроме педали да закаченных глаз... Нет, ты сумей *рукой* дать педаль!» Давала – ногой, но только в отсутствие матери, но зато так подолгу, что уже не понимала: уже я (гужу) или – еще педаль? (представлявшаяся мне, кстати, золотой туфелькой – Plattfuss¹⁵ – Золушки!). Но у педали была еще одна – словесная родня: *педель*¹⁶, педель студенческих *сходок*, педель, забравший на сходке нашего с Асей до собачьего вою любимого Аркадия Александровича (Аркаэксаныча), Андрюшиного репетитора. Педелем вызвано второе мое в жизни стихотворение:

Все бегут на сходку:
Сходка где? Сходка – где?
Сходка будет на дворе.

Педель, мнившийся мне огромным, выше всего этого двора, и забирающий студентов (Аркаэксанычей) свыше, огромной раскоряченной лапой, как Людоед – мальчиков с пальчиков. Людоед – но так как это *все-таки* университетский служитель – то весь в медалях. И, конечно, такой же один, как педали – две. Но, назвав педеля, не могу не упомянуть его словесной родни: пуделя, белого ученого Капи из «Sans Famille»¹⁷, который рвет педеля за *панталоны* — тогда педель Аркаэксаныча выпускает, – и их общей, педея и педали, словесной родни, двоюродной сестры *падали*, той падали, которой пахнет – одну секунду – и каждый раз

¹⁵ Плоскостопия (нем.).

¹⁶ Надзиратель за поведением студентов в русских университетах.

¹⁷ «Без семьи» (фр.).

– и безумно сильно – в бузине, у самого подступа к нашей тарусской даче, падали, от детства и Тарусы такой родной и мной-самой, что каждый раз, как это слово слышу – оборачиваюсь.

Но возвратимся на мой мученический табурет. Табурет был, как все, должно быть, но я-то тогда не знала, что все такие, и даже не знала, что есть еще такие, это был *табурет*, вещь в доме без себе подобных, магическая, ибо из всех вещей именно она требовала, чтобы я сидела смиренно, а сама – вертелась! На своей рубчатой шее, так напоминавшей ошпипанную индюшачью. Вывернешь ее до предела и ждешь не без волнения, что вот «голова», ослабнув, качнется и совсем отвалится. Но помню и отвал другой головы – собственной, когда, вжавшись руками в сидение и ногами помогая, обмирая от близящейся сладкой тошноты, не раз, не два, а весь винт ввысь и затем вниз – до отрыва головы, рвущейся с шеи, как шар с крутимой палки. «А-а-а! опять *завертелась!* – тихо вошедший и безмолвно наблюдавший Андрюша, с злорадством глядя на мое зеленое лицо. – Давай перочинный нож, а то маме скажу, как ты тут без нее своих Лебертов и Штарков играешь. (Пауза.) Дашь нож?» – «Нет». – «Так вот тебе Леберт! – Так вот тебе Штарк!» И, уверяю, удар был вовсе не *staccat'*ный.

Андрюша на рояле не учился, потому что был от другой матери, которая пела, и вышло бы вроде измены: дом был начисто поделен на пенье (первый брак отца¹⁸) и рояль (второй), которые иногда тарусскими поздними вечерами и полями в двухголосом пении, Валерии и нашей матери – сливались. Но как сейчас слышу материнское сдавленно-исступленное «ох» в ответ на Валериино, часами, «подбирание» и «напевание», как сейчас вижу искажение всего ее лица и рук на каком-нибудь особенно-выразительном, при помощи педали, аккорде, или на особенно-высокой, при помощи полузакрытых глаз и вертикального подбородка, ноте, за которой вот-вот начнется тот ужасный безголосый сухо-горловой крик, сравнимый по нестерпимости только с внезапно ожившим и заигравшим под языком зубным нервом, – крик, за который можно убить.

Но, возвращаясь к совершенно непричемному, непевшему и неигравшему Андрюше: Андрюшину роялю воспротивился сам его дед Иловайский, заявивший, что «Ивану Владимировичу в доме и так довольно музыки». Бедный Андрюша, затертый между двумя браками, двумя роками: пять мальчиков не учат, а рояль – *мейновское* (второ-женино). Бедный Андрюша, на которого не хватило, – ушей? свободной клавиатуры? получаса времени? просто здравого смысла? чего? – всего и больше всего – слуха. Но вышло как по-писаному: ни из Валерииных горловых полосканий, ни из моего душевного туше, ни из Асиных «тили-тили» – ничего не вышло, из всех наших дарований, мучений, учений – ничего. Вышло из Андрюши, отродясь не взятого на наш горделивый музыкальный корабль, попавшего в нашем доме в некое междумузыкальное пространство, чтобы было гостям и слугам, а может быть, и городовому за окном – на чем отдохнуть: на его немоте. Но по-особому вышло, и двойной запрет сбился: ни петь, ни играть на рояле он не стал, но, из Андрюши став Андреем, сам, самоучкой, самолично и самоушно, научился играть сначала на гармонике, потом на балалайке, потом на мандолине, потом на гитаре, подбирая по слуху – все, не только сам научился, еще и Асю научил на балалайке, и с большим успехом, чем мать на рояле: играла громко и верно. И последней радостью матери была радость этому большому красивому, смущенно улыбающемуся неаполитанцу-пасынку (оставленному ею с гимназическим бобриком), с *ее* гитарой в руках, на которой он, присев на край ее смертной постели, смущенно и уверенно играл ей все песни, которые знал, а знал все. Гитару свою она ему завещала, передала из рук в руки: «Ты так хорошо играешь, и тебе так идет...» И, кто знает, не пожалела ли она тогда, что *тогда* послушалась старого деда Иловайского и своего молодого второ-жениного такта, а не своего умного, безумного сердца, то есть забывши всех дедов и жен: ту, первую, себя, вторую, нашего с Асей музыкального деда и Андрюшиного исторического, не усадила: меня – за письменный стол, Асю –

¹⁸ Первая жена И.В. Цветаева Варвара Дмитриевна Иловайская была певицей.

за геркулес, а Андрюшу – за рояль: «До, Андрюша, до, а это ре, до – ре...» (из которого у меня никогда ничего не вышло, кроме Doré, Gustav'a...).

Но замечаю, что я еще ничего не сказала о главном действующем лице моего детства – самом рояле. (Золотыми буквами «Бэккер», – *Royale à queue*). Но рояль не один. В каждом играющем детстве: раз, два, три – четыре рояля. Во-первых – тот, за которым сидишь (томишься и так редко гордишься!). Во-вторых, – тот, за которым сидят – мать сидит – значит: гордишься и наслаждаешься. Не «как сейчас вижу» – так сейчас уже не вижу! – как *тогда* вижу ее коротковолосую, чуть волнистую, никогда не склоненную, даже в письме и в игре отброшенную голову, на высоком стержне шеи между двух таких же непреклонных свеч на выдвинутых боковых досочках. И еще раз ту же голову – в одном из парных стоячих зальных зеркал, в зеркальной его вертикали над рояльной горизонталью, ту же голову, но с невидимой нам стороны (тайна зеркала, усугубленная тайной профиля!) – в отвесном зеркальном пролете, отдаляющем ее от нас на всю непостижимость и недостижимость зеркала, голову матери, между свеч от зеркала делающуюся – почти елкой!

Третий и, может быть, самый долгий, – тот, под которым сидишь: рояль изнизу, весь подводный, подрояльный мир. Подводный не только из-за музыки, лившей на голову: за нашим, между ним и окнами, заставленные его черной глыбой, отделенные и отраженные им как черным озером, стояли цветы, пальмы и филодендроны, подрояльный паркет превращавшие в настоящее водное дно, с зеленым, на лицах и на пальцах, светом, и настоящими корнями, которые можно было руками трогать, где как огромные чудеса беззвучно двигались материнские ноги и педали.

Трезвый вопрос: почему цветы стояли *за* роялем? Чтобы неудобнее поливать? (С матери, при ее нраве, бы случилось!) Но от этого соединения: рояльной воды, и воды леечной, рук матери, играющих, и рук, поливающих, попеременно льющих то воду, то музыку, рояль для меня навсегда отождествлен с водою, с водой и зеленью: листовым и водным шумом.

Это – материнские руки, а вот – материнские ноги. Ноги матери были отдельные живые существа, вне всякой связи с краем ее длинной черной юбки. Вижу их, вернее, одну, ту, что на педали, узкую, но большую, в черном, бескаблучном башмаке на пуговках, которые мы зовем глазами мопса. Потому они и прюнелевые (*prunelle des yeux*¹⁹ – мопса). Нога черная, а педаль золотая, и почему это для матери она правая, а для меня левая? Как это она сразу – правая и левая? Ведь если бы нажать отсюда, то есть из-под рояля, лицом к коленям матери, она бы оказалась левой, то есть короткой (по звуку). Почему же у матери она выходит правая, то есть звук – тянет? А что, если я одновременно с материнской ногой нажму ее – рукой? Может быть, получится длинно-короткая? Но длинно-короткая значит никакая, значит – ничего не получится? Но тронуть ногу матери я не смею, это мне, собственно, и в голову не могло прийти.

«Еще доказательство твоей немзыкальности!» – восклицала мать, после целого часа игры (из которой выходила потерянная, как пловец из слишком долгой и бурной воды, никого и ничего не узнавая), после часовой игры, наконец, обнаружившая, что мы весь час сидели под роялем: Ася – вырезая из картонного листа телесных девочек и их поштучное приданое, я – думая про правую и левую, а чаще ничего не думая, как в Оке. Андрюша под роялем скоро перестал сидеть; у него вдруг так выросли ноги, что он непременно попадал ими в ноги матери, которая тогда вставала и усаживала его за книги, которые он ненавидел, потому что ему только их и дарили – именно потому, что ненавидел – для того чтобы любил. И еще потому, что у него от чтения сразу шла кровь носом. Так что, из инстинкта самосохранения, под рояль не лез, а неподвижно сидел на своем штекенпферде²⁰ в арке залы, показывая нам с Асей кулаки и языки. «Музыкальное ухо не может вынести такого грома! – уже гремела мать, совершенно

¹⁹ Зрачки (*фр.*).

²⁰ Деревянной лошадке на палочке (*нем.*).

меня оглушая. – Ведь оглохнуть можно!» (Молча: «Это-то мне и нравится!» Вслух же:) «Так лучше слышно!» – «Лучше слышно! Барабанная перепонка треснуть может!» – «А я, мама, ничего не слышала, честное слово! – торопливо и хвастливо, Ася. – Я все думала про этот маленький, маленький, ма-аленький зубчик!» – в полном чистосердечии суя матери под нос безукоризненной резки кукольные панталонные фестоны. – «Как, ты вдобавок еще острыми ножницами резала! – мать, совсем сраженная. – Fräulein, где вы? Одной лучше слышно, а другая ничего не слышала, и это дедушкины внучки, мои дочери... О, господи!... – И, замечая уже дрожащие губы своей любимицы: – Асеньке – еще простительно... Асенька еще маленькая... Но ты, ты, которой на Иоанна Богослова шесть лет стукнуло!»

Бедная мать, как я ее огорчала и как она никогда не узнала, что вся моя «немузыкальность» была – всего лишь *другая* музыка!

Четвертый рояль: тот, над которым стоишь: глядишь и, глядя, входишь, и который, в постепенности годов, обратно вхождению в реку и всякому закону глубины, тебе сначала выше головы, потом по горло (и как начисто срезая голову своим черным краем холодной ножа!), потом по грудь, а потом уже и по пояс. Глядишь и, глядя, глядишься, постепенно сводя сначала кончик носа, потом рот, потом лоб с его черным и твердым холодом. (Почему он такой глубокий и такой твердый? Такая вода и такой лед? Такой *да* и такой *нет*?) Но, кроме попытки войти в рояль лицом, была еще простая детская шалость: надышать, как на оконное стекло, и на матовом, уже сбегавшем серебряном овале дыхания успеть отпечатать нос и рот, которые: нос – выходит пяточком, а рот – совершенно распухшим, точно пчела всюду укусила! – в глубоких продольных полосках, как цветок, и вдвое короче, чем в жизни, и вдвое шире и который сразу исчезает, сливаясь с чернотой рояля, точно рояль мой рот – проглотил. А иногда я, за недостатком времени, с оглядкой на все выходы залы: в переднюю – раз, в столовую – два, в гостиную – три, в мезонин – четыре, откуда, из всех сразу, могла выйти мать, просто рояль целовала – для холода губ. Нет, можно войти дважды в ту же реку. И вот, с самого темного дна, идет на меня круглое пятилетнее пыливое лицо, без всякой улыбки, розовое даже сквозь черноту – вроде негра, окунутого в зарю, или розы – в чернильный пруд. Рояль был моим первым зеркалом, и первое мое, своего лица, осознание было сквозь черноту, переводением его на черноту, как на язык темный, но внятный. Так мне всю жизнь, чтобы понять самую простую вещь, нужно окунуть ее в стихи, *оттуда* увидеть.

И, наконец, последний рояль – тот, в который заглядываешь: рояль нутра, нутро рояля, струнное его нутро, как всякое нутро – тайное, рояль Пандориного: «А что там внутри?» – тот, о котором Фет, во внятной только поэту и музыканту, потрясающей своей зрительностью строке:

Рояль был *весь* раскрыт, и струны в нем дрожали...

Не те аллегорические «струны души», а настоящие, рукой мастера протянутые и которые рукой можно тронуть, проследить от серебряных закрепок до обутых в красный бархат молоточков, *Hämmerlein im Kämmerlein*²¹, чем-то – гриммовских, чем-то гномовских. Рояль торжественных дней, карет, ротонд, Великого Созвездия Люстры, рояль больших четырехручных состязаний, римской квадриги – рояль! – редкостный его лик, когда он, поставленный дыбом крышкой, сразу обращался в арфу, а озерная его несомутимая гладь в струнную, бурей или богатырем низложенную изгородь Жар-Птицы – только задень, и что пойдет! Рояль, от которого утром, как от всякого ночного чуда, не оставалось ни следу!

Но чтобы ничего не обидеть в моем старом друге-недруге: *Notenpult*, полный пюпитр, та изгородь из неживых цветов – между волей и мной, – черные деревянные лакированные

²¹ Молоточка в каморочке (нем.).

цветы, в шмелиные, змеиные, малинные дни заменявшие мне, увы, цветы полевые! Нотный поупитр, который можно класть так, чтобы нотная тетрадь лежала, как в обмороке, – и ставить так, чтобы висела над тобой, как утес, ежесекундно грозя разразиться ужасающей клавишной кашей. Рояльный поупитр с освободительным треском его окончательного закрытия.

И еще – сама фигура рояля, в детстве мнившаяся мне окаменелым звериным чудовищем, гиппопотамом, помнится, не из-за вида, – я их никогда не видала! – а из-за звука, гиппопо (само тулово), а хвост – там. А потом, с переводом вещей на человеческое – пожилой мужской фигурой тридцатых годов: тучный, но *bien pris dans la taille*²², несмотря на громоздкость – грация, тот опытный, немолодой, непременно – фрачный танцор, которого девушки, только взглянув, предпочитают самому воздушному и военному. А еще лучше – дирижер! ярко-черный, плавный, без лица, потому что всегда спиной, – и полный чар. Поставь рояль дыбом, и будет дирижер! И, оставив и танцора, и дирижера: ведь рояль только вблизи неповоротлив на вес – непомерен. Но отойди в глубину, положи между ним и собой все необходимое для звучания пространство, дай ему, как всякой большой вещи, *место стать собой*, и рояль выйдет не менее изящным, чем стрекоза в полете. Горы только на тебя давят, и единственная возможность их с себя снять – либо отойти, либо взойти. Взойди на рояль. Руками взойди. Как мать всходила.

Чтобы дать, хоть немножко, ее игру – три случая. Когда мы с ней, в самый разгар ее первого туберкулезного приступа, приехали в Нерви, была уже ночь и играть нельзя было. Так мы и заснули, мы с Асей не увидев моря, она – не испробовав рояля. Зато с утра она, совсем больная, всю дорогу лежавшая, сразу встала – и села. Через несколько минут – стук в дверь. На пороге черный сладкий брюнет в котелке. «Позвольте представиться: д-р Манжини. А вы, если не ошибаюсь, – синьора такая-то, моя будущая пациентка? (речь шла на затрудненном французском). Я проходил мимо и слышал вашу игру. И должен предупредить вас, что если вы будете так продолжать, вы не только сама сгорите, но весь наш Pension Russe – сожжете». И, с неизъяснимой усладой, уже по-итальянски: «Geniale... Geniale...» Играть он ей, конечно, надолго запретил.

Второй случай – уже на возвратном пути в Россию – умирать. Где-то, кажется в Мюнхене, она – все то же, куда бы мы ни прибывали, – только умывшись с дороги и даже не переодевшись, сразу пошла к роялю. И вот, видим с Асей, как какой-то мальчик, старше нас, должно быть, лет четырнадцати, ярко-розовый и весь отливающий волосьяным золотом, все подбегает к ней на стуле, к ней: к ее рукам и кипящим из-под них звукам, пока, наконец, неловким движением, как совершенно сонный, не валился ей под ноги вместе со стулом, то есть попросту – под рояль. Мать, ничего не замечавшая, тут сразу все поняла: без всякой улыбки помогла ему выбраться и, опустив ему на голову руку, тут же не отводя ее, чуть погладила ему лоб, точно вчитываясь. (Сын Александр.) Нужно сказать, что из всех присутствующих, а присутствовали – все те же, куда бы мы ни прибывали – *все*, никто не засмеялся. (Ибо мальчик так же просто – с тем же полуоткрытым ртом – и с тем же стулом – мог бы свалиться на горячую печь – или в львиный ров.) Мы же с Асей отродясь знали, что глупо смеяться, когда другой падает: ведь Наполеон – тоже упал! (Я даже, в своем максимализме, шла дальше: глупо, когда не падает. Идет и не падает – вот дурак!) Никогда не забуду своей матери с чужим мальчиком. Это был самый глубокий, за всю мою жизнь, *поклон*.

– Мама (это было ее последнее лето, последний месяц последнего лета) – почему у тебя «Wagum»²³ выходит совсем по-другому?

– Wagum – «Wagum»? – пошутила с подушек мать. И, смывая с лица улыбку: – Вот когда вырастешь и оглянешься и спросишь себя, wagum все так вышло – как вышло, и wagum ничего

²² Здесь: изящный (*фр.*).

²³ «Почему» (*нем.*). Фортепьянное произведение Р. Шумана из цикла «Фантастические пьесы».

не вышло, не только у тебя, но у всех, кого ты любила, кого ты играла, – ничего ни у кого – тогда и сумеешь играть «Wagum». А пока – старайся.

Последнее – смертное. Июнь 1906 года. До Москвы не доехали, остановились на станции «Тарусская». Всю дорогу из Ялты в Тарусу мать переносили. («Села пассажирским, а доеду товарным», – шутила она.) На руках же посадили в тарантас. Но в дом она себя внести не дала. Встала и, отклонив поддержку, сама прошла мимо замерших нас эти несколько шагов с крыльца до рояля, неузнаваемая и огромная после нескольких месяцев горизонтали, в бежевой дорожной пелерине, которую пелериной заказала, чтобы не мерить рукавов.

– Ну посмотрим, куда я еще гожусь? – усмехаясь и явно – себе сказала она. Она села. Все стояли. И вот из-под отвычных уже рук – но мне еще не хочется называть вещи, это еще моя тайна с нею...

Это была ее последняя игра. Последние ее слова, в той, свежего соснового тесу, затемненной тем самым жасмином пристройке, были:

– Мне жалко только музыки и солнца.

После смерти матери я перестала играть. Не перестала, а постепенно свела на нет. Приходили еще учительницы. Но те вещи, которые я при ней играла, остались последними. Дальше при ней достигнутого я не пошла. Старалась-то я при ней из страха и для ее радости. Радовать своей игрой мне уже было некого – всем было все равно, верней: только ей одной мое нестарание было бы страданием – а страх, страх исчез от сознания, что ей оттуда (меня всю) видней... что она мне меня – такую, как я есть – простит?

Учительницы моих многочисленных школ, сначала ахавшие, вскоре ахать перестали, а потом уж и по-другому ахали. Я же молчаливо и упорно сводила свою музыку на нет. Так море, уходя, оставляет ямы, сначала глубокие, потом мелеющие, потом чуть влажные. Эти музыкальные ямы – следы материнских морей – во мне навсегда остались.

Жила бы мать дальше – я бы, наверное, кончила Консерваторию и вышла бы неплохим пианистом – ибо данные были. Но было другое: *заданное*, с музыкой несравненное и возвращающее ее на ее настоящее во мне место: общей музыкальности и «недюжинных» (как мало!) способностей.

Есть силы, которых не может даже в таком ребенке осилить даже такая мать.

1934

Черт

Связался черт с младенцем.

Черт жил в комнате у сестры Валерии, – наверху, прямо с лестницы – красной, атласно-муарово-штофной, с вечным и сильным косым столбом солнца, где непрерывно и почти неподвижно крутилась пыль.

Начиналось с того, что меня туда зазывали: «Иди, Муся, там тебя кто-то ждет», либо: «Скорей, скорей, Мусенька! Там тебя ждет (протяжно) сюрпри-из». Таинственность чисто условная, ибо я-то отлично знала, что это за «кто-то» и какой это сюрприз, и зазывавшие знали, что – знаю. Были это – либо Августа Ивановна, либо Асина няня, Александра Мухина, иногда и какая-нибудь гостья, но всегда – женщина, и никогда – мать, и никогда – сама Валерия.

И вот, полуподталкиваемая, полу – комнатой – втягиваемая, поломавшись перед дверью, как деревенские перед угощением, немножко боком и немножко волком – входила.

Черт сидел на Валериинной кровати, – голый, в серой коже, как дог, с бело-голубыми, как у дога или у остзейского барона, глазами, вытянув руки вдоль колен, как рязанская баба на фотографии или фараон в Лувре, в той же позе неизбывного терпения и равнодушия. Черт сидел так смиренно, точно его снимали. Шерсти не было, было обратное шерсти: полная гладкость и даже бритость, из стали вылитость. Теперь вижу, что тело моего черта было идеально-спортивное: львицыно, а по масти – догово. Когда мне, двадцать лет спустя, в Революцию, привели на подержание дога, я сразу узнала своего Мышатого.

Рогов не помню, может быть, и были маленькие, но скорей – уши. Что было – хвост, львицын, большой, голый, сильный и живой, как змей, грациозно и многократно перевитый вокруг статуарно-недвижных ног – так, чтобы из последнего переплета выглядывала кисть. Ног (ступни) не было, но и копыт не было: человеческие и даже атлетические ноги опирались на лапы, опять-таки львицыно-договы, с крупными, серыми же, серого рога, когтями. Когда он ходил – он стучал. Но при мне он никогда не ходил. Главными же приметами были не лапы, не хвост, – не атрибуты, главное были – глаза: бесцветные, безразличные и беспощадные. Я его до всего узнавала по глазам, и эти глаза узнала бы – без всего.

Действия не было. Он сидел, я – стояла. И я его – любила.

По летам, когда мы переезжали на дачу, Черт переезжал с нами, верней уже оказывался – в полной сохранности пересаженного деревца, с корнями и с плодами – сидящим на Валериинной кровати, в ее тарусской, узкой, желобом вылетающей в жасмин комнате, с вертикальным желобом огромной, дикой в июле, чугунной печки. Когда на Валериинной кровати сидел Черт, казалось, что в комнате вторая чугунная печь, а когда не сидел – чугунная печь в углу выглядела им. Общими были: масть – с серо-синим по чугуну отливом лета, полный лед: печи – летом, подпотолочный рост – и полная неподвижность. Печь стояла так смиренно, точно ее снимали. Она его всем своим холодным корпусом замещала, и я с особой усладой тайного узнавания прижималась к ней стриженным, горячим от лета, затылком, читая Валерии вслух запрещенные матерью и поэтому Валерией разрешенные – в руки данные – «Мертвые души», до которых – мертвецов и душ – так никогда и не дочиталась, ибо в последнюю секунду, когда вот-вот должны были появиться – и мертвецы и души – как нарочно слышался шаг матери (кстати, она так никогда и не вошла, а всегда только, в нужную минуту – как по заводу – проходила) и я, обмирая от совсем уже другого – *живого* страха, пихала огромную книгу под кровать (ту!). А в следующий раз, отыскав глазами место, с которого шагом матери была согнана, обнаруживалось, что *их* уже нет, что *они* уже опять отъехали вперед – на какое-то место, как раз на то место, с которого опять буду согнана. Так я до *мертвых* душ никогда и не дочиталась,

ни тогда, ни после, ибо никакая моральная страшность (физическая уютность) героев Гоголя никогда не совпала во мне с простой страшнотой названия: не удовлетворила во мне страсти страха, разжигаемой страшностью названия.

...Оторванная от книги, я прижималась к печке, красной щекой к синему чугуну, жаркой щекой – к ледяному. Но к нему – только в образе печки, к нему – тому – никогда. Впрочем, все же – да, но это потому что на руках и через реку.

Купаюсь ночью в Оке. Не купаюсь, а оказываюсь – одна, на середине Оки, не черной, а серой. И даже не оказываюсь, а просто, сразу, тону. Уже потонула. Начнем сначала: тону на середине Оки. И когда уже совсем потонула и, кажется, умерла – взлет (который *знаю* с первой секунды!) – я – на руках, высоко над Окой, голова под небом, и несут меня «утопленники», собственно – один и, конечно, совсем не утопленник (утопленник – я!), потому что я его безумно люблю и совсем не боюсь, и он не синий, а серый, и жмусь к нему всем своим мокрым лицом и платьем, обняв за шею – по праву всякого утопающего.

Шагаем с ним по водам, то есть шагает – он, я – еду. А другие («утопленники» – или кто? Его подвластные) громко и радостно, где-то под низом – во-оют! И, ступив на другой берег – тот, где дом Поленова и деревня Бёхово – он, с размаху ставя меня на землю, с громовым – так и гром не грохочет! – смехом:

– А когда-нибудь мы с тобой поженимся, черт возьми!

О, как мне тогда, в младенчестве, это нравилось: «черт возьми» – из его уст! Как до глубины живота ожигало это молодечество! Перенес по водам, и, как самый обыкновенный мужик – или студент – «черт возьми!», – точно он может этого бояться – или желать, – точно его, или меня на его руках, – вообще может взять черт! И никогда меня не омрачила мысль, что это – для меня из снисхождения к моему малолетству, точка над *i* собственной *identité*²⁴, чтобы я не ошиблась, что он – действительно – он. Нет, он просто играл – в простого смертного, что «я не я и лошадь не моя».

Нужно сказать, что, за ошеломляющим – из его уст – «черт возьми», само обещание «мы с тобой когда-нибудь поженимся» несколько отходило на задний план, но когда я, усладившись возгласом во всех его, во мне, отзвуках, сама несколько *отходила* – о, нестерпимость этого триумфа! Он, без всякой моей просьбы, сам... Он со мной – поженился! На совершенно мокрой, маленькой...

И вот, однажды, не выдержав одинокого триумфа, уже угрызаясь, но остановить потока – не в силах:

– Мама! Мне сегодня снились... утопленники... Будто они меня взяли на руки и несли через реку, а тот, главный утопленник, мне сказал: «Мы с тобой когда-нибудь поженимся, черт возьми!»

– Поздравляю! – сказала мать. – Я тебе всегда говорила! Хороших детей через пропасть переводят ангелы, а таких, как ты...

Боясь, что она догадалась и сейчас назовет и этим навек пресечет, я, торопливо:

– Но это, правда, были утопленники, самые-самые совершенные, синие...

И в распухнувшее тело
раки черные впились!

– И ты находишь, что это – *лучше*? – иронически сказала мать. – Какая гадость!

²⁴ Тождественностью (*фр.*).

Но была у меня с ним, кроме рассказанных повторных встреч, – типа встреч, одна-единственная – неповторившаяся. Меня, как всегда, заманивают в Валериину трехпрудную комнату, но не один кто-то, а много, – целый шепчущий и тычущий пальцем круг: тут и няня, и Августа Ивановна, и весной, с новой травой возникающая сундучно-швейная Марья Васильевна, и другая Марья Васильевна, с лицом рыбы и странной фамилией Сумбул, и даже та портниха, *у* и *от* которой так пахнет касторкой (кумачом) – и все они, в голос:

– Скорей, Мусенька, скорей, там тебя кто-то ждет...

Как всегда, немножко упираюсь, немножко улыбаюсь, – мнусь. Наконец вхожу. И – о, ужас! Пусто. На кровати – никого. Его на постели – нет. Одна красная комната, полная солнца и пыли. Комната – одна, как я – одна. Без него.

Остолбенеv, перехожу глазами от пустой кровати к жар-птицыной ширме (за которой его, наверно, нет, ибо не будет же он играть в прятки!), от ширмы к книжному шкафу, – такому странному: где вместо книг видишь себя, и даже к шкафчику с – как няня говорит – «безделюшками», от «безделюшек» к явно пустому красному дивану с пуговицами, втиснутыми в малиновое мальвовое мясо атласа, от атласа к белой, в синюю клетку, печке, увенчанной уральским хрусталем и ковылем... В том же столбняке шагаю к окну, из которого видны те деревья: серые ивы вокруг зеленой церкви, серые ивы моей тоски, местонахождения которых в Москве и на земле я так никогда и не узнала и не попыталась узнать.

С сосущим чувством: обману-ул! – стою, упершись лбом в первый низкий квадрат окна, жгу себе глаза удерживаемыми слезами, и опустив, наконец, глаза, чтобы отпустить, наконец, слезы... – на ватном дне окна, между двумя рамами, в зеленоватом стекле, как в спирту! – целая россыпь крохотных серых скачущих, страшно-веселых, вербных, с рожками-с-ножками, все окно превративших в вербную чертикову бутылку.

Вежливо улыбнувшись, как на слишком младенческую игрушку, и постояв сколько нужно, чтобы не обидеть – не их, бессмысленно-скачущих и меня знать-не-знающих, а – того, немножко утешенная, немножко обиженная, в последний раз проверив пустую кровать – выхожу.

– Ну как? Ну как? – с гримасами и ужимками няня, Августа Ивановна, две Марьи Васильевны, портниха Марья Игнатьевна и еще три нафталиновых монашки, которые, при особых обстоятельствах времени и места, дико щекоча, запихивают меня в Валериин красный сундук за перегородкой.

– Ничего. Спасибо. Очень хорошо, – я, нарочито-медленно и напряженно-непринужденно проходя сквозь их тянущиеся и несмеющие руки. (Проходя и не глядя, вижу, что Августа Ивановна не очень уж похожа, и у няни почему-то из угла рта висит язык...)

Чертики в окне и страхобесие у двери не повторились. Что это было? Простая замена, оттого что сам не мог прийти, – или искус, испытание взрослости и верности: променяю ли я, пятилетняя, его, настоящего и единственного, на то вербное множество? То есть, встав спиной к пустой – им – кровати, не стану ли попросту – играть?

Нет, с игрой было кончено! Дьявол моего младенчества мне, среди много другого, оставил в наследство: неизбывное, как догов зевок, от всего, что игра: «Ску-учно!»

Почему Черт жил в комнате Валерии? Тогда я об этом не думала (а Валерия так никогда и не узнала). Это было так же просто, как то, что я живу в детской. Папа живет в кабинете, бабушка на портрете, мама на рояльном табурете, Валерия в Екатерининском институте, а Черт – в комнате Валерии. Тогда это был факт.

А теперь – знаю: Черт жил в комнате Валерии, потому что в комнате Валерии, обернувшись книжным шкафом, стояло древо познания добра и зла, плоды которого – «Девочки» Лухмановой, «Вокруг света на Коршуне» Станюковича, «Катакомбы» Евгении Тур, «Семейство Бор-Раменских» и целые годы журнала «Родник» я так жадно и торопливо, виновато и неудержимо пожирала, оглядываясь на дверь, как те на Бога, но никогда не предав своего змея.

(«Это тебе Лёра дала?» – «Нет, сама взяла».) Черт в Валериину комнату пришел на готовое место: моего преступления – материнского запрета.

Но было еще – другое. В Валериинной комнате мною, до семи лет, тайком, рывком, с оглядкой и ослышкой на мать, были прочитаны «Евгений Онегин», «Мазепа», «Русалка», «Барышня-крестьянка», «Цыганы» – и первый роман моей жизни – «Anais». В ее комнате *была* любовь, жила – любовь, – и не только ее и к ней, семнадцатилетней: все эти альбомы, записки, пачули, спиритические сеансы, симпатические чернила, репетиторы, репетиции, маскирование в маркиз и вазелинение ресниц – но тут остановка: из глубокого колодца комода, из вороха бархаток, кораллов, вычесанных волос, бумажных цветов, на меня – глазами глядят! – серебряные пилюли.

Конфетки – но страшные, пилюли – но серебряные, серебряные съедобные бусы, которые она почему-то так же тайно – загоразиваясь спиной и лбом в комод – глотала, как я – лбом в шкаф – «Жемчужины русской поэзии». Однажды меня озарило, что пилюли – ядовитые и что она хочет умереть. От любви, конечно. Потому что ей не дают выйти замуж – за Борис-Иваныча или Альсан-Палча? Или за Стратонова? Или за Айналова? Потому что ее хотят выдать замуж за Михаил-Иваныча Покровского!

«Лёра, а мне можно съесть такую пилюлю?» – «Нет». – «Почему?» – «Потому что тебе не нужно». – «А если съем – я умру?» – «Во всяком случае, заболеешь». Потом (чтобы успокоить читателя) обнаружилось, что пилюли – самые невинные, *contre les troubles*²⁵ и т. д. – самые обычные барышнинские, но никакая нормальность их применения не вытравила из меня странного образа желтолицей молодой девушки, тайно наедающейся из комода сладкого ядовитого серебра.

Но не только ее семнадцатилетний пол царил в этой комнате, а вся любовность ее породы, породы ее красавицы-матери, любви не изжившей и зарывшей ее по всем этим атласам и муарам, навек-продушенным и недаром так жарко – малиновым.

А не приходил ли Черт к самой Валерии? Ведь она-то не знала, что он ко мне приходит, так же и я могла не знать, что он – к ней. (Бескровное смуглое лицо, огромные змеинодрагоценные глаза в венце чернейших ресниц, маленький темный сжатый рот, резкий нос навстречу подбородку, – ни национальности, ни возраста у того лица не было. Ни красоты, ни некрасоты. Это было лицо – ведьмы.) И все же – нет. Нет, ибо она после Екатерининского института поступила на Женские курсы Герье в Мерзляковском переулке, а потом в социал-демократическую партию, а потом в учительницы Козловской гимназии, а потом в танцевальную студию, – вообще всю жизнь *пропоступала*. Первая же примета *его* любимцев – полная разобщенность, отродясь и отсюда – выключенность.

Нет, Черт никакой Валерии не знал. Но он и матери моей не знал, такой одинокой. Он даже не знал, что у меня есть мать. Когда я была с ним, я была – *его* девочка, его чертова сиротиночка. Черт в меня, как в ту комнату, пришел на готовое. Ему просто нравилась комната, тайная красная комната – и тайная красная девочка в столбняке любви на пороге.

Но одна моя встреча с ним, как ни странно, произошла через мать, через...

«Красный карбункул, –

провозгласила мать. – Что такое «Красный карбункул»? Ну, ты, Андрюша!» – «Не знаю», – твердо ответил он. «Ну, что тебе кажется?» – «Ничего не кажется!» – так же твердо ответил он. – «Но как это может быть, чтобы ничего не казалось! Всегда – кажется! И тебе – кажется! Кар-бун-кул. Ну?» – «Карболка?» – равнодушно предложил Андрюша. Мать только рукой махнула. «Ну, а ты, Асенька? Только вслушайся внимательно: кар-бун-кул. Неужели тебе ничего не представляется?» – «Пред-ставляется!» – слегка преткнувшись, но с большим апломбом выпалила ее любимица. «Ну – что же?» – с страстной жадностью ухватилась мать.

²⁵ Успокоительные (*фр.*).

«Только не знаю – что!» – с той же быстротой и апломбом – Ася. «Ах нет, Асенька, ты, должно быть, действительно, слишком мала для такого чтения. Мне это дедушка читал, когда мне было уже семь лет, а тебе только пять». – «Мама, мне тоже уже семь!» – наконец не выдержала я. «Ну и что же?» Но не последовало – ничего, потому что я уже опять оробела. «Ну, а по-твоему, что такое карбункул? Красный карбункул?» – «Такой красный графин?» – упавшим голосом, обмирая от надежды, спросила я (Karaffe, Funkeln²⁶). «Нет, но ближе. Карбункул – это красный драгоценный камень, по бокам (кар-бун-кул) – граненый. Поняли?»

Все шло хорошо до Зеленого. Кто-то приходит – не то в погребок, не то в пещеру. «А Зеленый уж там, и сидит он и карты тасует». – «Кто такой Зеленый? – спросила мать, – ну, кто всегда ходит в зеленом, в охотничьем?» – «Охотник», – равнодушно сказал Андрюша. «Какой охотник?» – наводяще спросила мать.

Fuchs, du hast die Gans gestohlen,
Gib sie wieder her!
Gib sie wieder her!
Sonst wird dich der Jaeger holen
Mit dem Schieassgewehr,
Sonst wird dich der Jaeger holen
Mit dem Schiess-ge-we-ehr!²⁷ –

с полной готовностью пропел Андрюша. «Гм... – и намеренно минуя меня, *уже и так же* рвущуюся с места, как слово с уст. – Ну, а ты, Ася?» – «Охотник, который ворует гусей, лисиц и зайцев», – быстро срезюмировала ее любимица, все младенчество кормившаяся плагиатами. «Значит – не знаете? Но зачем же я вам тогда читаю?» – «Мама! – в отчаянии прохрипела я, видя, что она уже закрывает книгу с самым непреклонным из своих лиц. – Я – знаю!» – «Ну?» – уже без всякой страсти спросила мать, однако закладывая правой рукой захлопывание книги. «Зеленый, это – *der Teufel!*²⁸ – «Ха-ха-ха!» – захохотал Андрюша, внезапно распрямляясь и сразу нигде не умещаюсь. «Хи-хи-хи!» – угодливо залилась за ним Ася. «Нечего смеяться, она права, – сухо остановила мать. – Но почему же, *der Teufel*, а не... И почему это всегда *ты* все знаешь, когда я *всем* читаю?!»

* * *

От Зеленого и «тасует», а отчасти и от маминой горничной Маши Красновой, все ронявшей из рук: подносы, сервизы, графины – и даже целых судаков под соусами! ничего не умевшей держать в руках, кроме карт, я к семи годам пристрастилась к картам – до страсти. Не к игре, – к ним самим: ко всем этим безногим и двуголовым, безногим и одноруким, но обратноголовым, и обратно-руким, самим себе – обратным, самим от себя отворотным, самим себе изножным и самим с собою незнакомым высокопоставленным лицам без местожительства, но с целым подданством одномастных троек и четверок. Что тут было в них, или, как Ася – ими играть, когда они сами играли, сами и были – игра: самих с собою и самих в себя. Это было целое живое нечеловеческое по-поясное племя, страшно-властное и не совсем доброе, бездетное и бездядное, не живущее нигде, как на столе или за щитком ладони, но тогда и зато – с какой силой! Что в дюжине – двенадцать яиц, этому меня учили – годы, но что в каждой масти

²⁶ Графин, сверканье (нем.).

²⁷ Ну-ка, лис, верни поживу, Брось гуся живьем! (2 раза) А не то охотник живо Громыхнет ружьем! (2 раза) (Пер. с нем. А. Парина).

²⁸ Черт (нем.).

– тринадцать карт и что тринадцать – чертова дюжина – с этого бы меня не сбили даже в самом сонном сне. О, как сразу я, так медленно усваивавшая четыре правила – усвоила четыре масти! Как с первого раза я, до сего дня не уверенная в значении деепричастия и, вообще, назначении грамматики, усвоила значение каждой карты: все эти дороги, деньги, сплетни, вести, хлопоты, марьяжные дела и казенные дома – значение карты и назначение карт. Но больше всего, даже больше бубнового неженатого короля, моего жениха через девять лет, даже больше пикового короля, – грозного, тайного, – Лесного Царя, как я его звала, даже больше червонного валета сердца и бубнового валета дорог и вестей (дам я, вообще, не любила, у всех у них были злые, холодные глаза, которыми они меня, как знакомые дамы – мою мать, судили), больше всех королей и валетов я любила – пиковый туз!

Пиковый туз у Маши был удар, и удар – *был*, удар занесенным черным вверх глядящим сердцем конца алебарды – в сердце. Пиковый туз был – Черт! И когда та же Маша, сняв положенные мне, бубновой, ибо незамужней, даме на сердце карты и открывши последнюю, сердечную, сама пугалась: «Ай- ай-ай, Мусенька, плохое твое дело, а под самым низом м-то – удар! Ну, ничего, может, еще никто не помрет – да кому и помирать? Дедушка – померли, старого больше у нас никого – значит, мамаша заругает или опять с Густыванной подерешься», – я, со всем превосходством знания, со всей непоколебимостью тайны: «Это не удар, – а – секрет». Удар был – привет. Удар по мне привет. Удар по мне радости и страха: любви. Так я, несколько лет спустя, в геноуэском Нерви, нечаянно заведя из окна гостиницы «Véau-Rivag» и направляющегося к ней: в ней заточенным нам с Асей – революционера «Тигра»²⁹, испугалась от радости – так, что швейцарская бабушка, испуганно: «Mais, qu'as-tu donc? Tu es toute blanche! Mais, qu'as-tu donc vu?»³⁰. Я, внутри рта: «Lui»³¹.

Да, туз был – Lui. Он, сгустившийся до черноты и сократившийся до клинка. Он, собравшийся в удар, как тигр – в прыжок. Позже и этого стало много, позже удар с сердца, на котором лежал, перешел – в сердце. Изнутри меня – шел, толкая – на все дела.

Но был у меня, кроме пикового туза, еще один карточный Он, и на этот раз не от русской Маши, от дерптской Августы Ивановны, непосредственно с его баронской родины, и уже не гадание, а игра, общеизвестная детская игра с немножко фамильярным названием «Der schwarze Peter»³².

Игра состояла в том, чтобы сбить другому с рук пикового валета: Шварцего Петера, как в старину соседу – горячку, а еще и нынче – насморк: *передать*: наградив, избавиться. Сначала, когда карт и играющих было много, никакой игры, собственно, не было, вся она сводилась к круговой манипуляции карточным веером – и Петером, но когда, в постепенности судьбы и случая, стол от играющих и играющие от Черного Петера – очищались, и оставалось – двое, – о, тогда игра только и начиналась, ибо тогда все дело было в лице, в степени твердокаменности его. Прежде всего, это была дисциплина дыхания: не дрогнув вынести каждое решение – и перерешение – то схватывающей, то спохватывающей, и вновь промахивающей, и вновь опоминающей партнеровой руки. Дело берущего было – *не* взять, дающего – сдать. Берущего – почуять, дающего – сбить, сбить другого с верного чутья, внушить всем своим изолгавшимся существом – другое: что черное – красное, а красное – черное: Шварцего Петера держать с невинностью шестерки бубен.

²⁹ Речь идет о политэмигранте Владимире Александровиче Кобылянском. «Тигром» его прозвала Марина Цветаева.

³⁰ Но что с тобой? Ты совсем бледная! Да что с тобой? (*фр.*).

³¹ Это Он (*фр.*).

³² «Черный Петер» (*нем.*).

О, какая чудесная, магическая, бестелесная игра: души – с душою, руки – с рукою, лица – с лицом, всего – только не карты с картой. И, конечно, в этой игре я, с младенчества воспитанная глотать раскаленные угли тайны, в той игре мастером была – я.

Не буду говорить то, чего не было, ибо вся цель и ценность этих записей в их тождественности бывшему, в тождестве того, признаюсь, странного, но *бывшего* ребенка – самому себе. Просто было бы сказать и естественно было бы мне поверить, что я моего Черного Петера соседу совсем не подсовывала, а, наоборот, – отстаивала. Нет! Я в этой игре оказалась его настоящей дочерью, то есть страсть игры, то есть – тайны, оказывались во мне сильней страсти любви. Это была еще раз моя с ним тайна, и никогда, может быть, он так не чувствовал меня своей, как когда я его так хитро и блистательно – сдавала – сбывала, еще раз мою с ним тайну – скрывала, и, может быть, главное, – еще разумела обойтись – даже без него. Чтобы все сказать: игра в schwarze Peter была то же самое, что встреча с тайно и жарко любимым – на людях: чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем *моёе*, чем нестерпимее – тем блаженнее. Ведь когда Ася, и Андрюша, и Маша, и Августа Ивановна – для которых это входило в игру с гиканьем и тыканьем в живот, как бесы кривляясь и носясь вокруг меня, орали: «Schwarze Peter! Schwarze Peter!» – я даже отыгаться не могла: даже одной хотя бы улыбкой из всей заливавшей меня тайной радости. Задержанный аффект радости бросался в руки. Я дралась. Но зато – с высоты какой убежденности, с какой через-край наполненностью я, додравшись, роняла им в веселые лица: «Я – Schwarze Peter, зато вы – ду-ра-ки».

Но так же трудно, если не еще трудней, как не просиять лицом от Шварцего Петера, было не потемнеть лицом, когда в руке, вместо намеренного его – вдруг – шестерка бубен, пара к уже имеющейся, уводящая меня из игры и Черным Петером оставляющая – другого. И плясать вокруг шварце-петринской Августы Ивановны с преступными, издевательскими, предательскими криками: «Schwarze Peter! Schwarze Peter!» – было, может быть, еще большим героизмом (или услудой), чем каменным, а затем и дерущимся столбом стоять среди беснующихся «победителей».

Может быть, я эту игру рассказала слишком бестелесно? Но что тут было рассказывать! Ведь действия не было, вся игра была внутри. Были только жесты рук, жест сбрасываемой карты, важной только, как пара: тем, что ее можно было сбросить. Без козырей, без ставок, без взяток, без (самоценности) королей, дам, валетов, – *карт*, с колодой, состоящей только из одной карты: *него!* – которого нужно было сбить. Игра не взять хотящая, а отдать. В этой игре, по ее бесплотности и страшности, действительно было что-то адово, аидово. Убегание рук от *врага*. Так друг другу, в аду, смеясь и трясясь, сбывают горящий уголь.

Смысл этой игры – глубок. Все карты – парные, он один – один, ибо его пара до игры – сброшена. Всякая карта должна найти свою пару и с ней уйти, просто – сойти со сцены, как красавица или авантюристка, выходящая замуж, – со стола всех еще возможностей, всемогности, единоличных и, может быть, исторических судеб – в тихую, никому уже не любопытную, ненужную и не страшную стопу отыгранных – парных карт. Предоставляя ему – весь стол, его – своей единственности.

Еще одним видом моего интимного общения с Петером была игра «Черт-черт, поиграй да отдай!», игра – только от слова «поиграй», ему – игра, а вовсе не просителю, заветную вещь которого: папины – очки, мамино – кольцо, мой – перочинный нож, он – заиграл. «Никак не иначе, как черт занес! Привяжи, Мусенька, платочек к стуловой ножке и три раза, да так – без сердца, ласково: «Черт-черт, поиграй да отдай, черт-черт, поиграй да отдай...»

Стянутый узлом платок концами торчал, как два рога, малолетняя же просительница сомнамбулически шлялась по громадной, явно пустой зале, ничего не ища и во всем положась и только приговаривая: «Черт-черт, поиграй да отдай... Черт-черт...» И – отдавал, как рукой подавал: с чистого подзеркальника, где только что и столько безнадежных и очевидных раз не

было ничего, или просто случайно руку в карман – там! Не говоря уже о том, что папе пропажу он возвращал непосредственно на нос, а маме – на палец, непременно на тот.

Но почему же Черт не отдавал, когда потеряно было на улице? А ноги не было, чтобы привязать! Не к фонарному же столбу! Другие привязывали куда попало (и, о, ужас! Ася однажды, заторопясь, даже к козьей ножке биде!), у меня же было мое заветное место, заветное кресло... но не надо про кресло, ибо все предметы нашего трехпрудного дома – заводят далёко!

С водворением в доме парижанки Альфонсины Дижон «Черт-черт, поиграй» удлинился на целый католический вежливый отросток: «Saint-Antoine de Padoue, trouvez-moi ce que j'ai perdu»³³, что в контексте давало нечто нехорошее, ибо после третьего черта, без запятой и даже без глотательного движения, как припаянный: «Saint-Antoine de Padoue...» И мои вещи находил, конечно, Черт, а не Антоний. (Няня, с подозрением: «Ан-то-он? Свя-то-ой? На то и французинка, чтоб в такое дело святого мешать!») И до сих пор не произношу твоего святого, Антоний Падуанский, имени, без того, чтобы сразу в глазах: торчок бесовского платка, а в ушах – собственное, такое успокоительное, такое успокоенное – точно уже все нашла, что когда-либо еще потеряю! – воркование: «Черт-черт, поиграй да отдай, черт-черт...»

Одной вещи мне Черт никогда не отдал – меня.

Но не Валериины козни. Не материнский «Карбункул». Не Машин картеж. Не остзейская игра. Все это было только – служба связей. С Чертом у меня была своя, прямая, отрожденная связь, прямой провод. Одним из первых тайных ужасов и ужасных тайн моего детства (младенчества) было: «Бог – Черт!» Бог – с безмолвным молниеносным неизменным добавлением – Черт. И здесь уже Валерия была ни при чем – да и кто при чем? И в каких это – книгах и на каких это – картах? Это была – я, во мне, чей-то дар мне – в колыбель. «Бог – Черт, Бог – Черт, Бог – Черт», и так несчетное число раз, холодея от кощунства и не можá остановиться, пока не остановится мысленный язык. «Дай, Господи, чтобы я не молилась: Бог – Черт», – и как с цепи сорвавшись, дорвавшись: «Бог – Черт! Бог – Черт! Бог – Черт!» – и, обратно, шестым номером Ганона: «Черт – Бог! Черт – Бог! Черт – Бог!» – по ледяной клавиатуре собственного спинного хребта и страха.

Между Богом и Чертом не было ни малейшей щели – чтобы ввести волю, ни малейшего отстояния, чтобы успеть ввести, как палец, сознание и этим предотвратить эту ужасную сращенность. Бог, из которого вылетал Черт, Черт, который врзался в «Бог», конечно $z(x)$ которого уже было – $ч$. (О, если бы я тогда догадалась, вместо кощунственного «Бог – Черт» – «Дог – Черт», от скольких бесполезных терзаний я была бы избавлена!) О, божие наказание и терзание, тьма Египетская!

А – может быть – проще, может быть, отрожденная поэтова сопоставительная – противопоставительная – страсть – и склад, та же игра, в которую я в детстве так любила играть: черного и белого не покупайте, да и нет не говорите, только наоборот: только да – нет, черное – белое, я – все, Бог – Черт.

Когда я, одиннадцати лет, в Лозанне, на своей первой и единственной настоящей исповеди рассказала об этом католическому священнику – невидимому и так потом и не увиденному – он, верней тот, за черной решеткой, те черные глаза из-за черной решетки сказали мне:

– Mais, petite Slave, c'est une des plus banales tentations du Démon!³⁴ – забывая, что ему-то, тертому и матерому, – «banale»³⁵, а мне – каково?

³³ Святой Антоний Падуанский, отыщи мне то, что я потеряла (*фр.*).

³⁴ Но, маленькая славянка, это же одно из самых обычных искушений дьявола! (*фр.*)

³⁵ Обычное (*фр.*).

Но до этой первой исповеди – в чужой церкви, в чужой стране, на чужом языке – была первая православная, честь честью, семилетняя, в московской университетской церкви, у знакомого священника отца, «профессора академии».

«А этот рубль ты после исповеди отдашь батюшке...» У меня в жизни в руке не было рубля, ни своего, ни чужого, а если на бедную медную одну копейку дают у Бухтеева два ириса, то сколько же на серебряный рубль? И не только ирисов, а книжек, вроде «Аксютка-нянька» или «Маленький барабанщик» (2 коп.). И это всё, и ирисы и Аксютки, я, за свою же неприятность с грехами, с утайкой грехов – ибо не могу же я рассказывать папиному приличному знакомому и заведомо расположенному ко мне ака-де-ми-ку, что я говорю «Бог – Черт»? И что хожу к Валерии в комнату на свидание к голому догу? И что, когда-нибудь, на этом голом доге – том главном утопленнике – женюсь? – итак, за свою же смертную опасность, а может быть, даже – смерть («одна девочка на исповеди утаила грех и на другой день, когда подходила к причастию, упала мертвая...»), должна отдать – сразу все, сама положить в руку «ака-де-ми-ку»?!

Холодный новый круглый, как нуль – полный, рубль как зубами врезался отточенным своим краем в руку, сжатую для верности в кулак, и я всю исповедь как ногами простояла на одном – не дам! И дала только в последнюю секунду, совсем уже уйдя, с величайшим усилием и насилием, и вовсе не потому что – плохо, а из страха: а вдруг батюшка погонится за мной через всю церковь? Нечего говорить, что мне, занятой рублем, и в голову не пришло осведомить батюшку о моих черных, серых делах. Батюшка спрашивал – я отвечала. А откуда ему было знать, что *такое* нужно спросить: «Не говоришь ли ты, например, Бог – Черт?»

Этого не спросил, спросил – другое. Первым его вопросом, первым вопросом моей исповеди было: «Ты чертыхаешься?» Не поняв и сильно уязвленная в своем самолюбии признанно умной девочки, я, не без заносчивости: «Да, всегда». – «Ай-ай- ай, как стыдно! сказал батюшка, соболезнующе качая головой. – А еще дочь таких хороших богобоязненных родителей. Ведь это только мальчишки – на улице...»

Слегка обеспокоенная взятым на себя неизвестным грехом, а отчасти из любопытства: что это я *всегда* делаю? – я, несколько дней спустя, матери: «Мама, что такое чертыхаться?» – «Черты – что?» – спросила мать. «Чертыхаться». – «Не знаю, – задумалась мать, – может быть – поминать черта? И вообще, откуда ты это взяла?» – «Так мальчишки на улице ругаются».

Вторым же вопросом батюшки, еще более, хотя иначе меня удивившим, было: «С мальчишками целуешься?» – «Да. Не особенно». – «С которыми же?» – «С Володей Цветаевым и с андреевским Борей». – «А мама позволяет?» – «С Володей – да, а с Борей – нет, потому что он ходит в Комиссаровское училище, а там, вообще, скарлатина». – «Ну и не надо целоваться, раз мама не позволяет. А какой же это Цветаев Володя?» – «Это сын дяди Мити. Но только я с ним очень редко целуюсь. Раз. Потому что он живет в Варшаве».

(О, Володя Цветаев, в красной шелковой рубашечке! С такой же большой головой, как у меня, но ею не попрекаемый! Володя, все свое трехдневное пребывание непрерывно раскатывавшийся от передней к зеркалу – точно никогда паркета не видал! Володя, вместо «собор» говоривший «Успенский забор» – и *меня* поправлявший! Володя, заявивший обожавшей его матери, что я, когда приеду к нему в Варшаву, буду жить в *его* комнате и спать в *его* кровати.

– Но при чем тут черт? Ах, все такое – черт: тайный жар³⁶.)

Своего не предав и все главное утаив, я, естественно, на другой день без радости – и не без робости – подходила к причастию, ибо слово матери и соответствующее видение: «Одна девочка на исповеди утаила грех» и т. д. – все еще стояли у меня в глазах и в ушах. До глубины я, конечно, в такую смерть не верила, ибо умирают от диабета, и от слепой кишки, и еще, раз,

³⁶ Слова А. Блока из стихотворения «О нет, не расколдуешь сердца ты...»

в Тарусе, мужик – от молнии, и если гречневая каша хоть бы *одна* гречинка! – вместо *этого* горла попадет в то, и если наступить на гадюку... – от *такого* умирают, а не...

Поэтому, не упав, не удивилась, а запив теплотой, в полной сохранности отошла к своим – и потом меня все поздравляли – и мать поздравляли «с причастницей». Если бы знали и если бы мать знала – с какой. Радости поздравлениям, как и белому платью, как и пирожкам от Бартельса – из-за полной всего этого незаслуженности – не было. Но и раскаяния не было. Было – одиночество с тайной. То же одиночество с все той же тайной. То же одиночество, как во время бесконечных обеден в холодильнике храма Христа Спасителя, когда я, запрокинув голову в купол на страшного Бога, явственно и двойственно чувствовала и видела себя уже отделяющейся от блистательного пола, уже пролетающей – гребя, как собаки плавают – над самыми головами молящихся и даже их – ногами, руками – задевая – и дальше, выше – стойком теперь! как рыбы плавают! – и вот уже в розовой цветочной юбочке балерины – под самым куполом – порхаю.

– Чудо! Чудо! – кричит народ. Я же улыбаясь – как те барышни в Спящей Красавице – в полном сознании своего превосходства и недосыгаемости – ведь даже городской Игнатьев не достанет! ведь даже университетский педель не заберет! – одна – из всех, одна – над всеми, совсем рядом с тем страшным Богом, в махровой розовой юбочке – порхаю.

Что, мне об этом тоже нужно было рассказывать «академику»?

Есть одно: его часто – нет, но когда оно есть, оно, якобы вторичное, сильнее всего первичного: страха, страсти и даже смерти: *такт*. Пугать батюшку чертом, смешить догом и огорошивать балериной было не-прилично. Неприлично же, для батюшки, все, что непривычно. На исповеди я должна быть как все.

Другая же половина такта – жалость. Не знаю почему, но, вопреки их страшности, священники мне всегда казались немножко – дети. Так же, как и дедушки. Как детям (или дедушке) рассказывать – гадости? Или страшности?

Кроме того, как мне было рассказывать о *нем*, говорить о нем *он*, когда для меня он был *то* и *ты*. Говорить о нем *черт*, когда для меня он был Мышатый: *ты*, имя настолько сокровенное, что я и одна не произносила его вслух, а только в постели или на поляне, шепотом: «Мышатый!» Звук слова «Мышатый» был сам шепот моей любви к нему. *Не*-шепотом это слово не существовало. Звательный падеж любви, других падежей не имеющей.

Ведь если я о тебе сейчас пишу *он*, то ведь это потому что я о *тебе* пишу, не тебе! В этом вся ложь любовного рассказа. Любовь неизменно второе лицо, растворяющее – даже первое. Он есть объективизация любимого, то, чего нет. Ибо никакого *он* мы никогда не любим и не любили бы; только *ты*, – восклицательный *вдох*!

И – внезапное прозрение – по-настоящему, до дна души исповедоваться – во всем тебе во мне (для ясности: во всем «грехе» твоего присутствия во мне) – во *всей мне* – я бы могла – только тебе!

...Не тьма – зло, а тьма – ночь. Тьма – все. Тьма – тьма. В том-то и дело, что я ни в чем не раскаиваюсь. Что это – *моя родная тьма*!

* * *

Нет, со священниками (да и с академиками!) у меня никогда не вышло. С православными священниками, золотыми и серебряными, холодными как лед распятия – *наконец* подносимого к губам. Первый такой страх был к своему родному дедушке, отцову отцу, шуйскому протоиерею о. Владимиру Цветаеву (по учебнику Священной истории которого, кстати, учился Бальмонт) – очень старому уже старику, с белой бородой немножко веером и стоячей, в коробочке, куклой в руках – в которые я так и не пошла.

– Барыня! Священники пришли! Прикажете принять?

И сразу – копошение серебра в ладони, переливание серебра из руки в руку, из руки в бумажку: столько-то батюшке, столько-то дьякону, столько-то дьячку, столько-то просвирне... Не надо бы – при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, про тридцать *сребреников*. Звон серебра сливался со звоном кадила, лед его с льдом парчи и распятия, облако ладана с облаком внутреннего недомогания, и все это тяжело ползло к потолку белой, с изморозными обоями, залы, на непонятно-жутких повелительных возгласах:

– Благослови, Владыко!

– О-о-о...

Все было – о, и зала – о, и потолок – о, и ладан – о, и кадило – о. И когда уходили священники, ничего от них не оставалось, кроме последнего, в филодендронах, о – ладана.

Эти воскресные службы для меня были – вой. «Священники пришли» звучало совершенно как «покойники».

– Барыня, покойники пришли, – прикажете принять?

Посредине черный гроб,
И гласит протяжно поп:
Буди взят моги-илой!

Вот этот-то черный гроб стоял у меня в детстве за каждым священником, тихо, из-за парчовой спины, глазел и грозил. Где священник – там гроб. Раз священник – так гроб.

Да и теперь, тридцать с лишним лет спустя, за каждым служащим священником я неизменно вижу покойника: за стоящим – лежащего. И – только за православным. Каждая православная служба, кроме единственной – пасхальной, *вопящей* о воскресении и с высоты разверстых небес отрясающей всякий прах, каждая православная служба для меня – отпевание.

Что бы ни делал священник, мне все кажется, что священник над *ним* наклоняется, *ему* кадит, изо всех сил уговаривает и даже – заговаривает: «Лежи, лежи, а я тебе попою...» Или: «Ну, лежи, лежи, чего уж тут...» Заклинает.

Священники мне в детстве всегда казались колдунами. Ходят и поют. Ходят и махают. Ходят и колдуют. Охаживают. Окуривают. *Они*, так пышно и много одетые, казались мне не-нашими³⁷, а не тот, скромно- и серо-голый, даже бедный бы, если бы не осанка, на краю Валериинной кровати.

От священников – серебряной горы спины священника – только затем горы, чтобы *скрыть*, мне и Бог казался страшным: священником, только еще страшней, серебряной горой: Араратом. И три барана детской скороговорки – «На горе Арарат три барана орали» – конечно, орали от страха, оттого, что остались одни с Богом.

Бог для меня был – страх.

Ничего, ничего, кроме самой мертвой, холодной как лед и белой как снег скуки, я за все мое младенчество в церкви не ощутила. Ничего, кроме тоскливого желания: когда же кончится? и безнадежного сознания: никогда. Это было еще хуже симфонических концертов в Большом зале Консерватории.

* * *

Бог был – чужой, Черт – родной. Бог был – холод, Черт – жар. И никто из них не был добр. И никто – зол. Только одного я любила, другого – нет: одного знала, а другого – нет. Один меня любил и знал, а другой – нет. Одного мне – тасканьями в церковь, стояньями в церкви, паникадиллом, от сна в глазах двоящимся: расходящимся и вновь сходящимся – Ааронами и

³⁷ Народное наименование черта. – Примеч. М. Цветаевой.

фараонами – и всей славянской невнятицей, – навязывали, одного меня – *заставляли*, а другой – сам, и никто не знал.

* * *

Но ангелов я – любила: одного, голубого, на жарко-золотой, прямо – горящей бумаге, прямо – трещавшей от сдерживаемого огня. Жаркой еще и от моих постоянных, всегда вскипавших и так редко перекипавших, обратно – вкипавших, одиноко выкипавших слез на печном румянце щек. И еще одного, земляничного, тоже немецкого, с раскрашенной картинки к немецкому стихотворению «Der Engel und der Grobian»³⁸. (Помню слово: «im rothen Erdbeerguss» – в красном земляничном потоке...)

Один мальчик собирал на полянке землянику. Вдруг видит – перед ним стоит другой мальчик, только большой и весь в белом и с длинными кудрями, как у девочки, а на кудрях – золотой круг. «Здравствуй, мальчик, дай и мне земляники!» – «Вот еще выдумал! – первый, с четверенек и даже не сняв шапки («gückt auch sein Käpplein nicht»³⁹), – сам собирай, и вообще убирайся – это моя полянка!» И опять – носом в корм. И вдруг – шум. Так лес не шумит. Подымает глаза: а мальчик уже над полянкой... «Милый ангел! – кричит невежа, срывая с себя колпачок, – вернись! Вернись! Возьми все мои ягоды!» Но – поздно. Вот край его белой одежды уже над березами, вот уже выше – уж и самой высокой березе рукой не достать, самой длинной из своих рук... Обжора, упав лицом в злосчастную землянику – плачет, и плачу с ним – сама земляничная обжора и невежа – я.

Много я с тех пор видала земляничных полянок и ни одной, чтобы за краем непременно березы не увидеть того безвозвратного края одежды, и немало раз, с тех пор, землянику – ела, и ни одной ягоды в рот не клала без сжатия сердца. Даже слово Grobian для меня навсегда осталось ангельским. И никакие Адам и Ева с яблоком и даже со змеем так во мне добра не предрешили, как мальчик – с другим мальчиком, поменьший с побольшим, гадкий – с хорошим, земляничный – с заоблачным. И если я потом, всю жизнь, столько «Grobian'ов» – на полянках и в комнатах – видала ангелами, демонами, небожителями, то, может быть, от раз навсегда меня тогда ожегшего страха: небесного не принять за земного.

Вечерами, сначала нескончаемо-красными, потом нескончаемо-черными, – так поздно – красными! так рано – черными! – мать и Валерия, летом – Окою, осенью большой дорогой, сначала березовой, потом *большою*, в два голоса – пели. Эти две враждующих природы сходились только в пении, не они сходились – их голоса: негромкое, смущающееся быть большим контральто матери с превышающим собственные возможности Валериным сопрано.

Kein Feuer, keine Kohle
Kann Brennen so heiss,
Als wie heimliche Liebe
Von der niemand was weiss...⁴⁰

От этих слов: Feuer – Kohle – heiss – heimlich – (огонь – уголь – жарко – тайно) – у меня по-настоящему начинался пожар в груди, точно я эти слова не слушаю, а глотаю, горящие угли – горлом глотаю.

³⁸ «Ангел и грубиян» (нем.).

³⁹ И даже шапочки не снял (нем.).

⁴⁰ Ни пламя, ни угли Не жгут горячей, Чем тайная страсть, Что храню от людей. – Пер. с нем. А. Парина.

Keine Rose, keine Nelke
Kann blühen so schön,
Als wenn zwei verliebte Seelen
Zu einander thun stehn.⁴¹

Тут-то меня и сглазили: verliebte Seelen! Ну, что бы – Herzen! И было бы все, как у всех. Но нет, что в младенчестве усвоено – усвоено раз навсегда: verliebte – значит Seelen. А Seelen это ведь See (остзейская «die See» – море!) и еще – sehen (видеть), и еще – sich sehnen (томиться, тосковать), и еще – Sehnen (жилы). Из жил томиться по какому-то морю, которого не видал, – вот душа и вот любовь. И никакие Rosen и Nelken не помогут! Когда же песня доходила до:

Setze Du mir einen Spiegel
Ins Herze hinein...⁴² –

я физически чувствовала входящее мне в грудь Валериино зеленое венецианское зеркало в венце зубчатого хрусталя – с постепенностью зубцов: setze Herze – и бездонным серединным, от плеча до плеча заливающим и занимающим меня зеркальным овалом: Spiegel.

Кого держала мать в *своем* зеркале? Кого – Валерия? (Одно лето, моих четырех лет, – одного: того, кому в четыре руки – играли и в четыре же руки – вышивали, кому и о ком в два голоса – пели...) Я? – знаю кого.

...Damit Du könnest sehen.
Wie so treu ich es mein⁴³, –

пояснительно тянули и дважды повторяли певички. Пяти лет я не знала meinen (мнить, глагол), но mein – мой – знала, и кто *мой* – тоже знала, и еще Meyn (Мейн) знала – дедушку Александра Данилыча. От этой включенности в песню дедушка невольно включался в тайну: мне вдруг начинало казаться, что дедушка – *тоже*.

С уходом Августы Ивановны (это она занесла в дом песню) – то есть с концом младенчества, семилетием, кончился и Черт. Зрительно кончился, на Валериинной постели – кончился. Но никогда я, до самого моего отъезда из Трехпрудного – замуж, не входила в Валериину комнату без быстрого и косвенного, как тот луч, взгляда на кровать: там?

(Дом давно-о снесен, от кровати и ножек нет, а тот все-е сидит!)

А вот еще одна встреча, так сказать, заскочившая за младенчество: жалко ему было с такой девочкой расставаться!

Мне было девять лет, у меня было воспаление легких, и была Верба.

«Что тебе принести, Муся, с Вербы?» – мать, уже одетая к выходу, в неровном обрамлении – новой гимназической шинелью еще удлиненного Андрюши и – моей прошлогодней, ей – до полу, шубой – еще умаленной Аси. «Черта в бутылке!» – вдруг, со стремительностью черта из бутылки вылетело из меня. «Черта? – удивилась мать, – а не книжку? Там ведь тоже продаются, целые лотки. За десять копеек можно целых пять книжек, про Севастопольскую оборону, например, или Петра Великого. Ты – подумай». – «Нет, все-таки... черта...» – совсем тихо, с трудом и стыдом прохрипела я. – «Ну, черта – так черта». – «И мне черта!» – ухватила моя вечная подражательница Ася. – «Нет, тебе *не* черта!» – тихо и грозно возразила я. – «Ма-ама! Она говорит, что мне не черта!» – «Ну, конечно – *не*... – сказала мать. – Во-первых,

⁴¹ Ни гвоздика, ни роза Не столь хороши, Как льнувшие друг к другу Две любящих души. – *Пер. с нем. А. Парша.*

⁴² Вставь мне зеркало В сердце... (*нем.*)

⁴³ Чтобы ты могла видеть, Как искренно мое чувство (*нем.*)

Муся – раньше сказала, во-вторых, зачем дважды одну и ту же вещь, да еще такую глупость? И он все равно лопнет». – «Но я не хочу книжку про Петра Великого! – уже визжала Ася. – Он тоже разорвется!» – «И мне, мама, пожалуйста, не книжку! – заволновался Андрюша, – у меня уже есть про Петра Великого, и про все...» – «Не книжку, мама, да? Мама, а?» – клещом въедалась Ася. – «Ну, хорошо, хорошо, хорошо, хорошо: не книжку. Мусе – не-книжку, Асе – не-книжку, Андрюше – не-книжку. Все хороши!» – «А тогда мне, мама, что? А мне тогда, мама, что?» – уже дятлом надалбливала Ася, не давая мне услышать ответа. Но мне было все равно – ей что, *мне* было – *то*.

– Ну вот тебе, Муся, и твой чертик. Только сначала сменим компресс.

Укомпрессованная до бездыханности – но дыхания всегда хватит на любовь – лежу с ним на груди. Он, конечно, крохотный, и скорей смешной, не серый, а черный, совсем не похож на *того*, но все-таки – имя – одно? (в делах любви, я это потом проверила, важно *сознание* и *название*.)

Сжимаю тридцатидевятиградусной рукой круглый низ бутылки, и скачет! скачет!

– Только не клади его с собой спать. Заснешь и раздавишь. Как только почувствуешь, что засыпаешь – положи возле, на стул.

«Как только почувствуешь, что засыпаешь!» – легко сказать, когда я весь день только и чувствую, что – засыпаю, просто – весь день сплю, сплю, с многими буйными видениями и громкими радостными воплями: «Мама! Король напился!» – тот самый король над моей кроватью – «Он в темной короне, с густой бородой» – а у меня еще и с кубком в руке – которого я звала Лесной Царь, а который по-настоящему, я потом догадалась, был *der König im Thule – gar treu bis an sein Grab – dem sterbend seine Buhle einen goldnen Becher gab*⁴⁴. И этот король с кубком – *всегда* в руке, *никогда* у рта, этот король, который никогда не пьет – вдруг – напился!

– Какой у тебя даже бред странный! – говорила мать. – Король – напился! Разве это бред девятилетней девочки? Разве короли – напиваются? И кто, вообще, когда при тебе напивался? И что значит – напился? Вот что значит потихоньку читать фельетоны в «Курьере» про всякие пиры и вечеринки! – забывая, что она сама же живописала этого августейшего бражника на полотне и поместила его в первом поле моего утреннего зрения и сознания. Однажды, застав меня все с тем же чертом в уже остывающем кулаке, мать сказала: «Почему ты меня никогда не спросишь, почему черт – скачет? Ведь это интересно?» – «Да-да-а», – неубежденно протянула я. «Ведь это *очень* интересно, – внушала мать, – нажимаешь низ трубки и, вдруг – скачет. Почему он скачет?» – «Я не знаю». – «Ну, вот видишь, в тебе – я уже давно вижу – нет ни искры любознательности, тебе совершенно все равно, почему: солнце – всходит, месяц – убывает, черт, например – скачет... А?» – «Да», – тихо ответила я. «Значит, ты сама признаешь, что тебе все равно? А все равно – быть не должно. Солнце всходит, потому что земля перевернулась, месяц убавляется, потому что – и так далее, а черт в склянке скачет, потому что в склянке – спирт». – «О, мама! – вдруг громко и радостно завывла я. – Черт – спирт. Это ведь, мама, рифма?» – «Нет, – совсем уже огорченно сказала мать, – рифма, это черт – торт, а спирт... погоди-ка, погоди, на спирт, кажется, нет...» – «А на бутылку? – спросила я с живейшей любознательностью. – Копилка – да? А еще – можно? Потому что у меня *еще* есть: по затылку, Мурзилка...» – «Мурзилка – нельзя, – сказала мать, – Мурзилка – собственное имя, да еще комическое... Так ты понимаешь, почему черт скачет? В бутылке спирт, когда он в руке нагревается – он расширяется». – «Да, – быстро согласилась я, – а нагревается – расширяется – тоже рифма?» – «Тоже, – ответила мать. – Так скажи мне теперь, почему черт скачет?» – «Потому что он расширяется». – «Что?» – «То есть наоборот – нагревается». – «Кто, кто нагревается?» – «Черт. – И, видя темнеющее лицо матери: – То есть наоборот – спирт».

⁴⁴ Король жил в Фуле дальней, И кубок золотой Хранил он, дар прощальный, Возлюбленной одной. – *Пер. с нем. Б. Пастернака.*

Вечером, когда мать пришла прощаться, я, со сдержанным торжеством:
– Мама! А на спирт все-таки есть рифма, только ничего, что по-немецки?

Droben bringt man sie zum Grabe,
Die sich freuten in dem Thal.
Hirtenknabe, Hirtenknabe,
Dir auch singt man dort einmal⁴⁵.

«Христос – воскрес, а черт взял да и лопнул! – торжествуяше сказала Асина няня, Александра Мухина, стоя пасхальным утром над моей кроватью. – Давай, давай осколки!» – «Неправда! – орала я, сжимая в кулаке драгоценные останки и бия ногами в туго натянутый свод одеяла. – Он лопнул совсем не потому, что Христос воскрес, а потому, что я на него легла... Я его просто заспала, как на суде Соломона». – «Вот Бог, значит, и наказал, что с такой нечистой спишь». – «Ты сама нечисть! – орала я, пробившись наконец ногами сквозь одеяло и – ими помогая. – Тебя самое Бог накажет за то, что ты радуешься несчастьем ближнего!» – «Уж и несчастье! – презрительно фыркнула нянька. – Черт лопнул! Когда дядя родной, Федя, помер, небось не плакала, а тут из-за черта паршивого, прости Господи!» – «Врешь! врешь! врешь! – орала я, уже встав и, как он, скача. – Да разве ты не видишь, что я не плачу! Это ты сейчас будешь плакать, когда я в тебя... (и, ничего не найдя вокруг, кроме градусника)... когда я тебя своими руками разорву, чертовка окаянная!»

«Что-о? – спросила входящая мать. – Это что такое? Что тут за представление?» – «Да ничего, барыня, – с лицемерным смирением сказала няня, – это Мусенька в Светлое Христово Воскресение чертом ругается, да-а-а...» – «Мама! У меня лопнул черт, а она говорит, что это Бог!» – «Что?» – «Что это Бог меня наказал за то, что я его больше любила, чем дядю Федю». – «Какие глупости! – неожиданно повернула мать. – Разве можно сравнивать? Няня, ступай на кухню. Но чертом ругаться в первый день Пасхи, да и вообще... Ведь сегодня же – Христос воскрес!» – «Да, а она сказала, что он потому и лопнул». – «Глупости! – отрезала мать. – Простое совпадение. Он лопнул потому, что нужно же когда-нибудь лопнуть. Но и ты хороша – связываться с неграмотной женщиной. А еще в приготовительном классе казенной гимназии... Но главное – что ты могла себя поранить. Где он?» Молча, чтобы не заплакать, разжимаю руку. «Но ведь тут ничего нет? – мать, внимательно всматриваясь. – Где же он сам?» Я, давясь от слез: «Не знаю. Я его так и не нашла. Он куда-то совсем выскочил!»

Да, черт мой лопнул, не оставив от себя ни стекла, ни спирту.

* * *

– Вот видишь, – говорила мать, сидя над моими тихими слезами, – никогда не нужно привязываться к такой вещи, которая может лопнуть. А они – все лопаются! Помнишь заповедь: «Не сотвори себе кумира»?

– Мама, – сказала я, отряхаясь от слез, как собака от воды. – А какая рифма на «кумира»? Тамара?

⁴⁵ На горах легли в могилы, Кто резвился по лугам. Пастушонок, отрок милый, И тебя оплачут там. — Пер. с нем. А. Парина.

* * *

Милый серый дог моего детства – Мышатый! Ты не сделал мне зла. Если ты, по Писанию, и «отец лжи», то меня ты научил – правде сущности и прямоте спины. Та прямая линия непреклонности, живущая у меня в хребте, – живая линия твоей дого-бабье-фараоновой посадки.

Ты обогатил мое детство на всю тайну, на все испытание верности, и, больше, на весь тот мир, ибо без тебя бы я не *знала*, что он – есть.

Тебе я обязана своей несосвятимой гордыней, несшей меня над жизнью выше, чем ты над рекою: *le divin orgueil*⁴⁶ – *словом* и *делом* его.

Тебе, кроме столького, я еще обязана бесстрашием своего подхода к собакам (да, да, и к самым кровокипящим догам!) и к людям, ибо после тебя – каких еще собак и людей бояться?

Тебе я обязана (так Марк Аврелий начинает свою книгу) своим первым сознанием возвышенности и избранности, ибо к девочкам из нашего флигеля ты *не* ходил.

Тебе я обязана своим первым преступлением: тайной на первой исповеди, после которого – все уже было преступлено.

Это ты разбивал каждую мою счастливую любовь, разъедавая ее оценкой и добивая гордыней, ибо ты решил меня поэтом, а не любимой женщиной.

Это ты, когда я со взрослыми играла в карты и кто-то, нечаянно и неизменно, загребал мой выигрыш, вгонял мне обратно в глаза – слезы, в глотку – слово: «А ставка была – моя».

Это ты оберег меня от всякой общности – вплоть до газетного сотрудничества, – нацепив мне, как злой сторож Давиду Копперфильду, на спину ярлык: «Берегитесь! Кусается!»

И не ты ли, моей ранней любовью к тебе, внушил мне любовь ко всем побежденным, ко всем *causes perdues*⁴⁷ – последних монархий, последних конских извозчиков, последних лирических поэтов.

Это ты – на всю свою непреклонность превышая распластанный в сдаче город – последним всходишь на сходни последнего корабля.

Бог не может о тебе низко думать – ты же когда-то был его любимым ангелом! И те, видящие тебя в виде мухи, Мушиным князем, мириадам мух – сами мухи, дальше носу не видящие.

И мух вижу, и нос вижу: твой длинный серый баронский замшевый догов нос, брезгливо и огрызливо наморщенный на мух – мириады мух.

Догом тебя вижу, голубчик, то есть собачьим *богом*.

* * *

Когда я одиннадцати лет в католическом пансионе старалась полюбить Бога:

Jusqu'à la mort nous Te serons fidèles,
Jusqu'à la mort Tu seras notre Roi,
Sous Ton drapeau, Jésus, Tu nous appelles,
Nous y mourrons en combattant Pour Toi...⁴⁸ –

⁴⁶ Божественной гордыней (*фр.*).

⁴⁷ Поверженным (*фр.*).

⁴⁸ До смерти мы верны Тебе сердцами, До смерти Ты для нас господь и царь, Ты призываешь под святое знамя – Погибнем, охраняя Твой алтарь... – (*Пер. с фр. А. Парина*).

ты мне не помешал. Ты только ушел на самое мое дно, вежливо уступая место – другому. «Ну, попробуй – кротостью...» Ты никогда не снизошел до борьбы за меня (и за что бы ни было!), ибо все твое богоборчество – бой за одиночество, которое одно и есть власть.

Ты – автор моего жизненного девиза и могильной надписи:

Ne daigne!⁴⁹ –

чего? Всего: ничего не daigne – да хотя бы – снизойти до зде-лежащего праха.

И когда мне, на всей моей одиннадцатилетней жизни грехи, из черной дыры чужих глаз и чужой исповедальни было сказано:

Un beau bloc de marbre se trouve enfoncé dans la boue du grand chemin. Un homme vulgaire marche dessus et l'enfonce encore plus profondément. Un noble coeur le dégage, le lave et en fait une statue qui dure éternellement. Soyez le sculpteur de Votre âme, petite Slave...⁵⁰

Чьи это слова?

* * *

Тебе я обязана зачарованным, всюду со мной передвигающимся, из-под ног рождающимся, обнимающим меня как руками, но как дыханием растяжимым, *всё* вмещающим и *всех* исключаяющим кругом своего одиночества.

И если ты когда-то в виде серой собачьей няни снизошел до меня, маленькой девочки, то только затем, чтобы она потом всю жизнь сумела одна: без нянь и без Вань.

* * *

Грозный дог моего детства – Мышатый! Ты один, у тебя нет церквей, тебе не служат вкупе. Твоим именем не освящают ни плотского, ни корыстного союза. Твое изображение не висит в залах суда, где равнодушие судит страсть, сытость – голод, здоровье – болезнь: все то же равнодушие – все виды страсти, все та же сытость – все виды голода, все то же здоровье – все виды болезни, все то же благополучие – все виды беды.

Тебя не целуют на кресте насильственной присяги и лжесвидетельства. Тобой, во образе распятого, не зажимает рта убиваемому государством его слуга и соубийца – священник. Тобой не благословляются бои и бойни. *Ты* в присутственных местах – *не* присутствуешь.

Ни в церквах, ни в судах, ни в школах, ни в казармах, ни в тюрьмах, – там, где право – тебя нет, там, где много – тебя нет.

Нет тебя и на пресловутых «черных мессах», этих привилегированных массовках, где люди совершают глупости – любить тебя вкупе, тебя, которого первая и последняя честь – одиночество.

Если искать тебя, то только по одиночным камерам Бунта и чердакам Лирической Поэзии.

Тобой, который есть – зло, общество *не* злоупотребило.

Ванв, 19 июня 1935

⁴⁹ Не снисхожу (*фр.*).

⁵⁰ Прекрасная глыба мрамора лежит, вдавленная в мостовую. Человек заурядный проходит поверху и вдавликает ее еще глубже. Благородное сердце извлекает глыбу из земли, очищает ее и создает изваяние, которое живет вечно. Будьте ваятелем собственной души, маленькая Славянка... (*фр.*)

Мой Пушкин

Начинается как глава настольного романа всех наших бабушек и матерей – «Jane Eyre» – Тайна красной комнаты.

В красной комнате был тайный шкаф.

Но до тайного шкафа было другое, была картина в спальне матери – «Дуэль».

Снег, черные прутья дерева, двое черных людей проводят третьего, под мышки, к саням – а еще один, другой, спиной отходит. Уводимый – Пушкин, отходящий – Дантес. Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между черных безлистных деревьев, убил.

Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили. Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот. Так я трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот, и, – вспоминаю всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, – об этом *животе* поэта, который так часто не-сыт и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе. С пушкинской дуэли во мне началась *сестра*. Больше скажу – в слове *живот* для меня что-то священное, – даже простое «болит живот» меня заливают волной содрогающегося сочувствия, исключаящего всякий юмор. Нас этим выстрелом всех живот ранили.

О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой. Жизнь спустя горячо приветствую такое умолчание матери. Мещанская трагедия обрела величие мифа. Да, по существу, третьего в этой дуэли не было. Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь. Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. А Гончарова, как и Николай I, – всегда найдется.

– Нет, нет, нет, ты только представь себе! – говорила мать, совершенно не представляя себе этого *ты*. – Смертельно раненный, в снегу, а не отказался от выстрела! Прицелился, попал и еще сам себе сказал: браво! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: «Смертельно раненный, в крови, а простил врагу!» Отшвырнул пистолет, протянул руку, – этим, со всеми нами, явно возвращая Пушкина в его родную Африку мести и страсти и не подозревая, какой урок – если не мести, так страсти – на всю жизнь дает четырехлетней, еле грамотной мне.

Черная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, черное с белым окно: снег и прутья тех деревьев, черная и белая картина «Дуэль», где на белизне снега совершается черное дело: вечное черное дело убийства поэта – чернью.

Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили.

С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали всё мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались.

Три таких картины были в нашем трехпрудном доме: в столовой – «Явление Христа народу», с никогда не разрешенной загадкой совсем маленького и непонятно-близкого, совсем близкого и непонятно-маленького Христа; вторая, над нотной этажеркой в зале – «Татары» – татары в белых балахонах, в каменном доме без окон, между белых столбов убивающие главного татарина («Убийство Цезаря») и – в спальне матери – «Дуэль». Два убийства и одно явление. И все три были страшные, непонятные, угрожающие, и крещение с никогда не виденными черными кудрявыми орлоносими голыми людьми и детьми, так заполнившими реку, что капли воды не осталось, было не менее страшное тех двух, – и все они отлично готовили ребенка к предназначенному ему страшному веку.

* * *

Пушкин был негр. У Пушкина были бакенбарды (NB! только у негров и у старых генералов), у Пушкина были волосы вверх и губы наружу, и черные, с синими белками, как у щенка, глаза, – черные вопреки явной светлоглазости его многочисленных портретов. (Раз негр – черные.⁵¹)

Пушкин был такой же негр, как тот негр в Александровском пассаже, рядом с белым стоячим медведем, над вечно-сухим фонтаном, куда мы с матерью ходили посмотреть: не забил ли? Фонтаны никогда не бьют (да как это они бы делали?), русский поэт – негр, поэт-негр, и поэта – убили.

(Боже, как сбылось! Какой поэт из бывших и сущих *не* негр, и какого поэта – *не* убили?)

Но и до «Дуэли» Наумова – ибо у каждого воспоминания есть свое *до*-воспоминание, точно пожарная лестница, по которой спускаешься спиной, не зная, будет ли еще ступень – которая *всегда* оказывается – или внезапное ночное небо, на котором открываешь все новые и новые высочайшие и далечайшие звезды, – но до «Дуэли» Наумова был другой Пушкин, Пушкин, – когда я еще не знала, что Пушкин – Пушкин. Пушкин не воспоминание, а состояние, Пушкин – всегда и отовсегда, – до «Дуэли» Наумова была заря, и, из нее вырастая, в нее уходя, ее плечами рассекая, как пловец – реку, – черный человек выше всех и чернее всех – с наклоненной головой и шляпой в руке.

Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и под снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и усиленные африканские плечи! – плечами в зарю или в метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник-Пушкина».

Памятник Пушкина был цель и предел прогулки: от памятника Пушкина – до памятника Пушкина. Памятник Пушкина был и цель бега: кто скорей добежит до Памятник-Пушкина. Только Асина нянька иногда, по простоте, сокращала: «А у Пушкина – посидим», – чем неизменно вызывала мою педантическую поправку: «Не у Пушкина, а у Памятник-Пушкина».

Памятник Пушкина был и моя первая пространственная мера: от Никитских Ворот до памятника Пушкина – верста, та самая вечная пушкинская верста, верста «Бесов», верста «Зимней дороги», верста всей пушкинской жизни и наших детских хрестоматий, полосатая и торчащая, непонятная и принятая⁵².

Памятник Пушкина был – обиход, такое же действующее лицо детской жизни, как рояль или за окном городской Игнатъев, – кстати, стоявший почти так же непреложно, только не так высоко, – памятник Пушкина был одна из двух (третьей не было) ежедневных неизбежных прогулок – на Патриаршие Пруды – или к Памятник-Пушкину. И я предпочитала – к Памятник-Пушкину, потому что мне нравилось, раскрывая и даже разрывая на бегу мою белую дедушкину карлсбадскую удавочную «кофточку», к нему бежать и, добежав, обходить, а потом, подняв голову, смотреть на чернолицего и чернорукого великана, на меня не глядящего, ни на кого и ни на что в моей жизни не похожего. А иногда просто на одной ноге обскакивать. А бегала я, несмотря на Андриюшину долговязость и Асину невесомость и собственную толсто-

⁵¹ Пушкин был светловолос и светлоглаз. – *Примеч. М. Цветаевой.*

⁵² Там верстою небывалой Он торчал передо мною... («Бесь») Пушкин здесь говорит о верстовом столбе. Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег... Навстречу мне Только версты полосаты Попадают одна... («Зимняя дорога»). – *Примеч. М. Цветаевой.*

ватость – лучше их, лучше всех: от чистого чувства чести: добежать, а потом уж лопнуть. Мне приятно, что именно памятник Пушкина был первой победой моего бега.

С памятником Пушкина была и отдельная игра, моя игра, а именно: приставлять к его подножию мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку – они продавались в посудных лавках, кто в конце прошлого века в Москве рос – знает, были гномы под грибами, были дети под зонтами, – приставлять к гигантову подножью такую фигурку и, постепенно проходя взглядом снизу вверх весь гранитный отвес, пока голова не отваливалась, рост – сравнивать.

Памятник Пушкина был и моей первой встречей с черным и белым: такой черный! такая белая! – и так как *черный* был явлен гигантом, а *белый* – комической фигуркой, и так как непременно нужно выбрать, я тогда же и навсегда выбрала черного, а не белого, черное, а не белое: черную думу, черную долю, черную жизнь.

Памятник Пушкина был и моей первой встречей с числом: сколько таких фигурок нужно поставить одна на другую, чтобы получился памятник Пушкина. И ответ был уже тот, что и сейчас: «Сколько ни ставь...» – с горделиво-скромным добавлением: «Вот если бы сто меня, тогда – может, потому что я ведь еще вырасту...» И, одновременно: «А если одна на другую сто фигурок, выйду – я?» И ответ: «Нет, не потому, что я большая, а потому, что я живая, а они фарфоровые».

Так что Памятник-Пушкина был и моей первой встречей с материалом: чугуном, фарфором, гранитом – и своим.

Памятник Пушкина со мной под ним и фигуркой подо мной был и моим первым наглядным уроком иерархии: я перед фигуркой великан, но я перед Пушкиным – я. То есть маленькая девочка. Но которая вырастет. Я для фигурки – то, что Памятник-Пушкина – для меня. Но что же тогда для фигурки – Памятник-Пушкина? И после мучительного думанья – внезапное озарение: а он для нее такой большой, что она его просто не видит. Она думает – дом. Или – гром. А *она* для него – такая уж маленькая, что он ее тоже – просто не видит. Он думает – просто блоха. А меня – видит. Потому что я большая и толстая. И скоро еще подрасту.

Первый урок числа, первый урок масштаба, первый урок материала, первый урок иерархии, первый урок мысли и, главное, наглядное подтверждение всего моего последующего опыта: из тысячи фигурок, даже одна на другую поставленных, не сделаешь Пушкина.

... Потому что мне нравилось от него вниз по песчаной или снежной аллее идти и к нему, по песчаной или снежной аллее, возвращаться, – к его спине с рукой, к его руке за спиной, потому что стоял он всегда спиной, *от* него – спиной и *к нему* – спиной, спиной ко всем и всему, и гуляли мы всегда ему в спину, так же как сам бульвар всеми тремя аллеями шел ему в спину, и прогулка была такая долгая, что каждый раз мы с бульваром забывали, какое у него лицо, и каждый раз лицо было новое, хотя такое же черное. (С грустью думаю, что последние деревья *до* него так и не узнали, какое у него лицо.)

Памятник Пушкина я любила за черноту – обратную белизне наших домашних богов. У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина – совсем черные, совсем полные. Памятник-Пушкина был совсем черный, как собака, еще черней собаки, потому что у самой черной из них всегда над глазами что-то желтое или под шеей что-то белое. Памятник Пушкина был черный, как рояль. И если бы мне потом совсем не сказали, что Пушкин – негр, я бы знала, что Пушкин – негр.

От памятника Пушкина у меня и моя безумная любовь к черным, пронесенная через всю жизнь, по сей день польщенность всего существа, когда случайно, в вагоне трамвая или ином, окажусь с черным – рядом. Мое белое убожество бок о бок с черным божеством. В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина, – черный памятник Пушкина моего до-грамотного младенчества и всея России.

... Потому что мне нравилось, что уходим мы или приходим, а он – всегда стоит. Под снегом, под летящими листьями, в заре, в синеве, в мутном молоке зимы – всегда стоит.

Наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. Наших богов, под Рождество или под Пасху, тряпкой обмахивали. Этого же мыли дожди и сушили ветра. Этот – всегда стоял.

Памятник Пушкина был первым моим видением неприкосновенности и непреложности.

– На Патриаршие Пруды или..?

– К Памятник-Пушкину!

На Патриарших Прудах – патриархов не было.

* * *

Чудная мысль – гиганта поставить среди детей. Черного гиганта – среди белых детей. Чудная мысль белых детей на черное родство – обречь.

Под памятником Пушкина росшие не будут предпочитать белой расы, а я – так явно предпочитаю – черную. Памятник Пушкина, опережая события, – памятник против расизма, за равенство для всех рас, за первенство каждой – лишь бы давала гения. Памятник Пушкина есть памятник черной крови, влившейся в белую, памятник слияния кровей, как бывает – слиянию рек, живой памятник слияния кровей, смешения народных душ – самых далеких и как будто бы – самых неслиянных. Памятник Пушкина есть живое доказательство низости и мертвости расистской теории, живое доказательство – ее обратного. Пушкин есть *факт*, опрокидывающий теорию. Расизм до своего зарождения Пушкиным опрокинут в самую минуту его рождения. Но нет – раньше: в день бракосочетания сына арапа Петра Великого, Осипа Абрамовича Ганнибала с Марьей Алексеевной Пушкиной. Но нет, еще раньше: в неизвестный нам день и час, когда Петр впервые остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме черный, светлый, веселый и страшный взгляд. Этот взгляд был приказ Пушкину *быть*. Так что дети, под петербургским Фальконетовым Медным Всадником росшие, тоже росли под памятником против расизма – за гения.

Чудная мысль Ибрагимова правнука сделать черным. Отлить его в чугуне, как природа прадеда отлила в черной плоти. Черный Пушкин – символ. Чудная мысль – чернотой изваяния дать Москве лоскут абиссинского неба. Ибо памятник Пушкина явно стоит «под небом Африки моей». Чудная мысль – наклоном головы, выступом ноги, снятой с головы и заведенной за спину шляпой *поклона* – дать Москве, под ногами поэта, море. Ибо Пушкин не над песчаным бульваром стоит, а над Черным морем. Над морем свободной стихии – Пушкин свободной стихии.

Мрачная мысль – гиганта поставить среди цепей. Ибо стоит Пушкин среди цепей, окружен («огражден») его пьедестал камнями и цепями: камень – цепь, камень – цепь, камень – цепь, все вместе – круг. Круг николаевских рук, никогда не обнявших поэта, никогда и не выпустивших. Круг, начавшийся словом: «Ты теперь не прежний Пушкин, ты – *мой* Пушкин» и разомкнувшийся только Дантесовым выстрелом.

На этих цепях я, со всей детской Москвой прошлой, сущей, будущей, качалась – не подозревая, на чем. Это были очень низкие качели, очень твердые, очень железные. – «Амбир»? – Амбир. – Empire – Николая I Империя.

Но с цепями и с камнями – чудный памятник. Памятник свободе – неволе – стихии – судьбе – и конечной победе гения: Пушкину, восставшему из цепей. Мы это можем сказать теперь, когда человечески-постыдная и поэтически-бездарная подмена Жуковского:

И долго буду тем *народу* я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что *прелестью* живой стихов я был полезен... –

с таким не-пушкинским, антипушкинским введением *пользы* в поэзию – подмена, позорившая Жуковского и Николая I без малого век и имеющая их позорить во веки веков, пушкинское же подножье пятнавшая с 1884 года¹ – установки памятника, – наконец заменена словами *пушкинского* «Памятника»:

И долго буду тем *любезен я народу,*
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

И если я до сих пор не назвала скульптора Опекушина, то только потому, что есть слава большая – безымянная. Кто в Москве знал, что Пушкин – Опекушина? Но опекушинского Пушкина никто не забыл никогда. Мнимая неблагодарность наша – ваятелю лучшая благодарность.

И я счастлива, что мне, в одних моих юношеских стихах, удалось еще раз дать его черное детище – в слове:

А там, в полях необозримых
Служа *небесному* царю —
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

* * *

А вот как памятник Пушкина однажды пришел к нам в гости. Я играла в нашей холодной белой зале. Играла, значит – либо сидела под роялем, затылком в уровень кадке с филодендроном, либо безмолвно бегала от ларя к зеркалу, лбом в уровень подзеркальнику.

Позвонили, и залой прошел господин. Из гостиной, куда он прошел, сразу вышла мать, и мне, тихо: «Муся! Ты видела этого господина?» – «Да». – «Так это – сын Пушкина. Ты ведь знаешь памятник Пушкина? Так это его сын. Почетный опекун. Не уходи и не шуми, а когда пройдет обратно – гляди. Он очень похож на отца. Ты ведь знаешь его отца?»

Время шло. Господин не выходил. Я сидела и не шумела и глядела. Одна на венском стуле, в холодной зале, не смея встать, потому что вдруг – пройдет.

Прошел он – и именно вдруг – но не один, а с отцом и с матерью, и я не знала, куда глядеть, и глядела на мать, но она, перехватив мой взгляд, гневно отшвырнула его на господина, и я успела увидеть, что у него на груди – звезда.

– Ну, Муся, видела сына Пушкина?

– Видела.

– Ну, какой же он?

– У него на груди – звезда.

– Звезда! Мало ли у кого на груди звезда! У тебя какой-то особенный дар смотреть не туда и не на то...

– Так смотри, Муся, запомни, – продолжал уже отец, – что ты нынче, четырех лет от роду, видела сына Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать.

Внукам я рассказала сразу. Не своим, а единственному внуку, которого я знала, – няинному: Ване, работавшему на оловянном заводе и однажды принесшему мне в подарок собственноручного серебряного голубя. Ваня этот, приходивший по воскресеньям, за чистоту и

тихоту, а еще и из уважения к высокому сану няни, был допускаем в детскую, где долго пил чай с баранками, а я от любви к нему и его птичке от него не отходила, ничего не говорила и за него глотала.

«Ваня, а у нас был сын Памятник-Пушкина». – «Что, барышня?» – «У нас был сын Памятник-Пушкина, и папа сказал, чтобы я это тебе сказала». – «Ну, значит, что-нибудь от папаши нужно было, раз пришли...» – неопределенно отозвался Ваня. «Ничего не нужно было, просто с визитом к нашему барину, – вмешалась няня. – Небось сами – полный енерал. Ты Пушкина-то на Тверском знаешь?» – «Знаю». – «Ну, сынок их, значит. Уже в летах, вся борода седая, надвое расчесана. Ваше высокопревосходительство».

Так, от материнской обмолвки и няниной скороговорки и от родительского приказа смотреть и помнить – связанного у меня только с предметами – белый медведь в пассаже, негр над фонтаном, Минин и Пожарский и т. д. – а никак не с людьми, ибо царь и Иоанн Кронштадтский, которых мне, вознеся меня над толпой, показывали, относились не к людям, а к священным предметам – так это у меня и осталось: к нам в гости приходил сын Памятник-Пушкина. Но скоро и неопределенная принадлежность сына стерлась: сын Памятник-Пушкина превратился в сам Памятник-Пушкина. К нам в гости приходил сам Памятник-Пушкина.

И чем старше я становилась, тем более это во мне, сознанием, укреплялось: сын Пушкина – тем, что был сын Пушкина, был уже памятник. Двойной памятник его славы и его крови. Живой памятник. Так что сейчас, целую жизнь спустя, я спокойно могу сказать, что в наш трехпрудный дом, в конце века, в одно холодное белое утро пришел Памятник-Пушкина.

Так у меня, до Пушкина, до Дон-Жуана, был свой Командор.

Так и у меня был свой Командор.

* * *

А шел, верней, ехал в наш трехпрудный дом сын Пушкина мимо дома Гончаровых, где родилась и росла будущая художница Наталья Сергеевна Гончарова, двоюродная внучка Наталья Николаевна.

Родной сын Пушкина мимо двоюродной внучки Натальи Гончаровой, которая, может быть, на него – не зная, не узнавая, не подозревая, – в ту минуту из окна глядела.

Наши дома с Гончаровой – узнала это только в Париже, в 1928 году – оказались соседними, наш дом был восьмой, своего номера она не помнит.

* * *

Но что же тайна красной комнаты? Ах, весь дом был тайный, весь дом был – тайна!

Запретный шкаф. Запретный плод. Этот плод – том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось – Собрание сочинений А.С. Пушкина.

В шкафу у старшей сестры Валерии живет Пушкин, тот самый негр с кудрями и сверкающими белками. Но до белков – другое сверкание: собственных зеленых глаз в зеркале, потому что шкаф – обманчивый, зеркальный, в две створки, в каждой – я, а если удачно поместиться – носом против зеркального водораздела, то получается не то два носа, не то один – неузнаваемый.

Толстого Пушкина я читаю в шкафу, носом в книгу и в полку, почти в темноте и почти вплоть и немножко даже удушенная его весом, приходящимся прямо в горло, и почти ослепленная близостью мелких букв. Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг.

Мой первый Пушкин – «Цыганы». Таких имен я никогда не слышала: Алеко, Земфира, и еще – Старик. Я стариков знала только одного – сухорукого Осипа в тарусской богадельне, у

которого рука отсохла – потому что убил брата огурцом. Потому что мой дедушка, А.Д. Мейн – не старик, потому что старики чужие и живут на улице.

Живых цыган я не видела никогда, зато отродясь слышала про цыганку, мою кормилицу, так любившую золото, что, когда ей подарили серьги и она поняла, что они не золотые, а позолоченные, она вырвала их из ушей с мясом и тут же втоптала в паркет.

Но вот совсем новое слово – любовь. Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это любовь. Я думала – у всех так, всегда – так. Оказывается – только у цыган. Алеко влюблен в Земфиру.

А я влюблена – в «Цыган»: в Алеко, и в Земфиру, и в ту Мариулу, и в того цыгана, и в медведя, и в могилу, и в странные слова, которыми все это рассказано. И не могу сказать об этом ни словом: взрослым – потому что краденое, детям – потому что я их презираю, а главное – потому что тайна: моя – с красной комнатой, моя – с синим томом, моя – с грудной ямкой.

Но, в конце концов, любить и не говорить – разорваться, и я нашла себе слушательницу, и даже двух – в лице Асиной няньки Александры Мухиной и ее приятельницы – швеи, приходившей к ней, когда мать заведомо уезжала в концерт, а невинная Ася – спала.

– А у нас Мусенька – умница, грамотная, – говорила нянька, меня не любившая, но при случае мною хваставшаяся, когда исчерпаны были все разговоры о господах и выпиты были все полагающиеся чашки. – А ну-ка, Мусенька, расскажи про волка и овечку. Или про того (барабанщика).

(Господи, как каждому положена судьба! Я уже пяти лет была чьим-то духовным ресурсом. Говорю это не с гордостью, а с горечью.)

И вот однажды, набравшись духу, с обмирающим сердцем, глубоко глотнув:

– Я могу рассказать про «Цыган».

– Цы-ган? – нянька, недоверчиво, – про каких таких цыган? Да кто ж про них книжки-то писать будет, про побирох этих, руки их загребущие?

– Это не такие. Это – другие. Это – табор.

– Ну, так и есть табор. Всегда возле усадьбы табором стоят, а потом гадать приходит – молодая чертовка: «Дай, барынька, погадаю о твоём талане...», а старая чертовка – бельё с веревки, али уж прямо бриллиантовую брошь с барынина туалета...

– Не такие цыгане. Это – другие цыгане.

– Ну, пуцай, пуцай расскажет! – приятельница, чуя в моем голосе слезы, – может, и вправду другие какие... Пуцай расскажет, а мы – послушаем.

– Ну, был один молодой человек. Нет, был один старик, и у него была дочь. Нет, я лучше стихами скажу. Цыганы шумною толпой – По Бессарабии кочуют – Они сегодня над рекой – В шатрах изодранных ночуют – Как вольность, весел их ночлег – и так далее – без передышки и без серединных запятых – до: *звон походной наковальни*, которую, может быть, принимаю за музыкальный инструмент, а может быть, просто – принимаю.

– А складно говорит! как по писаному! – восклицает швея, тайно меня любящая, но не смеющая, потому что нянька – Асина.

– Мед-ве-едь... – осуждающе произносит нянька, повторяя единственное дошедшее до ее сознания слово. – А вправду – медведь. Маленькая была, старики рассказывали – завсегда цыгане медведя водили. «А ты, Миша, попляши!» И пляса-ал.

– Ну, а дальше-то, дальше-то что было? (Швея).

– И вот, к этому старику приходит дочь и говорит, что этого молодого человека зовут Алэко.

Нянька:

– Ка-ак?

– Алэко!

– Ну уж и зовут! И имени такого нет. Как говоришь, зовут?

– Алэко.

– Ну и Алека – калека!

– А ты – дура. Не Алека, а Алэко!

– Я и говорю: Алека.

– Это *ты* говоришь: Алека, я говорю: Алэко: э-э-э! о-о-о!!

– Ну, ладно: Алека – так Алека.

– Алеша, – значит, по-нашему (приятельница, примиряюще). – Да дай ей, дура, сказать, – *она* ведь сказывает, не ты. Не сердчай, Мусенька, на няньку, она дура, неученая, а ты грамотная, тебе и знать.

– Ну, эту дочь звали Земфира. (Грозно и громко): Земфира – эта дочь говорит старику, что Алэко будет жить с ними, потому что она его нашла в пустыне:

«Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала».

А старик обрадовался и сказал, что мы все поедем в одной телеге: «В одной телеге мы поедем – та-та-та-та, та-та-та-та – И села обходить с медведем...»

– С медве-едем, – нянька, эхом.

– И вот они поехали, и потом очень хорошо все жили, и ослы носили детей в корзинах...

– Кто это – в корзинах?..

– Так: «Ослы в перекидных корзинах – Детей играющих несут – Мужья и братья, жены, девы – И стар и млад вослед идут – Крик, шум, цыганские припевы – Медведя рев, его цепей».

Нянька:

– Да уж будет про медведя! Со стариком-то – что?

– Со стариком – ничего, у него молодая жена Мариула, которая от него ушла с цыганом, и эта, тоже, Земфира – ушла. Сначала все пела: «Старый муж, грозный муж! Не боюсь я тебя!» – это она про него, про отца своего, пела, а потом ушла и села с цыганом на могилу, а Алеко спал и страшно хрипел, а потом встал и тоже пошел на могилу, и потом зарезал цыгана ножом, а Земфира упала и тоже умерла.

Обе, в голос: – Ай-а-ай! Ну и душегуб! Так и зарезал ножом? А старик-то – что?

– Старик – ничего, старик сказал: «Оставь нас, гордый человек!» – и уехал, и все уехали, и весь табор уехал, а Алеко один остался.

Обе, в голос: – Так ему и надо. Не побивши – убивать! А вот у нас в деревне один тоже жену зарезал, – да ты, Мусенька, не слушай (громким шепотом) – застал с любовником. И его враз, и ее. Потом на каторгу пошел. Васильем звали... Да-а-а... Какой на свете беды не бывает. А все она, любовь.

* * *

Пушкин меня заразил любовью. *Словом* – любовь. Ведь разное: вещь, которую никак не зовут – и вещь, которую *так* зовут. Когда горничная походя сняла с чужой форточки рыжего кота, который сидел и зевал, и он потом три дня жил у нас в зале под пальмами, а потом ушел и никогда не вернулся – это любовь. Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и никогда не вернется – это любовь. Когда барабанщик уходил на войну и потом никогда не вернулся – это любовь. Когда розовогозовых нафталиновых парижских кукол весной после перетряски опять убирают в сундук, а я стою и смотрю и знаю, что я их больше никогда не увижу – это любовь. То есть *это* – от рыжего кота, Августы Ивановны, барабанщика и кукол так же и там же жжет, как от Земфиры и Алеко и Мариулы и могилы.

А вот волк и ягненок – не любовь, хотя мать меня и убеждает, что это очень грустно.
– Подумай, такой белый, невинный ягненок, который никакой воды не мутит...
– Но волк – *тоже* хороший!

Все дело было в том, что я от природы любила волка, а не ягненка, а в данном случае волка было любить нельзя, потому что он *съел* ягненка, а ягненка я любить – хоть и съеденного и белого – не могла, вот и не выходила любовь, как никогда ничего у меня не вышло с ягнятами.
«Сказал и в темный лес ягненка поволок».

* * *

Сказав волк, я назвала Вожатого. Назвав Вожатого – я назвала Пугачева: волка, на этот раз ягненка пощадившего, волка, в темный лес ягненка поволокшего – любить.

Но о себе и Вожатом, о Пушкине и Пугачеве скажу отдельно, потому что Вожатый заведет нас далёко, может быть, еще дальше, чем подпоручика Гринева, в самые дебри добра и зла, в то место дебрей, где они неразрывно скручены и, скрутясь, образуют живую жизнь.

Пока же скажу, что Вожатого я любила больше всех родных и незнакомых, больше всех любимых собак, больше всех закаченных в подвал мячей и потерянных перочинных ножииков, больше всего моего тайного красного шкафа, где он был – главная тайна. Больше «Цыган», потому что он был – черней цыган, *темней* цыган.

И если я полным голосом могла сказать, что в тайном шкафу жил – Пушкин, то сейчас только шепотом могу сказать: в тайном шкафу жил... Вожатый.

* * *

Под влиянием непрерывного воровского чтения естественно обогащался и словарь.

– Тебе какая кукла больше нравится: тетина нюрнбергская или крестнина парижская?

– Парижская.

– Почему?

– Потому что у нее глаза страстные.

Мать угрожающе:

– Что-о-о?

– Я, – спохватываясь: – Я хотела сказать: страшные.

Мать еще более угрожающе:

– То-то же!

Мать не поняла, мать услышала смысл и, может быть, вознегодовала правильно. Но поняла – неправильно. Не глаза – страстные, а *я* чувство страсти, вызываемое во мне этими глазами (и розовым газом, и нафталином, и словом Париж, и делом сундук, и недоступностью для меня куклы), приписала глазам. Не я одна. *Все* поэты. (А потом стреляются – что кукла *не* страстная!) Все поэты, и Пушкин первый.

* * *

Немного позже – мне было шесть лет, и это был мой первый музыкальный год – в музыкальной школе Зограф-Плаксиной, в Мерзляковском переулке, был, как это тогда называлось, публичный вечер – рождественский. Давали сцену из «Русалки», потом «Рогнеду» – и:

Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

Скамейка. На скамейке – Татьяна. Потом приходит Онегин, но не садится, а *она* встает. Оба стоят. И говорит только он, все время, долго, а она не говорит ни слова. И тут я понимаю, что рыжий кот, Августа Ивановна, куклы *не* любовь, что *это* – любовь: когда скамейка, на скамейке – она, потом приходит он, и все время говорит, а она не говорит ни слова.

– Что же, Муся, тебе больше всего понравилось? – мать, по окончании.

– Татьяна и Онегин.

– Что? Не «Русалка», где мельница, и князь, и леший? Не «Рогнеда»?

– Татьяна и Онегин.

– Но как же это может быть? Ты же там ничего не поняла? Ну, что ты там могла понять? Молчу.

Мать, торжествуя:

– Ага, ни слова не поняла, как я и думала. В шесть лет! Но что же тебе там могло понравиться?

– Татьяна и Онегин.

– Ты совершенная дура и упрямее десяти ослов! (Оборачиваясь к подошедшему директору школы, Александру Леонтьевичу Зографу). – Я ее знаю, теперь будет всю дорогу на извозчике на все мои вопросы повторять: «Татьяна и Онегин!» Прямо не рада, что взяла. Ни одному ребенку мира из всего виденного бы не понравилось «Татьяна и Онегин», все бы предпочли Русалку, потому что – сказка, понятное. Прямо не знаю, что мне с ней делать!!!

– Но почему, Мусенька, Татьяна и Онегин? – с большой добротой директор.

(Я, молча, полными словами:) «Потому что – любовь».

– Она, наверное, уже седьмой сон видит! – подходящая Надежда Яковлевна Брюсова⁵³, наша лучшая и старшая ученица. И тут я впервые узнаю, что есть седьмой сон, как мера глубины сна и ночи.

– А это, Муся, что? – говорит директор, вынимая из моей муфты вложенный туда мандарин, и вновь незаметно (заметно!) вкладывая, и вновь вынимая, и вновь, и вновь...

Но я уже совершенно онемела, окаменела, и никакие мандаринные улыбки, его и Брюсовой, и никакие страшные взгляды матери не могут вызвать с моих губ – улыбки благодарности. На обратном пути – тихом, позднем санном, мать ругается:

– Опозорила!! Не поблагодарила за мандарин! Как дура – шести лет – влюбилась в Онегина!

Мать ошиблась. Я не в Онегина влюбилась, а в Онегина и Татьяну (и, может быть, в Татьяну немножко больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в нее – немножко больше), не в них двух, а в их любовь. В любовь.

Скамейка, на которой они *не* сидели, оказалась предопределяющей. Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда *целовались*, всегда – когда расставались. Никогда не любила – когда садились, всегда – когда расходились. Моя первая любовная сцена была нелюбовная: он *не* любил (это я поняла), потому и не сел, любила *она*, потому и встала, они ни минуты не были вместе, ничего вместе не делали, делали совершенно обратное: он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушел, она осталась, так что если поднять занавес – она одна стоит, а может быть, опять сидит, потому что стояла она только потому, что *он* стоял, а потом рухнула и так будет сидеть вечно. Татьяна на той скамейке сидит вечно.

Эта первая моя любовная сцена, предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на *нелюбовь* – обрекла.

⁵³ Сестра Валерия Брюсова. – Примеч. М. Цветаевой.

В том-то и все дело было, что он ее не любил, и только потому она его *так*, и только для того его, а не другого в любовь выбрала, что втайне *знала*, что он ее не сможет любить. (Это я сейчас говорю, но *знала* уже тогда, тогда *знала*, а сейчас научилась говорить.) У людей с этим роковым даром несчастной – единоличной – всей на себя взятой – любви – прямо *гений* на неподходящие предметы.

Но еще одно, не одно, а многое, предопределил во мне «Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку – и руки, не страшась суда – то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах – сделала. И если я потом, когда уходили (всегда – уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей.

Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества.

* * *

У кого из народов – такая любовная героиня: смелая и достойная, влюбленная – и непреклонная, ясновидящая – и любящая!

Ведь в отповеди Татьяны – ни тени мстительности. Потому и получается полнота возмездия, поэтому-то Онегин и стоит «как громом пораженный».

Все козыри были у нее в руках, чтобы отметить и свести его с ума, все козыри – чтобы унижить, втоптать в землю той скамьи, сравнять с паркетом той залы, она все это уничтожила одной только обмолвкой: «Я вас люблю, – к чему лукавить?»

К чему лукавить? Да к тому, чтобы торжествовать! А торжествовать – к чему? А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны – внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда – в зачарованном кругу сада, – в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда – непонадобившаяся, сейчас – вожденная, и тогда и ныне – любящая и любимой быть не могущая.

Все козыри были у нее в руках, но она – не играла.

Да, да, девушки, признавайтесь – первые, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почетных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них – и вы будете в тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы.

Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь.

Ибо Татьяна до меня повлияла еще на мою мать. Когда мой дед, А.Д. Мейн, поставил ее между любимым и собой, она выбрала отца, а не любимого, и замуж потом вышла лучше, чем по-татьянински, ибо «для бедной Тани все были жребии равны» – а моя мать выбрала самый тяжелый жребий – вдвое старшего вдовца с двумя детьми, влюбленного в покойницу, – на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить *того*, с которым потом никогда не искала встречи и которому, впервые и нечаянно встретившись с ним на лекции мужа, на вопрос о жизни, счастье и т. д., ответила: «Моей дочери год, она очень крупная и умная, я совершенно счастлива...» (Боже, как в эту минуту она должна была меня, умную и крупную, ненавидеть за то, что я – не *его* дочь!)

Так, Татьяна не только на всю мою жизнь повлияла, но на самый факт моей жизни: не было бы пушкинской Татьяны – не было бы меня.

Ибо женщины *так* читают поэтов, а не иначе.

Показательно, однако, что мать меня Татьяной не назвала – должно быть, все-таки, – пожалела девочку...

* * *

С младенчества по сей час, весь «Евгений Онегин» для меня сводится к трем сценам: той свечи – той скамьи – того паркета. Иные из моих современников усмотрели в «Евгении Онегине» блистательную шутку, почти сатиру. Может быть, они правы, и, может быть, не прочти я его до семи лет... но я прочла его в том возрасте, когда ни шуток, ни сатиры нет: есть темные сады (как у нас в Тарусе), есть развороченная постель со свечой (как у нас в детской), есть блистательные паркетные (как у нас в зале) и есть любовь (как у меня в грудной ямке).

Быт? («Быт русского дворянства в первой половине XIX века».) Нужно же, чтобы люди были как-нибудь одеты.

* * *

После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дарёный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, – обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу.

В этом Пушкине я любила только негрского мальчика. Кстати, этот детский негрский портрет по сей день считаю лучшим из портретов Пушкина, портретом далекой африканской души его и еще спящей – поэтической. Портрет в две дали – назад и вперед, портрет его крови и его грядущего гения. Такого мальчика вторично избрал бы Петр, такого мальчика тогда и избрал.

Книжку я не любила, это был *другой* Пушкин, в нем и «Цыганы» были другие, без Алеко, без Земфиры, с одним только медведем. Это была тайная любовь, ставшая явной. Но, помимо содержания, отвращало уже само название: *для городских училищ*, вызывавшее что-то злобное, тощее и унылое, а именно – лица учеников городских училищ, – бедные лица: некормленные, грязные, посиневшие от мороза, как сам Пушкин, лица, внушавшие бы жалость, если бы не пара угрожающих кулаков классовой ненависти, лица, несмотря на эти кулаки, наверное, кому-нибудь жалость внушавшие, но любви внушить не могшие. Тощие, синие и злобные. Два кулака. Поперек запавшего живота – с огромной желтой бляхой, городских училищ, ремень.

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.

Так что же она тогда делает? И кто же тогда вьет гнездо? И есть ли вообще такие птички, кроме кукушки, которая не птичка, а целая птичица? Эти стихи явно написаны про бабочку.

Но такова сила поэтического напева, что никому, кажется, за больше чем сто лет, в голову не пришло эту птичку *проверить* – и меньше всего шестилетней тогдашней – мне. Раз сказано, так – *так*. *В стихах* – так. Эта птичка – поэтическая вольность... Интересно, что думают об этой птичке трезвые школьники Советской России?

«Зима, крестьянин торжествуя» на второй странице городских училищ Пушкина я средне-любила, любила (раз стихи!), но по-домашнему, как Августу Ивановну, когда *не* грозит уехать в Ригу. Слишком уж все было похоже. «В тулупе, в красном кушачке» – это Андрюша, а «крестьянин торжествуя» – это дворник, а дровни – это дрова, а мать – наша мать, когда мы, поджидая няню на прогулку к Памятник-Пушкину, едим снег или лижем лед. Еще стихи возбуждали зависть, потому что мы во дворе никогда не играли – только им проходили

– потому что вдруг у андреевских детей (семьи, снимавшей флигель) окажется скарлатина? И жучку в салазки не садили, а салазки – были, синие, бархатные, с темно-золотыми гвоздями (глазами). И, помимо высказанного, «Зима, крестьянин торжествуя», под видом стихов были басня, которые, под видом стихов – проза и которые я в каждой новой хрестоматии неизменно читала – последними. Сейчас же скажу: «Зима, крестьянин торжествуя» были – идиллия, т. е. та самая счастливая любовь, ни смысла, ни цели, ни наполнения которой я так никогда и не поняла.

Чтобы кончить о синем, городских училищ, Пушкине: он для любви был слишком худ, – ни с трудом поднять, ни, тяжело вздохнув, обнять, прижать к неизменно-швейцарскому и неизменно-тёмному фартуку, – ни в руках ничего, ни для глаз ничего, точно *уже* прочел.

Я вещи и книги, а потом и своих детей, и вообще детей, неизменно любила и люблю – еще и на вес. И поныне, слушая расхваливаемую новую вещь: «А длинная?» – «Нет, маленькая повесть». – «Ну, тогда читать *не* буду».

Андрюшина хрестоматия была несомненно-толстая, ее распирало Багровым-внуком и Багровым-дедом, и лихорадящей матерью, дышащей прямо в грудь ребенку, и всей безумной любовью этого ребенка, и ведрами рыбы, ловимой дурашливым молодым отцом, и «Ты опять не спишь?» – Николенькой, и всеми теми гончими и борзыми, и всеми лирическими поэтами России.

Андрюшиной хрестоматией я завладела сразу: он читать не любил, и даже не терпел, а тут нужно было не только читать, а учить, и списывать, и излагать своими словами, я же была нешкольная, вольная, и для меня хрестоматия была – только любовь. Мать не отнимала: раз хрестоматия – ничего преждевременного. *Вся* литература для ребенка преждевременна, ибо *вся* говорит о вещах, которых он не знает и не может знать. Например:

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?

(Андрюша, на вопрос матери: – А я почему знаю?)

...Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит.
Донос на Гетмана-злодея
Царю-Петру от Кочубея.

Не знаю, как другие дети: так как я из всего четверостишия понимала только злодея и так как злодей – здесь в окружении трех имен, то у меня злодея получалось – три: Гетман, Царь-Петр и Кочубей, и я долго потом не могла понять (и сейчас не совсем еще понимаю), что злодей – один и кто именно. Гетман для меня по сей день – Кочубей и Царь-Петр, а Кочубей – по сей день Гетман, и т. д., и три стало одно, и это одно – злодей. Донос я, конечно, тоже не понимала, и объяснили бы – не поняла бы, внутренне не поняла бы, как и сейчас не понимаю – возможности написать донос. Так и осталось: летит казак под несуществующе-ярким (сновиденным!) небом, где одновременно (никогда не бывает!) и звезды, и луна, летит казак, осыпанный звездами и облитый луною – точно чтобы его лучше видели! – а на голове шапка, а в шапке неизвестная вещь *донос*, – донос на Гетмана-злодея Царю-Петру от Кочубея.

Это была моя первая встреча с историей, и эта первая историческая история была – злодейство. Больше скажу: когда я во время Гражданской войны слышала Гетман (с добавлением: Скоропадский), я сразу видела того казака, который – падает.

Но с Царем-злодеем у меня была еще другая хрестоматическая встреча: «Кто он?» И опять мать Андрюше: «Ну, Андрюша, кто же был – он?» И опять Андрюша, честно, тоскливо и

даже возмущенно: «А я почему знаю?» (Что за странный мир – стихи, где *взрослые* спрашивают, а *дети* отвечают!) «Ну, а ты, Муся? Кто же был – *он*?» – «Великан». – «Почему великан?» – «Потому что он сразу все починил». – «А что значит “И на счастье Петрово”?» – «Не знаю». – «Ну, что значит Петрово?» (В голове ничего, кроме начертания слова: Петрово.) «Ты не знаешь, что такое Петрово?» – «Нет». – «А Андриюшино – знаешь?» – «Да. Андриюшин штекенпферд, Андриюшин велосипед, Андриюшины салазки...» – «Довольно, довольно. Ну и *Петрово* – то же самое. Петрово – понимаешь? Счастье – понимаешь? (Молчу.) *Счастья* не понимаешь?» – «Понимаю. Счастье – это когда мы пришли с прогулки и вдруг дедушка приехал, и еще когда я нашла у себя в кровати...» – «Достаточно. На счастье Петрово значит на Петрово счастье. А кто этот Петр?» – «Это...» – «Кто он? Что?» – «То есть чудесный гость. Смотрит долго в ту сторонку – Где чудесный гость исчез...» – «А как этого чудесного гостя зовут?» – Я, робко: – «Может быть – Петр?» – «Ну, слава богу!.. (С внезапной подозрительностью.) Но Петров – много. Какой же это был Петр? (И отчаявшись в ответе:) Это был тот самый Петр, который...

Донос на Гетмана-злодея
Царю-Петру от Кочубея.

Поняла?»

Еще бы! Но и увы! Только было начавший проясняться Петр опять был ввергнут в ту мрачно-сверкающую, звездно-лунную, казацье-скачущую, шапочно-доносную ночь и, что еще хуже, этот Петр, который починил старику челн, значит как будто бы сделал доброе дело, оказался тем самым злодеем Кочубеем и Гетманом. И опять встал под гигантский – в новый месяц! – вопросительный знак: «Кто?» Когда Петр – то всегда: кто? Петр – это когда никак нельзя догадаться.

Но и обратное: как только в стихах звучал вопрос, сразу являлось подозрение на Петра.

Отчего пальба и клики
В Петербурге-городке?

Ответ: «Понятно, Петр!» Но что же он именно сделал, ибо раз подсказывают – не то, всё, что подсказывают – не то. Особенно же и до смешного не то:

Родила ль Екатерина,
Имениница ль она,
Чудотворца-исполина.
Чернобровая жена?

Родила я не понимала, понимала только родилась, ни о какой Екатерине, жене Петра, я никогда не слышала, а чудотворец был Николай Чудотворец, то есть старик и святой, у которого нет жены. А в стихах – есть. Ну, женатый чудотворец.

Но, боже, какое облегчение, когда после стольких отчего и стольких явно ложных подсказок, – наконец, блаженное оттого! «Оттого-то шум и клики – в Петербурге-городке».

Только сейчас, проходя пядь за пядью Пушкина моего младенчества, вижу, до чего Пушкин любил прием вопроса: «Отчего пальба и крики? – Кто он? – Кто при звездах и при луне? – Черногорцы, что такое?» и т. д. Если бы мне тогда совсем поверить, что он действительно не знает, можно было бы подумать, что поэт из всех людей – тот, кто ничего не знает, раз даже у меня, ребенка, спрашивает. Но раздраженный ребенок чуял, что это – нарочно, что он не спрашивает, а знает, и чуял, что он меня ловит, и, ни одной подсказке не веря, я каждую, невольно,

видела, – строка за строкой, как умела, по-своему, стихи – видела. Историческому Пушкину своего младенчества я обязана незабвенными видениями.

Но не могу от своего тогдашнего и своего теперешнего лица не сказать, что вопрос в стихах – прием раздражительный, хотя бы потому, что каждое *отчего* требует и сулит *оттого* и этим ослабляет самоценность всего процесса, все стихотворение обращает в промежуток, приковывая наше внимание к конечной внешней цели, которой у стихов быть не должно. Настойчивый вопрос стихи обращает в загадку и задачу, и если каждое стихотворение само есть загадка и задача, то не та загадка, на которую готовая отгадка, и не та задача, на которую ответ в задачнике.

Зато в «Утопленнике» – ни одного вопроса. Зато – сюрпризы. Во-первых, эти дети, то есть *мы* играем одни на реке, во-вторых, *мы* противно зовем отца: тятя! а в-третьих, – *мы* не боимся мертвеца. Потому что кричат они не страшно, а весело, вот так, даже подпевают: «Тятя! Тятя! Наши сети! Притащили! Мертвеца!» – «Врите, врите, бесенята, заворчал на них отец. – Ох, уж эти мне ребята! Будет вам, ужо, мертвец!» Этот ужо-мертвец, был, конечно, немножко уж, уж, которого, потому что стихи, зовут *ужо*. Я говорю: немножко – уж, уж, которого я никогда не додумывала и, из-за его не совсем-определенности особенно громко выкрикивала, произнося так: – Будет вам! *Ужо*-мертвец! Если бы меня тогда спросили, картина получилась бы приблизительно такая: в земле живут ужи – мертвецы, а этого мертвеца зовут *Ужо*, потому что он немножко ужинный, ужовый, с ужом рядом лежал.

Ужей я знала по Тарусе, по Тарусе и утопленников. Осенью мы долго, долго, до ранних черных вечеров и поздних темных утр заживались в Тарусе, на своей одинокой – в двух верстах от всякого жилья – даче, в единственном соседстве (нам – минуту сбежать, *тем* – минуту взойти) реки – Оки («Рыбы мало ли в реке!») – но не только рыбы, потому что летом всегда кто-нибудь тонул, чаще мальчишки – опять затянуло под плот, – но часто и пьяные, а часто и трезвые, – и однажды затонул целый плотогон, а тут еще дедушка Александр Данилович умер, и мать с отцом уехали на сороковой день и потом остались из-за завещания, и хотя я знала, что это грех – потому что дедушка любил меня больше Аси, и глупость – потому что дедушка совсем не утонул, а умер от рака – от рака? Но ведь:

И в распухнувшее тело
Раки черные впились!

...словом, сквозь стеклянную дверь столовой – привиденские столбы балкона, а под ними, со всей рекой, притащившейся по пятам:

Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот –

Ужо-мертвец с неопределенным двоящимся лицом дедушки Александра Даниловича и затонувшего плотогона.

Зато другие страшные стихи, «Вурдалак», были совсем не страшные, хотя бы потому, что Ваня сразу оказывается трусоват и с первой строки – своим потом и от страху бледностью – возбуждает презрение, которое, как известно, лечит от всех страстей, вплоть до сильнейшей из них (во мне) страсти страха. «Это, верно, кости гложет красногубый вурдалак». Кто, вообще, гложет кости? Собака. Вурдалак – собака, с красными губами. Черная (потому что – ночь) собака с красными губами. А дурак (бедняк) испугался. Весь эффект страха пропал от этих глодаемых костей, которые ребенок не может не приписать собаке. Страшилище-вурдалак

сразу оказывается той собакой, которой у Пушкина оказывается только в последней строке, т. е. ни секунды не пребывает вурдалаком. Так что от всего страха остается только *слово* вурдалак, т. е. название стихотворения. Конечно, слово вурдалак – неприятное (немножко лакающее), и та самая собака – не совсем собачья, иначе бы не называлась вурдалак, и красные губы ее, видные даже ночью, сомнительны, и занятие ее – приносить свою кость именно на могилу – несколько гадостное, но все это отнюдь не оправдывало в моих глазах Ваниного страха. Вот если бы Ваня шел через кладбище без всякой собаки – тогда было бы страшно. А так собака, наоборот, оживляет. (То же, что в «Вие», где страшно только одиночество Хомя с покойницей и где страх – явлением Вия, и потом и виев – разряжается. Когда *много* – всегда *весело*.)

Ну, странная подозрительная собака, а Ваня – явный бессомнительный дурак – и бедняк – и трус. И еще – злой: «Вы представьте Вани злость!» И представляем: то есть Ваня мгновенно дает собаке сапогом. Потому что – злой. Ибо для правильного ребенка большего злодейства нет, чем побить собаку: лучше убить гувернантку. Злой мальчик и собака – действие этим соседством предугазано.

И кончалось, как всегда со всем любимым, – слезами: такая хорошая серо-коричневая, немножко черная собака с немножко красными губами украла на кухне кость и ушла с ней на могилу, чтобы кухарка не отняла, и вдруг какой-то трус Ваня шел мимо и дал ей сапогом. В ее чудную мокрую морду. У-у-у...

Но самое любимое из страшных, самое по-родному страшное и по-страшному родное были – «Бесы». «Мчатся тучи, вьются тучи – Невидимкою луна...»

Все страшно – с самого начала: луны не видно, а она – есть, луна-невидимка, луна в шапке-невидимке, чтобы все видеть и чтобы ее не видели. Странное стихотворение (состояние), где сразу можно быть (нельзя не быть) всем: луной, ездоком, шарахающимся конем и – о сладкое обмирание – *ими*! Ибо нет читателя, который одновременно бы не сидел в санях и не пролетал над санями, там, в беспредельной вышине, на разные голоса не выл, и там, в санях, от этого воя не обмирал. Два полета: саней и туч, и в каждом *ты* – летишь. Но помимо едущего и летящих, я была еще третьим: луною, той, что, невидимая, видит: Пушкина, над ним – Бесов, и над Пушкиным и Бесами – сама летит.

Страх и жалость (еще гнев, еще тоска, еще защита) были главные страсти моего детства, и там, где им пищи не было – меня не было. Но какая иная жалость, нежели к вурдалаку, заливала меня в «Бесах» и к бесам! Собаку я жалела – утробно: низкой и жаркой сочувственной жалостью чрева, жалостью – защитой: убить Ваню, убить кухарку и отдать собаке всю плиту со сковородками и кастрюльками, а может быть, и самого Ваню на съедение. Бесов же – жалостью высокой, жалостью – восторгом и восхищением, как потом жалела Наполеона на Св. Елене и Гёте в Веймаре. Я знала, что «...домового ли хоронят? Ведьму ль замуж выдают?» – только так, что никого они не похорони, не выдай замуж – все равно будут жаловаться, что дедушку-то они хоронят, а девушку замуж выдают – чтобы лучше жаловаться. Что жалуются они не потому, что, – а потому что они – они и никогда другими не будут и быть не могут. (Шепотом: потому что Бог их проклял!) Любовь к проклятому.

И еще: я ведь знала, что они – тучи! Что они – серые, мягкие, что их даже как-то нет, что их тронуть нельзя, обнять нельзя, что между ними, с ними, *ими* – можно только мчаться! Что это – воздух, который воет! Что их – нет.

«Сквозь волнистые туманы пробирается луна...» – опять пробирается, как кошка, как воровка, как огромная волчица в стадо спящих баранов (бараны... туманы...). «На печальные поляны льет печальный свет она...» О, господи, как печально, как дважды печально, как безысходно, безнадежно печально, как навсегда припечатано – печалью, точно Пушкин этим повторением печаль луною как печатью к поляне припечатал. Когда же я доходила до: «Что-то слышится родное в вольных песнях ямщика», то сразу попадала в:

Вы, очи, очи голубые,
Зачем сгубили молодца?
О люди, люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?

И эти очи голубые – опять были луною, точно луна на этот раз в два глаза взглянула, и одновременно я знала, что они под черными бровями у девицы-души, может быть той самой, по которой плачут бесы, этому что ее замуж выдают.

Читатель! Я знаю, что «Вы, очи, очи голубые» – не Пушкин, а песня, а может быть, и романс, но тогда я этого не знала и сейчас внутри себя, где всё – еще всё, этого не знаю, потому что «разрывая сердце мне» и «сердечная тоска», молодая бесовка и девица-душа, дорога и дорога, разлука и разлука, любовь и любовь – одно. Все это называется Россия и мое младенчество, и если вы меня взрежете, вы, кроме бесов, мчащихся тучами, и туч, мчащихся бесами, обнаружите во мне еще и те голубых два глаза. *Вошли в состав.*

«Подруга дней моих суровых – Голубка дряхлая моя!» – как это не походило на Асину няню, не старую и не молодую, с противной фамилией Мухина, как это походило на мою няню, которая бы у меня была и которой у меня не было. И как это походило на наш клюющий и воркующий, клюющий и рокочущий, сизо-голубой голубиный двор. (Моя няня была бы – голубка, а Асина – Мухина).

Голубка я слово знала, так отец всегда называл мою мать – («А не думаешь ли, голубка? – А не полагаешь ли, голубка? – А бог с ними, голубка!») – кроме как голубка не называл никак, но *подруга* было новое, мы с Асей росли одиноко, и подруг у нас не было. Слово подруга – самое любовное из всех – впервые прозвучало мне обращенное к старухе. «Подруга дней моих суровых – Голубка дряхлая моя!» Дряхлая голубка – значит очень пушистая, пышная, почти меховая голубка, почти муфта – голубка, вроде маминой котиковой муфты, которая была бы голубою, и так Пушкин называл свою няню, потому что ее любил. Скажу: подруга, скажу: голубка – и заболит.

Кого я жалела? *Не* няню. Пушкина. Его тоска по няне превращалась в тоску по нему, тоскующему. И потом, все-таки, няня сидит, вяжет, мы ее видим, а он – что? А он – где? «Одна в глуши лесов сосновых – Давно, давно ты ждешь меня». Она – *одна*, а его совсем нет! Леса сосновые я тоже знала, у нас в Тарусе, если идти пачёвской ивовой долиной – которую мать называла Шотландией – к Оке, вдруг – целый красный остров: сосны! С шумом, с треском, с краской, с запахом, после ивового однообразия и волнообразия – целый пожар!

Мама из коры умеет делать лодочки, и даже с парусом, я же умею только есть смолу и обнимать сосну. В этих соснах никто не живет. В этих соснах, в таких же соснах, живет пушкинская няня. «Ты под окном своей светлицы»... – у нее очень светлое окно, она его все время протирает (как мы в зале, тогда ждем дедушкиного экипажа) – чтобы видеть, не едет ли Пушкин. А он все не едет. Не приедет никогда.

Но любимое во всем стихотворении место было – «Горюешь будто на часах», причем «на часах», конечно, не вызывало во мне образа часового, которого я никогда не видела, а именно часов, которые всегда видела, везде видела... Соответствующих часовых видений – множество. Сидит няня и горюет, а над ней – часы. Либо горюет и вяжет и все время смотрит на часы. Либо – так горюет, что даже часы остановились. *На часах* было и под часами, и на часы, – дети к падежам нетребовательны. Некая же, все же, смутность этого *на часах* открывала все часовые возможности, вплоть до одного, уже совершенно туманного видения: есть часы зальные, в ящике, с маятником, есть часы над ларем – лунные, и есть в материнской спальне кукушка, с домиком, – с кукушкой, выглядывающей из домика. Кукушка, из окна выглядывающая, точно кого-то ждущая... А няня ведь с первой строки – голубка...

Так, на часах было и под часами, и на часы и, в конце концов, немножко и в часах, и все эти часы еще подтверждались последующей строкою, а именно спицами, этими стальными близнецами стрелок. Этими спицами в наморщенных руках няни и кончалось мое хрестоматическое «К няне».

Составитель хрестоматии, очевидно, усумнился в доступности младшему возрасту понятий тоски, предчувствия, заботы, теснения и всечасности. Конечно, я кроме *своей* тоски из двух последних строк не поняла бы ничего. Не поняла бы, но – запомнила. И – запомнила. А так у меня до сих пор между наморщенными руками и забытыми воротами – секундная заминка, точно это пушкинский конец к тому хрестоматическому – приращен. Да, что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь, но и чего не знаешь в детстве – не знаешь на всю жизнь.

Из знакомого же с детства: Пушкин из всех женщин на свете больше всего любил свою няню, которая была *не* женщина. Из «К няне» Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину – потому-то родная – можно любить больше, чем молодую – потому что молодая и даже потому что – любимая. Такой нежности слов у Пушкина не нашлось ни к одной.

Такой нежности слова к старухе нашлись только у недавно умчавшегося от нас гения – Марселя Пруста. Пушкин. Пруст. Два памятника сыновности.

* * *

Глядя назад, теперь вижу, что стихи Пушкина, и вообще стихи, за редкими исключениями чистой лирики, которой в моей хрестоматии было мало, для меня до-семилетней и семилетней были – ряд загадочных картинок, – загадочных только от материнских вопросов, ибо в стихах, как в чувствах, только вопрос порождает непонятность, выводя явление из его состояния данности. Когда мать не спрашивала – я отлично понимала, то есть и понимать не думала, а просто – видела. Но к счастью мать не всегда спрашивала, и некоторые стихи оставались понятными.

Делибаш. «Перестрелка за холмами – Смотрит лагерь их и наш – На холме пред казаками – Вьется красный делибаш». Делибаш – бес. Потому и красный. Потому и вьется. Бьются – казак с бесом. Каково же было мое изумление – и огорчение, когда в Праге, в 1924 г., сначала от одного русского студента, потом от другого, потом от третьего, услышала, что делибаш – черкесское знамя, а вовсе не сам черкес (бес). «Помилуйте, ведь у Пушкина “Вьется красный делибаш!” Как же *черкес* может *витья*? Знамя – вьется!» – «Отлично может витья. Весь черкес со своей одеждой» – «Ну, уж это модернизм. Пушкин от модернистов отличается тем, что пишет просто, в этом и вся его гениальность. Что может витья? Знамя». – «Я всегда понимала “Делибаш уже на пике, а казак без головы” – что оба одновременно друг друга уничтожили. Это-то мне и нравилось». – «Чистейшая поэтическая фантазия! Бедный Пушкин в гробу бы перевернулся! “Делибаш уже на пике” значит – знамя уже на пике, а казак в эту минуту знаменосцем обезглавлен». – «Ну так мне что-то обидно: почему казак обезглавлен, а черкес жив? И как *знамя* может быть на *пике*?? Мне по-мбему больше нравилось». – «Уж это как вам угодно, а Пушкин так написал. Не будете же вы исправлять Пушкина, как большевики».

Так я и осталась в огорченном убеждении, что делибаш – знамя. А я всю ту молниеносную сцену взаимоуничтожения – выдумала, и вдруг – в 1936 г. – сейчас вот – глазами стихи перечла и – о радость!

Эй, казак, не рвися к бою!
Делибаш на всем скаку
Срежет саблей кривою
С плеч удалую башку!

Это *знамя-то* срежет саблю кривою казаку с плеч башку??

Так бедный семилетний варвар правильнее понял *умнейшего мужа России*, нежели в четырежды его старшие воспитанники Пражского университета.

Но сплошная загадка было стихотворение «Черногорцы? Что такое? – Бонапарте вопросил» – с двумя неизвестными, по одному на каждую строку: Черногорцами и Бонапарте, Черногорцами, усугубленно-неизвестными – своей неизвестностью второму неизвестному – Бонапарте.

– «А Бонапарте – что такое?» – нет, я этого у матери не спросила, слишком памятуя одну с ней нашу для меня злосчастную прогулку «на пеньки»: мою первую и единственную за все детство попытку вопроса: «Мама, что такое Наполеон?» – «Как? Ты не знаешь, что такое Наполеон?» – «Нет, мне никто не сказал». – «Да ведь это же – в воздухе носится!»

Никогда не забуду чувство своей глубочайшей безнадежнейшей опозоренности: я не знала того, что в воздухе носится! Причем «в воздухе носится» я, конечно, не поняла, а увидела: что-то, что называется Наполеоном и что в воздухе носится, что очень вскоре было подтверждено теми же хрестоматическим «Воздушным кораблем» и «Ночным смотром».

Черногорцев я себе, конечно, представляла совершенно черными: неграми – представляла, Пушкиным – представляла, и горы, на которых живет это племя злое, – совершенно черные: черные люди в черных горах: на каждом зубце горы – как дети рисуют – по крохотному злomu черному черногорчику (просто-чертику). А Бонапарте, наверное, красный. И страшный. И один на одной горе. (Что Бонапарте – тот же Наполеон, который в воздухе носится, я и не подозревала, потому что мать, потрясенная возможностью такого вопроса, ответить – забыла).

Не мать и никто другой. Мне на вопрос, что такое Наполеон, ответил сам Пушкин.

* * *

– Ася! Муся! А что я вам сейчас скажу-у-у! – это длинный, быстрый, с немножко-волчьей – быстрой и смущенной – улыбкой Андрюша, гремя всей лестницей, ворвался в детскую. – У мамы сейчас был доктор Ярхо – и сказал, что у нее чахотка – и теперь она умрет – и будет нам показываться вся в белом!

Ася заплакала, Андрюша запрыгал, я – я ничего не успела, потому что следом за Андрюшей уже входила мать.

– Дети! Сейчас у меня был доктор Ярхо, и сказал, что у меня чахотка, и мы все поедem к морю. Вы рады, что мы едем к морю?

– Нет! – уже всхлипывала Ася, – потому что Андрюша сказал, что ты умрешь и будешь нам показываться...

– Врет! врет! врет!

– ...вся в белом. Правда, Муся, он говорил?

– Правда, Муся, что я *не* говорил? Что это *она* сказала?

– Во всяком случае, кто бы ни сказал, – а сказал конечно ты, Андрюша, потому что Ася еще слишком мала для такой глупости, – сказал глупость. Так сразу умереть и показываться? Совсем я не умру, а, наоборот, мы все поедem к морю.

К *Морю*.

Все предшествовавшее лето 1902 г. я переписывала его из хрестоматии в самосшивную книжку. Зачем в книжку, раз есть в хрестоматии? Чтобы всегда носить с собой в кармане, чтобы с Морем гулять в Пачёво и на пеньки, чтобы *моё* было, чтобы я сама написала.

Все на воле: я одна сижу в нашей верхней балконной клетке и, обливаясь потом, – от июля, полдня, чердачного верха, а главное от позапрошлогоднего предсмертного дедушкиного карлсбадского добереженного до неносимости и невыносимости платья – обливаясь потом и разрываясь от восторга, а немножко и от всюду врезающегося пикея, переписываю черным

отвесным круглым, крупным и все же тесным почерком в самосшивную книжку – «К морю». Тетрадка для любви худа, да у меня их и нет: мать мне на писание бумаги не дает, дает на рисование. Книжка – десть писчей бумаги, сложенной ввосемь, где нужно разрезанной и прошитой посередине только раз, отчего книжка топырится, распадается, распирается, разрывается – вроде меня в моих пикеях и шевиотах – как я ни пытаюсь ее сдвинуть, все свободное от писания время сидя на ней всем весом и напором, а на ночь кладя на нее мой любимый булжик – с искрами. Не на нее, а на них, ибо за лето – которая?

Перепишу и вдруг увижу, что строки к концу немножко клонятся, либо переписывая пропущу слово, либо кляксу посажу, либо рукавом смажу конец страницы – и кончено: этой книжки я уже любить не буду, это не книжка, а самая обыкновенная детская мазня. Лист вырывается, но книга с вырванным листом – гадкая книга, берется новая (Асина или Андрюшина) десть – и терпеливо, неумело, огромной вышивальной иглой (другой у меня нет) шьется новая книжка, в которую с новым усердием: «Прощай, свободная стихия!»

Стихия, конечно, – стихи, и ни в одном другом стихотворении это так ясно не сказано. А почему прощай? Потому, что когда любишь, всегда прощаешься. Только и любишь, когда прощаешься. А «моей души предел желаний» – предел, это что-то твердое, каменное, очень прочное, наверное, его любимый камень, на котором он всегда сидел.

Но самое любимое слово и место стихотворения:

Вотще рвалась душа моя!

Вотще – это *туда*. Куда? Туда, куда и я. На тот берег Оки, куда я никак не могу попасть, потому что между нами Ока...

Ты ждал, ты звал. Я был окован.
Вотще рвалась душа моя!
Могучей страстью очарован
У берегов остался я.

Вотще – это туда, а могучей страстью – к морю, конечно. Получалось, что именно из-за такого желания *туда* Пушкин и остался у берегов.

Почему же он не поехал? Да потому что могучей страстью очарован, так хочет – что прирос! (В этом меня утверждал весь мой опыт с *моими* детскими желаниями, то есть полный физический столбняк). И, со всем весом судьбы и отказа:

У берегов остался я.

(Боже мой! Как человек теряет с обретением пола, когда *вотще, туда, то, там* начинает называться именем, из всей синева тоски и реки становится лицом, с носом, с глазами, а в моем детстве и с пенсне, и с усами... И как мы люто ошибаемся, называя это – *тем*, и как *не* ошибались – тогда!).

Но вот имя – без отчества, имя, к которому на могильной плите последние верные с непогрешимым чутьем малых сих отказались приставить фамилию (у этого человека было два имени, фамилии не было) – и плита осталась пустой.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон...

О, прочти я эти строки раньше, я бы не спросила: «Мама, что такое Наполеон?» Наполеон – тот, кто погиб среди мучений, тот, кого замучили. Разве мало – чтобы полюбить на всю жизнь?

...И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Вижу звездочку и внизу сноску: Байрон.

Но уже не вижу звездочки; вижу: над чем-то, что есть – море, с головой из лучей, с телом из тучи, мчится *гений*. Его зовут Байрон.

Это был апогей вдохновения. С «Прощай же, море...» начинались слезы. «Прощай же, море! Не забуду...» ведь он же это морю – обещает, как я – моей березе, моему орешнику, моей елке, когда уезжаю из Тарусы. А море, может быть, не верит и думает, что – забудет, тогда он опять обещает: «И долго, долго слышать буду – Твой гул в вечерние часы...» (Не забуду – буду —)

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

И вот – видение: Пушкин, переносающий, проносящий над головой все море, которое еще и внутри него (тобою полн), так что и внутри у него все голубое – точно он весь в огромном до неба хрустальном продольном яйце, которое еще и в нем (Моресвод). Как тот Пушкин на Тверском бульваре держит на себе все небо, так этот перенесет на себе – все море – в пустыню и там прольет его – и станет море.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Когда я говорила *волн*, слезы уже лились, каждый раз лились, и от этого тоже иногда приходилось начинать новую десть.

* * *

Об этой любви моей, именно из-за явности ее, никто не знал, и когда в ноябре 1902 г. мать, войдя в нашу детскую, сказала «к морю» – она не подозревала, что произносит магическое слово, что произносит *К Морю*, т. е. дает обещание, которого не может сдержать.

С этой минуты я ехала *К Морю*, весь этот предотъездный, уже внешкольный и бездельный, бесконечный месяц одиноко и непрерывно ехала *К Морю*.

По сей день слышу свое настойчивое и нудное, всем и каждому: – «Давай помечтаем!» Под бред, кашель и задыхание матери, под гулы и скрипы сотрясаемого отъездом дома – упорное – сомнамбулическое – и диктаторское и нищенское: – «Давай помечтаем!» Ибо прежде, чем поймешь, что *мечта* и *один* – одно, что мечта – уже вещественное доказательство одиночества, и источник его, и единственное за него возмещение, равно как одиночество – драконов

ее закон и единственное поле действия – пока с этим смиришься – жизнь должна пройти, а я была еще очень маленькая девочка.

– Ася, давай помечтаем! Давай немножко помечтаем! Совсем немножко помечтаем!

– Мы уже сегодня мечтали, и мне надоело. Я хочу рисовать.

– Ася! Я тебе дам то, Сергей Семеныча, яичко.

– Ты его треснула.

– Я его внутри треснула, а снаружи оно целое.

– Тогда давай. Только очень скоро давай – помечтаем, потому что я хочу рисовать.

Яичко давалось, но тут же и отбиралось, потому что у Аси кроме камешков и ракушек в резерве морской мечты не было ничего. Иногда я ее, за эти ракушки, била.

С Асей *К Морю* дробилось на гравий, со старшей сестрой Валерией, море знавшей по Крыму, превращалось в татарские туфли – и дачи – и глицинии – в скалу Деву и в скалу Монах, во все что угодно превращалось – кроме самого себя, и от моего моря после таких «давай помечтаем» не оставалось ничего, кроме моего тоскливого неузнавания.

Чего же я от них – Аси, Валерии, гувернантки Марии Генриховны, горничной Ариши, тоже ехавшей, – хотела?

Может быть – памятника Пушкина на Тверском бульваре, а под ними говора волн? Но нет – даже не этого. Ничего зрительного и предметного в моем *К морю* не было, были шумы – той розовой австралийской раковины прижатой к уху, и смутные видения – того Байрона и того Наполеона, которых я даже не знала лиц, и, главное, – звуки слов, и – самое главное – тоска: пушкинского призвания и прощания.

И если Ася, кем-то наученная, говорила «камешки, ракушки», если Валерия, крымским опытом наученная, называла глицинии и Симеиз, я, при всем своем желании, не могла сказать – назвать – ничего.

* * *

Но в самую последнюю минуту пришла подмога: первая и единственная морская достоверность: синяя открытка от Нади Иловайской из того самого *Nervi*, куда ехали – мы. Вся – синяя: таких сплошных синих мест и открыток я еще не видела и не знала, что они есть.

Черно-синие сосны – светло-синяя луна – черно-синие тучи – светло-синий столб от луны – и по бокам этого столба – такой уж черной синевы, что ничего не видно – море. Маленькое, огромное, совсем черное, совсем невидное – море. А с краю, на тучах, которыми другой от нас умчался гений, немножко задевая око луны – лиловым чернилом, кудрявыми, как собственные волосы, буквами: «Приезжайте скорее. Здесь чудесно».

Этой открыткой я завладела. Эту открытку я у Валерии сразу украла. Украла и зарыла на дне своей черной парты, немножко как девушки дитя любви бросают в колодец – со всей любовью! Эту открытку я, держа лбом крышку парты, постоянно молниеносно глядела, прямо жгла и жрала ее глазами. С этой открыткой я жила – как та же девушка с любимым – тайно, опасно, запретно, блаженно.

На дне черного гроба и грота парты у меня лежало сокровище. На дне черного гроба и грота парты у меня лежало – море. Мое море, совсем черное от черноты парты – и дела. Ибо украла я его – чтобы не видели другие, чтобы другие, видевшие – забыли. Чтобы я одна. Чтобы – мое.

Так с глубоко и жарко-розовой австралийской раковиной у уха, с сине-черной открыткой у глаз я коротала этот самый длинный, самый пустынный, самый полный месяц моей жизни, мой великий канун, за которым никогда не наступил – день.

* * *

– Ася! Муся! Смотрите! Море!

– Где? Где?

– Да – *вот!*

Вот – частый лысый лес, весь из палок и веревок, и где-то внизу плоская серая, белая вода, водица, которой так же мало, как той, на картине явления Христа народу.

Это – море? И переглянувшись с Асей, откровенно и презрительно фыркаем.

Но – мать объяснила, и мы поверили: это Генуэзский залив, а когда Генуэзский залив – всегда так. *То* море – завтра.

Но завтра и много, много завтра опять не оказалось моря, оказался отвес генуэзской гостиницы в ущелье узкой улицы, с такой тесноты домами, что море, если и было бы – отступило бы. Прогулки с отцом в порт были не в счет. На то «море» я и не глядела, я ведь знала, что это – залив.

Словом, я все еще *К Морю* ехала, и чем ближе подъезжала – тем меньше в него верила, а в последний свой генуэзский день и совсем изверилась и даже мало обрадовалась, когда отец, повеселев от чуть подавшейся ртути в градуснике матери, нам – утром: – «Ну, дети! Нынче вечером увидите море!» Но море – все отступало, ибо, когда мы, наконец, после всех этих гостиниц, перронов, вагонов, Модан и Викторов-Эммануилов «нынче вечером» со всеми нашими сундуками и тюками ввалились в нервийский «Pension Russe»⁵⁴ – была ночь, и страшным глазом горел и мигал никогда не виданный газ, и мать опять горела как в огне, и я бы лучше умерла, чем осмелилась попроситься «к морю».

Но будь моя мать совсем здорова и так же проста со мной, как другие матери с другими девочками, я бы все равно к нему не попросилась.

Море было здесь, и я была здесь, и между нами – ночь, вся чернота ночи и чужой комнаты, и эта чернота неизбежно пройдет – и будут наши оба *здесь*.

Море было здесь, и я была здесь, и между нами – все блаженство оттяжки.

О, как я в эту ночь к морю – ехала! (К кому потом так – когда?) Но не только я к нему, и оно ко мне в эту ночь – через всю черноту ночи – ехало: ко мне одной – всем собой.

Море было здесь, и завтра я его увижу. *Здесь и завтра*. Такой полноты владения и такого покоя владения я уже не ощутила никогда. Это море было в мою меру.

Море здесь, но я не знаю – где, а так как я его не вижу – то оно совсем везде, нет места, где его нет, я просто в нем, как та открытка в черном гробу парты.

Это был самый великий канун моей жизни.

Море – здесь, и его – нет.

* * *

Утром, по дороге к морю, Валерия:

– Чувствуешь, как пахнет? Отсюда – пахнет!

Еще бы не чувствовать! Отсюда пахнет и повсюду пахнет, но... в том-то и дело, что *не* узнаю: свободная стихия так *не* пахла, и синяя открытка так *не* пахла.

Настораживаюсь.

⁵⁴ «Русский пансион» (*фр.*).

* * *

Море. Гляжу во все глаза. (Так я, восемнадцать лет спустя, во все глаза впервые глядела на Блока).

Черная приземистая скала с высоким торчком железной палки. – Эта скала называется Лягушка, торопливо знакомит рыжий хозяйский сын Володя. – Это – *наша* Лягушка.

От меня до Лягушки – немножко: немножко очень чистой, очень светлой воды: на дне камешки и стеклышки (Асины).

– А это – грот, – поясняет Володя, глядя себе под ноги, – тоже наш грот, здесь все наше, – хочешь, полезем! Только ты провалишься!

Лезу и проваливаюсь, в своих тяжелых русских башмаках, в тяжелом буром, вроде как войлочном, платье сразу падаю в воду (в воду, а не в море), а рыжий Володя меня вытаскивает и выливает воду из башмаков, а потом я рядом с башмаками сижу и в платье сохну – чтобы мать не узнала.

Ася с Володей, сухие и уже презрительные, лезут на «пластину», гладкую шиферную стену скалы, и оттуда из-под сосен швыряют осколки и шишки.

Я сохну и смотрю: теперь я вижу, что за скалой Лягушка – еще вода, много, чем дальше – тем бледней, и что кончается она белой блестящей линейной чертою – того же серебра, что все эти точки на маленьких волнах. Я вся соленая – и башмаки соленые.

Море голубое – и соленое.

И, внезапно повернувшись к нему спиной, пишу обломком скалы на скале:

Прощай, свободная стихия!

Стихи длинные, и начала я высоко, сколько руки достало, но стихи, по опыту знаю, такие длинные, что никакой скалы не хватит, а другой, такой же гладкой, рядом – нет, и все же мельчу и мельчу буквы, тесню и тесню строки, и последние уже бисер, и я знаю, что сейчас придет волна и не даст дописать, и тогда желание не сбудется – какое желание? – ах, *К Морю!* – но значит уже никакого желания нет? но все равно – даже и без желания! я должна дописать *до* волны, *все* дописать *до* волны, а волна уже идет, и я как раз еще успеваю подписаться:

Александр Сергеевич Пушкин —

и все смыто, как языком слизано, и опять вся мокрая, и опять гладкий шифер, сейчас уже черный, как *тот* гранит...

* * *

Моря я с той первой встречи никогда не полюбила, я постепенно, как все, научилась им пользоваться и играть в него: собирать камешки и в нем плескаться – точь-в-точь как юноша, мечтающий о большой любви, постепенно научается пользоваться случаем.

Теперь, тридцать с лишним лет спустя, вижу: мое *К Морю* было – пушкинская грудь, что ехала я в пушкинскую грудь, с Наполеоном, с Байроном, с шумом, и плеском, и говором волн *его души*, и естественно, что я в Средиземном море со скалой Лягушкой, а потом и в Черном, а потом в Атлантическом, этой груди – не узнала.

В пушкинскую грудь – в ту синюю открытку, всю синеву мира и моря вобравшую.

(А вернее всего – в ту раковину, шумевшую моим собственным слухом.)

К Морю было: море+любовь к нему Пушкина, море+поэт, нет! – поэт+море, две стихии, о которых так незабвенно – Борис Пастернак:

Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха, –

опустив или подразумев третью и единственную: лирическую. Но *К Морю* было еще и любовь *моря* к Пушкину: море – друг, море – зовущее и ждущее, море, которое боится, что Пушкин – забудет, и которому, как живому, Пушкин обещает, и вновь обещает. Море – взаимное, тот единственный случай взаимности – до краев и через морской край наполненной, а не пустой, как счастливая любовь.

Такое море – мое море – море моего и пушкинского *К Морю* могло быть только на листке бумаги – и внутри.

И еще одно: пушкинское море было – море прощания. Так – с морями и людьми – не встречаются. Так – прощаются. Как же я могла, с морем впервые здороваясь, ощутить от него то, что ощущал Пушкин – навсегда с ним прощаясь. Ибо стоял над ним Пушкин тогда в последний раз.

Мое море – пушкинской свободной стихии – было море последнего раза, последнего глаза.

Оттого ли, что я маленьким ребенком столько раз своею рукой писала: «Прощай, свободная стихия!» – или без всякого оттого – я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть.

И, в совсем уже ином смысле, моя встреча с морем именно оказалась прощанием с ним, двойным прощанием – с морем свободной стихии, которого передо мной не было и которое я, только повернувшись к настоящему морю спиной, восстановила – белым по серому – шифером по шиферу – и прощанием с тем настоящим морем, которое передо мной было и которое я, из-за того первого, уже не могла полюбить.

И – больше скажу: безграмотность моего младенческого отождествления стихии со стихами оказалась – прозрением: «свободная стихия» оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда.

1937

Хлыстовки

Существовали они только во множественном числе, потому что никогда не ходили по одной, а всегда по две, даже с одним решетом ягод приходили по две, помоложе с постарше, – чуть-помоложе с чуть-постарше, ибо были они все какого-то собирательного возраста, – возраста собственного числа – между тридцатью и сорока, и все на одно лицо, загарное, янтарное, и из-под одинакового платочного – белого, и бровного черного края ожигало вас одинаковое, собирательное, око, тупилось в землю крупное коричневое веко с целой метелкой ресниц. И имя у них было одно, собирательное, и даже не имя, а отчество: Кирилловны, а за глаза – хлыстовки.

Почему Кирилловны? Когда никакого Кирилла и в помине не было. И кто был тот Кирилл, действительно ли им отец, и почему у него было сразу столько – тридцать? сорок? больше? – дочерей и ни одного сына? Потому что тот рыжий Христос, явно не был его сын, раз Кирилловнам – не брат. Теперь бы я сказала: этот многодочерний Кирилл существовал только как дочернее отчество. Тогда же я над этим не задумывалась, как не задумывалась над тем, почему *пароход* – «Екатерина». Екатерина – и всё тут. Кирилловны – и всё тут.

Острое ж звучание «хлыстовки», могшее бы поразить несоответствием с их степенностью и пристойностью, мною объяснялось ивами, под которыми и за которыми они жили – как стая белоголовых птиц, белоголовых из-за платков, птиц – из-за вечной присказки няни, ведущей мимо: «А вот и ихнее гнездо хлыстовское», – без осуждения, а так, простая отмета очередного с дачи Песочной в Тарусу этапа: «Вот и часовню миновали... Вот и колода видна: полдороги... А вот и ихнее...»

Ихнее гнездо хлыстовское было, собственно, входом в город Тарусу. Последний – после скольких? – спуск, полная, после столького света, тьма (сразу полная, тут же зеленая), внезапная, после той жары, свежесть, после сухости – сырость, и, по раздвоенному, глубоко вросшему в землю, точно из нее растущему бревну, через холодный черный громкий и быстрый ручей, за первым по левую руку ивовым плетнем, невидимое за ивами и бузиною – «ихнее гнездо хлыстовское». Именно гнездо, а не дом, потому что дом за всеми этими зарослями был совершенно невидим, а если и приоткрывалась изредка калитка, глаз, потрясенный всей той красотой и краснотой, особенно смородиновой, того сереющего где-то навеса и не отмечал, не включал его, как собственного надбровного. О доме Кирилловн никогда не было речи, только о саде. Сад съедал дом. Если бы меня тогда спросили, что хлыстовки делают, я бы, не задумываясь: «Гуляют в саду и едят ягоды».

Но еще о входе. Это был вход в другое царство, этот вход сам был другое царство, затянувшееся на всю улицу, если ее так можно назвать, но назвать так нельзя, потому что слева, кроме нескончаемого их плетня, не было ничего, а справа – лопух, пески, та самая «Екатерина»... Это был не вход, а переход: от нас (одинокое дома в одинокой природе) – туда (к людям, – на почту, на ярмарку, на пристань, в лавку Наткина, позже – на городской бульвар), – средостояние, междуцарствие, промежуточная зона. И, вдруг, озарение: а ведь не вход, не переход – *выход!* (Ведь первый дом – всегда последний дом!) И не только из города Тарусы выход, – из всех городов! Из всех Тарус, стен, уз, из собственного имени, из собственной кожи – выход! Из всякой плоти – в простор.

Из всей Тарусы, верней, из всех «гостей», то есть сластей, чужих детей... я больше всего любила эту секунду спуска, входа, нисхождения – в зеленую, холодную, ручьевую тьму, минувения – серого нескончаемого ивово-бузинного плетня, за которым – так это у меня и осталось – все ягоды зреют сразу, клубника, например, вместе с рябиной, за которым всегда лето, все лето сразу, со всем, что в нем красного и сладкого, где стоит только войти (но мы никогда не входили!), все тебе в руку сразу: и клубника, и вишни, и смородина, и, особенно, бузина!

Вот яблок не помню. Помню только ягоды. Да яблок, как ни странно в таком городе, как Таруса, где их в урожайный год – а каждый был урожайным! – на базар выносили бельевыми корзинами и их уж и свиньи не ели, – яблок у Кирилловн не было, потому что приходили они за ними к нам, в наш «старый сад», то есть нами состаренный и запущенный, с одичавшими ценнейшими сортами, полусъедобными, шедшими только на сушку. Но не они приходили за яблоками, не те, степенные, долуokie, а *оне*, то есть ихняя Богородица с Христом, рыжим, худым, с раздвоенной бородой и глазами – теперь бы сказала: очень рвано одетым и босым, их Христос – с ихней Богородицей, старой, уже не янтарной, а кожевеной, кожаной, и хотя и не рваной, но все-таки страшноватой. Отношение у родителей к этим набегам было... судьбинное. «Опять Христос приходил за яблоками...» или «Опять Богородица с Христом *возле* ходят...» Те не спрашивали, *эти* не запрещали. Богородица с Христом были вроде домашнего бедствия, положенной напасти, рока, унаследованного вместе с домом, потому что Кирилловны в Тарусе были раньше нас, раньше всех, может быть, даже раньше самих татар, ржавые ядра которых (?) мы находили в ручье. Это был не набег, а побор. Нужно, однако, прибавить, что, когда мы, дети, их за этим делом заставляли, они, особенно Христос, все-таки сторонились, хоронились, уединялись за другую яблоню, где Богородица уже торопливо донабивала большой холщовый мешок. Не говорили они в такие минуты друг с другом ничего, да и нам бы в голову не пришло голосом подтвердить свое присутствие, мы как-то молчаливо условились, что они – не делают, а мы – не видим, что кого-то, либо их, либо нас, а может быть, и тех, и других – нет, что это все – так себе...

– Папа! Христа видели!

– Опять приходил?

– Да.

– Ну, и Христос с ним!

Про унесенные яблоки родители не спрашивали, а мы не сообщали. Иногда мы рыжего Христа заставляли тут же спящим в стогу сена. Старая Богородица сидела рядом и обвевала его от мух. Тогда мы, не сказав ни слова, на цыпочках, высоко подняв брови и глазами указывая друг другу на «находку», уходили, отходили к нашей «яме», где сидели, болтая ногами, косясь на всё-спящего и всё отгоняющую. Иногда няня не нам, а при нас говорила – бонне, что Христос этот горький пьяница и что опять его подобрали в канаве, но так как мы сами сидели в канаве, нас это не изумляло, слово же *горький* для нас объясняло пьяницу, вызывая во рту живую полынь (мы постоянно ели всё), после которой можно выпить целое ведро.

Иногда Христос пел, а Богородица подпевала, и нас совершенно не удивляло, что поет она больше мужским, а он – скорее женским, тонким, и не удивляло, во-первых, потому, что цветаевских детей ничто не удивляло, во-вторых же, потому, что она была темная и крепкая, а он – светлый и слабый, и получалось, что каждый поет именно своим голосом, себе в масть и в мощь, – как комар, например, и шмель. И шла в нашу зеленую канаву из яблонной зеленой дичи песня про какие-то сады зеленые... Мы даже никогда не задумывались (и сейчас не знаю), были ли они мать и сын, так же, как никогда не спросили не только родителей, но даже няни, которой не боялись, почему *Богородица* и *Христос*, и не потому, что мы верили, что это – те, с иконы (те – на иконе, а кроме того, все-таки – яблоки...) – не *те*, но и не *не-те*. Может быть, и сами имена внушали трепет – не может же каждый называться Богородицей и Христом! – и устанавливали какую-то их несомненность и неподсудность. Наше тогдашнее чувство рассуждало приблизительно так: «Раз они воруют яблоки, то не совсем Христос и Богородица, но так как они все-таки Христос и Богородица, значит, не совсем воруют». Да и не воровали – брали, а скрывались, теперь вижу, не от нас (дети сами – нищие и воры), а от глаз. Так звери, так дети (и не только дети и звери, прошу верить!) не выносят, когда на них смотрят. Словом, для нас эта бродячая пара была не просто – люди, а если не настоящие *те*, то все-таки как-то – *тоже*. Жили (то есть ходили, про жизнь ничего не знаю) Христос и Богородица от других отдельно, и

всегда вместе, никогда порознь, и я часто думала, на них глядя: «Так, должно быть, *та* Богородица ходила за тем Христом», – потому что она именно за ним ходила, именно по пятам, ровно настолько отставая, чтобы не наступить ему на пята (босую). Ходила, и телом, будто поддерживала, – он весь был расслабленный, весь расстроенный, точно шел не туда, куда сам хочет, а куда нога хочет, да и нога-то не твердо знала, куда: то в колею, то о камень, то на кочку, а то вовсе без всякого смысла – вкось. Так их встречали и на базаре, и по дорогам, и в лопушиных полях, на Оке... Но – как те, сестры, за яблоками никогда не приходили, так эти, мать и сын, ягод никогда не приносили, даже и подумать бы дико, что вдруг Христос – викторию принес! И, поскольку низко кланялись при встрече Кирилловны, постольку никогда не кланялась Богородица, про Христа и говорить нечего – не только взглядом, всем телом мимо глядел!

– Барыня! Кирилны викторию принесли... Брать прикажете?

Стоим в сенях, мать спереди, мы, по трусости, чтобы не выказать внезапной на лице жадности (бессознательное матерью преследовалось больше всего!) – за ней, чуть-чуть из-за ее бока вытягивая шею. Оторвешься, наконец, от клубничной россыпи и вдруг встретишься с только *чуть* поднятым от земли (мы были такие маленькие!) хлыстовкиным взглядом, с понимающей ее усмешкой. И пока пересыпают из решета в миску ягоды, Кирилловна (которая? всё одна! одна во всех тридцати лицах, под всеми тридцатью платками!), не отпуская все еще потупленными глазами уходящую спину матери, спокойно и неторопливо – в ближайший, смелейший, жаднейший рот (чаще – мой!) ягоду за ягодой, как в прорву. Откуда она знала, что мать не позволяет есть – так, до обеда, по многу сразу, вообще – жадничать? Оттуда же, откуда и мы, – мать нам словами никогда ничего не запрещала. Глазами – всё.

Кирилловны, удостоверяю это с усладой, меня любили больше всех, может быть, именно за эту мою жадность, цветущность, крепость, – Андрюша был высок и худ, Ася мала и худая, – за то, что такую вот дочку они бы, бездетные, хотели, одну – на всех!

«А меня хлыстовки больше любят! – с этой мыслью я, обиженная, засыпала. – Асю больше любят мама, Августа Ивановна, няня (папа по доброте «больше любил» – всех), а меня зато – бабушка и хлыстовки!» Поблагодарил бы меня чинный остзейский выходец за такое объединение!

Есть у меня из всех видений райского сада Тарусы одно самое райское, потому что – единственное. Хлыстовки нас всем семейством пригласили на сенокос, и, о удивление, изумление (мать не выносила семейных прогулок, вообще ничего – скопом, особенно же своих детей – на людях), о, полное потрясение, нас – взяли. Настоял, конечно, отец.

– *Эту* будет тошнить, – возражала поверх моей заранее виноватой головы мать, – непременно растрясет на лошадях и будет тошнить. Ее всегда тошнит, везде тошнит, совершенно не понимаю, в кого она. Папашу (так она звала того «бабушку») не тошнит, меня не тошнит, тебя не тошнит, наконец ни Лёру, ни Андрюшу, ни Асю не тошнит, а ее от одного вида колес уже тошнит.

– Ну, стошнит... – кротко соглашается отец, – стошнит, и вся беда... (И, явно уже думая о другом:) стошнит – и чудесно. (И, спохватываясь:) А может быть, и нет – на свежем воздухе...

– При чем тут свежий воздух? – горячится мать, заранее оскорбленная дорожным зрелищем. – Что вагон – что воз – что лодка – что ладно, на рессорах, и без рессор, на пароме, на ascenseur'⁵⁵ – всегда тошнит, везде тошнит, а еще *морской* назвали!

– Меня пешком не тошнит, – робко-запальчиво вставляю я, расхрабрившись от присутствия отца.

– Посадим лицом к лошадям, возьмем мятных лепешек, – уговаривает отец, – платье, наконец, на смену...

⁵⁵ Лифте (фр.).

– Только я с ней рядом сидеть не хочу! Ни рядом, ни напротив! – раздражается Андрюша, давно уже мрачневший лицом. – Каждый раз меня с ней сажают, как тогда в вагоне, помнишь, мама, когда...

– Возьмем одеколону, – продолжает отец, – а рядом сяду – я. (Ты только, пожалуйста, не удерживайся, – конфиденциально, мне, – замутит – скажи, остановим лошадей, и слезешь, продышишься. Не на пожар ведь... А действительно странно: отчего тебя всегда тошнит? – И, примирительно: – Природа, природа, ничего с ней не поделаешь. Даже так можешь: «Папа, мне хочется сорвать во-он тот мак!» Соскочишь побыстрее и побежишь подальше – чтобы не расстраивать маму!)

Словом, поехали – и с тем самым моим маком в руке – доехали – до хлыстовского сенокоса, далеко за Тарусой, в каких-то их разливанных лугах.

– Ай Марина-малина, чего ж ты такая зеленая? Рано встала, голубка? Не проспалась, красавица? – Кирилловны – окружая, оплетая, увлекая, передавая из рук в руки, точно вовлекая меня в какой-то хорост, все сразу и разом завладевая мной, словно каким-то своим общим хлыстовским сокровищем. Своих – ни папы, ни мамы, ни бонны, ни няни, ни Лёры, ни Андрюши, ни Аси, я в том раю не помню. Я была – их. С ними гребла и растрясала, среди них, движущихся, отлеживалась, с ними ныряла и вновь возникала, как та жучка в бессмертных стихах («впопыхах!»), с ними ходила на ключ, с ними разводила костер, с ними пила чай из огромной цветной чашки, как они, отгрызая сахар, с ними бы...

«Маринушка, красавица, оставайся с нами, будешь наша дочка, в саду с нами жить будешь, песни наши будешь петь...» – «Мама не позволит». – «А ты бы осталась?» Молчу. «Ну, конечно бы не осталась – мамашу жалко. Она тебя небось во-он как любит?» Молчу. «Небось, и за деньги не отдаст?» – «А мы мамашу и не спросим, сами увезем! – какая-то помоложе. – Увезем и запрем у себя в саду и никого пускать не будем. Так и будет она жить с нами за плетнем. (Во мне начинает загораться дикая жгучая несбыточная безнадежная надежда: а вдруг?) Вишни с нами будешь брать, Машей тебя будем звать...» – та же, певуче. «Не бойся, голубка, – постарше, приняв мой восторг за испуг, – никто тебя не возьмет, а приедешь ты к нам в гости в Тарусу с папашей и с мамашей, али с нянькой – небось каждый воскресный день мимо ходите, все на вас смотрим, вы-то нас не видите, а мы-то все-о видим, всех... В белом платье приедешь пикеевом, нарядная, в башмачках на пуговках...» – «А мы тебя оденем в на-аше! – подхватывает та певучая неугомонная, – в черную ря-ску, в белый платочек, и волоса твои отрас-тим, коса будет...» – «Да что ты ее, сестрица, страшишь! Еще впрямь поверит! Каждому своя судьба. Она и так наша будет, – гостя наша мечтáнная, дочка мысленная...»

И, обняв, прижав, подняв, поддав – ух! на воз, на гору, в море, под небо, откуда все сразу видно: и папа в чесучовом пиджаке, и мама в красном платочке, и Августа Ивановна в тирольском, и желтый костер, и самые далекие зализы песка на Оке...

Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника.

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень:

Здесь хотела бы лежать
МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Париж, май 1934

Дом у Старого Пимена

Верс Муромцевой, одних со мной корней.

I

Дедушка Иловайский

Не собирательный дедушка, как «дедушка Крылов» или «дедушка Андерсен», а самый достоверный, только не родной, а сводный.

«Мама, почему у Андрюши два дедушки, а у нас только один?» Помню вопрос, ответа не помню, да его, наверное, и не было, ибо не могла же мать ответить правду, а именно: «Потому что мой отец, ваш дедушка, Александр Данилович Мейн, как человек великодушный и справедливый, не может не любить, по крайней мере, не одаривать и не ласкать, чужого внука наравне с родными внуками, а Андрюшин дедушка, как человек черствый и очень уж старый, насилу и единственного своего внука может любить». Так и оказалось у Андрюши «два дедушки», а у нас с Асей – один.

Наш дедушка лучше. Наш привозит бананы – и всем. Дедушка Иловайский – только золотые – и только Андрюше – прямо в руку – даже как-то мимо руки – ничего не говоря и даже не глядя – и только в день рождения или на Рождество. Мама эти золотые у Андрюши сразу отбирает. «Августа Ивановна, вымойте Андрюше руки!» – «Но монет софсем нофенький!» – «Нет чистых денег». (Так это у нас, детей, и осталось: деньги – грязь.) Так что дедушкин подарок Андрюше не только не радость, а даже гадость: лишний раз мыть руки с без того уже *замывшей* немкой. Золотой же проваливается в отдельную «Иловайскую» копилку, и никто о нем не вспоминает до очередного золотого. (В один прекрасный день вся копилка со всеми – за десять лет – иловайскими золотыми исчезла, и если кто-нибудь о ней жалел – то не Андрюша. Золото для нас сизмалу было не только грязь, но пустой звук.)

Наш дедушка заезжает за нами на своих лошадях и увозит в Петровское-Разумовское, Андрюшин дедушка никого не увозит, потому что сам никогда не ездит, а всегда ходит пешком. Оттого он и дожил до такой старости, говорят старшие. Наш дедушка привозит нам из-за границы заводные игрушки, например, Андрюше в последний раз из Карлсбада игрушечного мальчика, который лезет по стене. При дедушке же Иловайском и сам живой мальчик Андрюша пошевелиться не может, точно сразу сломался завод. После каждого его посещения наш старый трехпрудный дом всеми своими ходами и переходами шипит и шепчет: «Мильонщик» (няня) – «Millionär» (балтийка-бонна), вместе же: «Шушушу – Androuscha – Андрюшечка – *reicher Erbe*⁵⁶ – наследник...» Эти слова для нас, семилетнего, четырехлетней и двухлетней, не имеют никакого смысла и остаются чистой магией, как сам дедушка Иловайский на венском стуле, посреди залы, чаще даже не сняв своей большой, до полу, шубы – холод трехпрудного низа он знал, ибо это был *его* дом, им данный в приданое дочери Варваре Димитриевне, когда выходила замуж за моего отца. Дальше залы дедушка Иловайский никогда не шел и на круглом зеленом зальном диване никогда не сидел, всегда на голом стуле посреди голого паркета, точно на острове. Тыча в воздух на подошедшую и приседающую девочку: «Это кто же – Марина или Ася?» – «Ася». – «А-а-а». Ни одобрения, ни удивления, ни даже осознания. Ничего. Но зато и мы от него ничего не чувствовали – даже страха. Мы *знали*, что он нас не видит. Двухлетняя, четырехлетняя и семилетний знали, что нас для него *нет*. И рассматривали его совершенно так же свободно и спокойно, как памятник Пушкина на Тверском бульваре.

⁵⁶ Богатый наследник (нем.).

Единственное его на нас действие, – как, впрочем, всякого памятника – в комнате, был некий постепенный безболезненный, глубокий столбняк, отпускаявший нас только со скрипом парадного. Если бы дедушка Иловайский никогда не ушел – мы бы никогда не двинулись.

Весной на сцену нашего зеленого тополиного трехпрудного двора выкатывались кованые Иловайские сундуки, приданое умершей Андрюшиной матери, красавицы Варвары Дмитриевны, первой любви, вечной любви, вечной тоски моего отца.

Красный туфелек (так мы говорили в детстве), с каблуком высотой в длину ступни («Ну уж и ножки их были крошки!» – ахает горничная Маша), – скат черного кружева – белая шаль, бахромой метущая землю – красный коралловый гребень. Таких вещей мы у *нашей* матери, Марии Александровны Мейн, не видали никогда. Еще кораллы: в семь рядов ожерелье. (Мать – двухлетней Асе: «Скажи, Ася, коралловое ожерелье!») Хорошо бы потрогать руками. Но трогать – нельзя. А эти красные груши – в уши. А это, с красным огнем и даже вином внутри – гранаты. («Скажи, Ася, гранатовый браслет». – «Браслет».) А вот брошка коралловая – роза. Кораллы – Neapel, гранаты – Bohemen. Гранаты – едят. А это – странное слово – блонды. От какой-то прабабки – мамаки – румынки. Никакого смысла, чистейшая магия. («Говорят, актрисы были, на театре пели... – шепчет Маша нашей балтийке-бонне. – Говорят, наш барин очень без них тосковали». – «Думхейтен⁵⁷, – басом отрезает балтийка, блюдущая честь дома, – просто богатая дочь богатый отец. А пела, как птиц, для свое удовольствие».) Жаркий, жгучего бархата, костюм мальчика. Мальчик, которого так одевают, называется паж. (И черный шнурок с змеиной головой, которым подбирают юбку, – паж.) А этот длинный нож называется шпага. Фаи, муары, фермуары. Ларчики, футлярчики... То, как все это пахнет, – пачули. Андрюша, убедившийся, что второго ножа не будет, носится вокруг на «штекенпферде»⁵⁸. Я, робко, матери: «Мама, как... красиво!» – «Не нахожу. А беречь нужно, потому что это Лёрино приданое». – «А какой снег серебряный!» – «Это нафталин. Чтобы не съела моль». Нафталин, моль, приданое, пачули – никакого смысла, чистейшая магия.

Позже на нашем зеленом тополином дворе появился остов велосипеда. Говорю – остов, потому что, подрастая, сразу опознала его в первом же из тех животных, непомерно высоких, с непомерно высокими шеями и далекими от земли ногами, существующих только в виде остова, да и то – на картинках (как и такие велосипеды). «Доисторический велосипед историка!» – хохочет и даже грохочет свободомыслящий студент Гуляев, готовящий Андрюшу в приготовительный класс Седьмой гимназии, а сестру Лёру, под шумок, себе в невесты. Это была первая модель велосипеда, подаренная, вернее оставленная (проще – отставленная!) нещедрым дедом доросшему до науки внуку. Себе же дедушка купил новый. Самое трудное и даже несбыточное для девятилетнего мальчика было на этот велосипед – сесть. Второе – на нем поехать: нога на аршин не доставала до педали. Единственное доступное было на нем сидеть, ибо скелет был трехколесный, непреложно-устойчивый и усидчивый. Велосипед с Андрюшей возил по двору дворник Матвей. Нас с Асей на заветное иловайское сидение не пускали никогда. Но мы и не мечтали. Все иловайское в нашем доме, от бирюлек институтки Валерии до Андрюшиного ихтиозавра, для нас, только-Цветаевых, было табу. Это был дом молчаливых запретов и заветов. Позже в нашем доме появилось *такое же* ружье. И *такая же* подзорная труба. Можно сказать, что дед из своих вещей вырастал, как ребенок из обуви, только в обратной пропорции: большее сменяя на меньшее. Впрочем – велосипед, ружье, труба оказались его единственным наследством внуку. Остальное (миллионы – в кавычках или без кавычек) унаследовала Революция.

Иловайский жил на Малой Димитровке, в переулке у Старого Пимена. В доме Иловайских мы с Асей никогда не были, только о нем слышали. Отец – матери: «Ты уже целый месяц

⁵⁷ Глупости (нем.).

⁵⁸ Деревянной лошадке на палочке (нем.).

не была, пятая пятница, пойми же: обида! – пересиль себя, голубка, – нужно...» – «Значит, опять засесть в угловой и целый вечер проиграть в винт!» А в винт играют – так: стоит посреди комнаты стол на винту, вокруг сидят гости и вертят, кто перевертел – выиграл. Это еще называется «вертеть столы», и этим-то и занимаются институтка Лёра с молодыми Иловайскими, запершись от нас на ключ. Скучная игра и даже страшная, потому что, по словам матери, до полуночи ни с места встать, ни перестать нельзя: в дверях угловой дедушка Иловайский, который не пускает. Позже, когда я поняла, что винт – карты, помню такое слово матери: «Wenn die Menschen keine Gedanken zum Austausch haben, tauschen sie Karten aus»⁵⁹, а еще позже *узнала* эти слова у Шопенгауэра. «Что делать, голубка, людей не переделаешь, а обижать не надо...» – вздыхал отец, сам глубоко равнодушный ко всякому столу, кроме письменного.

Андрюша у Иловайских бывать не любит. Сверстников у него там нет, и он сразу попадает в когти второй жены дедушки, Александры Александровны, которую так и зовет по имени-отчеству. А.А. (рожденная Коврайская) на тридцать лет моложе деда и, как взрослые говорят, до сих пор красавица, а по-нашему – наоборот, потому что лицо у нее злое, нос с какими-то зашипытыми ноздрями и такой же, сквозь зашипытые ноздри, голос. А «родинки» – родинки просто пятна, точно шоколад ела и над губой не вытерла. Ходит она всегда в «курицыном», то есть в черную с белым, коричневую с белым, серую с белым, мелкую клеточку, от которой, если долго смотреть, в глазах рябит, а смотреть приходится долго, тупя глаза под ее – обратным *его* голубому невидящему – всевидящим черным глазом в ее же рябой подол. Вся стянутая, подтянутая, как взрослые говорят: «tirée a quatre épingles»⁶⁰, и все время «пускает шпильки», которые, в соединении с «quatre épingles», превращают ее для нас в какую-то подушку для иголок.

Но дети у А.А. – чуждые. Их трое: кареокая Надя, черноокий Сережа и очень хорошенькая, толстая Оля с глазами, которые у нас в доме зовутся «незабудки».

Димитрий Иванович Иловайский был женат два раза. Первая жена и все трое детей от первого брака умерли. Помню в семейном альбоме чудесные лица этих мальчиков. (Красота в этой семье цвела!) Последней из первой семьи умерла уже упомянутая красавица В.Д. Но смерть не остановилась. В 1904 году и красавица Надя и красавец Сережа (двадцать два года, двадцать лет) один за другим протянулись на столе у Старого Пимена. Последняя же дочь, Оля, для Иловайского – хуже, чем умерла: бежала к человеку еврейского происхождения в Сибирь, где с ним и обвенчалась.

1906 год. Мы с Асей, после долгой заграницы, потеряв мать, отвыкшие и выросшие, вернулись в наш трехпрудный дом. Большая зала, в которой за наше отсутствие прибавился только цветной поясной портрет Андрюшиной матери (портрет – роковой в жизни *нашей*), посреди залы венский стул, на голом стуле, под карим прекрасным взглядом покойницы, в волнах своей черной шубы, посреди голого пола, как посреди голого поля, – дедушка Иловайский. Вытянутый перст, оловянный невидящий взгляд: «Это которая же: Ася, или?...» – «Марина». – «А-а-а...» И не узнавал он нас не потому, что он нас столько-то лет не видел, а потому, что он нас вообще никогда ни разу не увидел, то есть лица с именем не связал, а не связал потому, что ему было все равно. Вопрос же об имени (которая – кто) был чистейшей функцией историка: *mettre les noms sur les figures*⁶¹ – тут же забываемые – по неисторичности. До «исторических же дат» – то есть наших с Асей возрастов, у Иловайского никогда не дошло. Пять лет, пятнадцать ли лет стоящей перед ним Марине – какое ему дело, когда она не Мнишек, а самому восемьдесят с лишком – зим!

⁵⁹ Когда людям нечего сказать друг другу, они играют в карты (*нем.*).

⁶⁰ Букв.: натянута на четырех булавах (*фр.*).

⁶¹ Называть вещи своими именами (*фр.*).

– Странный у деда дом, – рассказывает брат Андрей, живший все эти годы у Иловайских, – топят снизу и всегда ночью, босиком – ступить невозможно, танцуешь, как в аду! А сам дед спит на чердаке, в самый мороз с открытой форткой, – и Надю с Сережей заставлял, может быть, оттого они и умерли. И ничего не ест, за целый день три черносливины и две миски толокна. И всю ночь не спит – и ей не дает – либо пишет, либо ходит, как раз над моей головой – все взад и вперед, взад и вперед. Перестал – значит, пишет. Я в гимназию – он спать, прихожу завтракать – уж опять пишет. И чего это он все пишет? Доведу, говорит, до последних дней. До каких это последних, когда *сегодня*, например, уж, кажется, *последний*? а завтра – опять последний!.. Так ведь никогда-не-кончить можно... А – здоров!!! До сих пор верхом ездит, а как в рог трубит – уши лопаются! Сам не спит, а других укладывает. Пока еще Надя с Сережей живы были, придет молодежь, гадают или играют во что-нибудь – ровно в десять часов, в самый бой, на пороге – дед в халате. Подойдет и дунет на свечу, потом на другую, так на все подряд, пока не останется одна. Эту – оставит. И уйдет, ни слова не сказав. Значит, гостям домой пора. Ну, а гости пошумят, пошумят в передней калошами, чтоб знал, что ушли, а когда уйдет к себе на чердак – опять возвращаются, и уж тогда пир горой, только потихонечку...

Один вопрос нам с Асей, впрочем, прибавился, даже целых два. «В гимназии учишься?» – «Да». – «По какому учебнику?» – «По Виноградову». (Вариант: Випперу.) Недовольное: «Гмм...» Но Иловайский мне на экзаменах послужил, и не раз. Однажды, раскрыв его учебник, я попала глазами на следующее, внизу страницы, булавочным шрифтом, примечание: «Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз». Глаз – понравился. Потерянный, а – остался! Утверждаю, что этот глаз – художествен! Ибо что же все художество, как не нахождение потерянных вещей, не увековечение – утрат?

Стала читать дальше, – и раньше, и после, и древнюю, и среднюю, и новую, и вскоре убедилась, что всё – *глаз*, тогда как неизбывная «борьба классов» наших Потоцких, Алфеевских и т. д. либеральных гимназий – совсем без глаз, без лиц, только кучи народа – и все дерутся. Что тут *живые* лица, живые цари и царицы – и не только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!.. – «Вы отлично подготовлены. По каким источникам вы готовились?» – «По Иловайскому». Либеральный педагог, ушам не веря: – «Как? Но ведь его учебники совершенно устарели! (Пауза, наполненная всяческими размышлениями.) Во всяком случае, вы прекрасно осведомлены. И, несмотря на некоторую односторонность освещения, я вам ставлю...» – «Пять», – мысленно подсказываю я. Эту шутку я повторяла в каждой гимназии, куда поступала, а поступала я постоянно. Так, столь ненавистный стольким школьным поколениям «Иловайский» – источник не одной моей, школьницы либеральных времен, пятерки.

Вторым вопросом нам с Асей Иловайского было:

«Мой «Кремль» читала?» – «Да». – «А что я в нем пишу?» – «Про евреев». – «А что я в нем пишу про жидов?» – «Вы их не любите». (Призрак усмешки и, с непередаваемым наполнением:) «*Не любите!*..» Родного внука, впрочем, спрашивал подробнее – и коварнее. «И то ему скажи, и то! Настоящий допрос! Не я же писал, наконец! Наизусть, что ль, ему учить? – жаловался Андрей. – Я ему: немцы, он мне: ливонцы. А по мне – хоть чухонцы! Вчера целый час не отпускал!»

Ежемесячная газета «Кремль» с единственным редактором, сотрудником, подписчиком и разносчиком – Иловайским. (Родных и знакомых обносил сам.) Цензора, впрочем, он над собою почувствовал, ибо в 1905 году, после трех предупреждений, «Кремль» – закрыли за открытую и сердитую критику историком Иловайским исторического жеста последнего на Руси царя в октябре 1905 года. Помню, в молодом дневнике матери (около 1895 г.) такую запись: «Была на докладе Д.И. о призвании на царство Михаила Романова, в присутствии высочайших особ. По Иловайскому вышло, что Михаил Романов был избран на царство за ничтожество. Смело, но в присутствии родных – неловко». Бесстрашие свое и глубочайшее неслитие со

всем, что раз навсегда не предстало ему правдой и долгом, он доказал в эпоху более ответственную, чем 1905 год. «И истину царям с улыбкой говорить». Улыбки на лице Иловайского я не видала никогда. Сомневаюсь, чтобы видели и цари. Но правду – слышали. «Кремль», конечно, потом опять разрешили, и Д.И. продолжал наводнять им дома своих оброчных. Единственное, что у меня осталось от единственного моего посещения дома Иловайских – это стопы «Кремля» в глубоких нишах окон, стопы, доходившие до оконного креста и не аллегорически, а физически застилавшие жителям и посетителям божий свет и мир. Комнату эту, полуподвальную, с годуновскими сводами, прошу запомнить.

Это был красавец-старик. Хорошего роста, широкоплечий, в девяносто лет прямой ствола, прямоносый, с косым пробором и кудрями Тургенева и его же прекрасным лбом, изпод которого – ледяные большие пронизательные глаза, только на живое глядевшие оловянно.

Закрываю свои – и вижу: наша маленькая трехпрудная передняя, в дверях парадного старик в огромной шубе, перед ним оробевшая, за десять лет не могущая привыкнуть горничная. «Машей тебя зовут? Так доложи своему барину, что приходил барин от Старого Пимена. “Кремль” принес».

II

Дом у Старого Пимена

Это был смертный дом. Все в этом доме кончалось, кроме смерти. Кроме старости. Все: красота, молодость, прелесть, жизнь. Все в этом доме кончалось, кроме Иловайского. Жестокый старик решил жить. «Заживает чужой век... Всех детей зарыл, а сам... Двадцатилетний сын в земле, а семидесятилетний по земле ходит...» Под этот шепот и даже ропот – жил.

Много позже прочтя Фарреровских «Hommes vivants»⁶², я (прости меня Бог, ибо это – грех) не вспомнила, а глазами увидела Д.И. Книга, в ее страшности, груба. Столетние старики в какой-то каменной пустыне подстерегают и зазывают молодых путников и выкачивают из них кровь, которой живут. Ничьей крови Д.И. не пил, нет, он по-своему детей даже любил, но соответствие все же уцелевает: от такого долголетия, самого по себе редкого, а при стольких молодых родных смертях – чудовищного. Первая жена, двое мальчиков, дочь; сын и дочь от второго брака... Это был какой-то мор на молодость. Мор, щадивший только его.

Иловайского в нашем доме, как и в его собственном, часто упрекали в черствости и даже жестокости. Нет, жестоким он не был, он был именно жестоковыйным, с шеей, не гнущейся ни перед чем, ни под чем, ни над чем, кроме очередного (бессрочного) труда. Казалось бы – сколько предостережений! Если не сбавишь спеси, не сдашь власти, то есть прежде всего не сдашься перед очевидностью, – и те умрут. Все умрут. Но очи его видели другое. Они не видели смысла сменяющихся на столе тел. *Истории* в своем доме и жизни старик не ощутил. (А может быть, и не истории, а Рока, открытого только поэту?) Очевидность его очей была одна: его родительская власть и непогрешимость ее декретов. Смерть же – несчастье, от Бога посланное. Ни одной секунды старик не ощутил себя виновным. Да – был ли?

Над этими детьми был рок ранней смерти. Не улыбайтесь, он есть. И Иловайский, как в мифе, может быть, был только орудием. (Хронос *должен* пожирать своих детей.) Вина есть, когда есть ее осознание. Когда ее осознания нет, она не вина, хотя может быть и смертоносна. Иловайский же жил – в Иловайском жило непоправимое сознание правоты. Как судить непогрешимость?

И, может быть, то, что всем казалось волей жить, была неволя над ним рока, рок, обратный детскому, был рок над ним долгой жизни, как над теми – ранней смерти: долголетия, ставшего проклятием? (Сивилла, не могущая умереть.)

⁶² «Живых людей» (*фр.*).

И так как всё – миф, так как не-мифа – нет, вне-мифа – нет, из-мифа – нет, так как миф предвосхитил и раз навсегда изваял – всё, Иловыйский мне ныне предстает в виде Харона, перевозящего в ладье через Лету одного за другим – всех своих смертных детей.

Вот те первые мальчики из окон семейного альбома и старшие бы меня на сорок лет, с молодой их матерью посредине. Оба на одно лицо: отца, большелобые, голубоглазые, прямолицые, до последней минуты через материнские колена плещущие друг в друга недвижимой водою Леты...

Вот В.Д., любимая жена нелюбимого, – другого любившая, выпевавшая свою беду под солнцем Неаполя и умершая после рождения первого сына – на полуслове, с букетом в руках, парадная, нарядная, – сгусток крови шел и шел и дошел до сердца, – В.Д., залитая кораллами, с не остывшим еще румянцем Юга и первой радости. Вот она, концом кораллового ожерелья машет оставляемому сыну...

И – туман над Летой редет – не альбом! не портрет! – Надя, живая, – каштановая и розовая, вся какая-то жгуче-бархатная, как персик на солнце, в своей гранатовой (Прозерпина!) пелерине, которую двуединым жестом озноба то распахивает, то смыкает, – о нет, не в саване! Миф савана не знает, все живые, живыми входят в смерть, кто – с веткой, кто – с книжкой, кто – с игрушкой...

(Всё в этой ладье сменяется, кроме лодочника.)

Вот Сережа, живой отблеск отживших поколений (о, как ты *ничего* не понял, историк!), изящный, тонкий, с маленькими бачками на совершенно детском лице, светло-черноглазый, не розовый, – ярко-бледный, – живой 1812 год! – с гравюры – из семейной хроники – точно вросший в свой (увы, студенческий!) мундир. (И вот таинственное слово из глубочайших недр моего младенчества встает: Сережа Бор-Раменский...) Сережа Бор-Раменский, Рауль Добри из романа для девиц *Zénaïde Fleuriot*⁶³... А в общем, вечное видение юноши, Ганимед, восхищенный Зевесом, Гераклов Гилл, похищенный нимфой... Но *эта* река – Лета, река без нимфы, река без звука, Лета, которой ничего не нужно, даже его чудных глаз.

Дорогие Сережа и Надя, вижу вас весной 1903 года в блаженном месте: генуэзском Нерви. Сережу – в тени комнаты и матери, Надю – на полном свету, только пересекаемом материнской тенью. Мать Сережу хранит, Надю – стережет. Вот они обе в ландо на *bataille de fleurs*⁶⁴. Все цветы – ей, все бумажные, с песком (а может, и свинцом) горошины – матери. Разойдется итальянец и запустит: в красотку – розой, в дракона – дрянью. (Как это А.А., сама красотка, в сорок лет без единого седого волоса, ухитрилась быть драконом?) Надя смеется, мать виду не подает, но после первого же рейса вдоль «марины», велит кучеру повернуть обратно – и невозвратно. С цветочного боя – в ту самую одну комнату, где сравнительно здоровая сестра с серьезно-большим уже братом живут вместе и будят друг друга кашлем. В Надю влюблен студент Фан дер Фласс, не голландец, а киевлянин, тоже больной, тоже красивый, которого мы с Асей зовем «монастырский кот», потому что толст и как-то особенно чист и живет в отдельном, вроде бы келья, домике. Мы с Асей носим от него Наде записки, а бывает, – и от нее. Нас она тогда горячо, много раз подряд целует в голову, прижимая к жаркой груди. Влюбленным покровительствует моя мать, тоже молодая, тоже больная, часами занимая непереносимую ей А.А. хозяйственными, непереносимыми ей самой, разговорами: наблюдениями, соображениями, иногда – измышлениями: как, например, солить репу... (Потом, нам: «Пускай посолит! Сама же и будет есть!») – и увлекая бдительного стража до полного забвения сроков. Но в один блаженный день блаженство кончается. А.А., не дождавшись конца лечения, под предлогом дороговизны жизни (двое в одной комнате, пансион по пять франков, миллионы...), на самом же деле – из-за успехов Нади (неблагонадежного состава этих «успехов»)

⁶³ Зинаида Флерио – французская писательница, печаталась в серии «Розовая библиотека».

⁶⁴ Битве цветов (*фр.*).

увозит детей из морского Нерви в сырое иловайское «Спасское». Надя плачет, Фан дер Фласс, и не он один, плачет (особенно плакал один, с большой рыжей бородой, и даже не из нашего пансиона, на которого Надя даже ни разу и не взглянула), наша мать плачет, мы с Асей плачем, благонравный Сережа из почтения к матери не плачет, но неустанно, из экипажа, оглядывается, казалось тогда – на Нерви, оказалось – на жизнь.

* * *

Мать. Мать она была сыну, не дочерям. Да простит мне ее тень и да увидит, что я прежде всего и после всего – не сужу. Есть такая украинская сказка о матери родной и матери крестной. Идет девушка ночью мимо храма, видит – свет, заходит. Служба тихая, священник чужой, молящиеся – чудные: одни давно не виданные, другие и вовсе никогда. Вдруг кто-то ее за плечо. Оборачивается: крестная мать покойная. «Беги отсюда, девонька, а то здесь твоя мать родная, увидит – разорвет». Но поздно: мать – увидела, вон, сквозь народ, пробирается. Девушка – бежать, мать за нею, так и мчатся они по пустым полям (дочь-то по земле, а мать-то за ней – по-над-землею). Но рядом крестная, не дает в обиду, на бегу засыпает ту, родную, крестами, отрешивается. Наконец – конец. Край деревни, первая хата. Петухи поют. И крестная, прощаясь: «Никогда, девонька, больше не заходи ночью в церковь, как увидишь свет. Это неуспокоенные души молятся с неуспокоенным попом. Не будь меня – заела бы тебя твоя мать родная, с самой своей смертушки на тебя зубы точит».

Когда я эту сказку, как всегда в таких случаях, для выяснения самой себе, стала рассказывать и потом опрашивать, – в чем дело? почему? – только один из моих собеседников: собеседница, категорически: «Совершенно понятно. Ревность. Ведь дочь – соперница». Посмертная ревность к молодости, несчастной – к счастливой, мертвой – к живой. И, возвращаясь к А.А.: неуспокоенные страсти мертвой, *никогда* не жившей. Ибо А.А. никогда не жила. Выйдя молодой красавицей за старого Иловайского, она вышла за деньги и за имя. Получила же ключи на пояс и на себе – крест. Ревновал он ее, по домашним рассказам, люто. Жестоковыйный старик любил красоту. Никуда без себя не отпускал, только раз, с каким-то своим присным, на бал, которым потом ее всю жизнь попрекал. Зря. Была горда и верна. (До измены, как до собственной красоты, просто не снисходила. Так и вижу ее, стоящую с видом, точно попирающим собственную красоту.) Пошли дети. Дети, сразу отделенные от нее традиционной стеной кормилиц, нянек, бонн, гувернанток, учителей. Не говоря уже о водоразделе родительского верха и детского низа. Дети, действительно, жили под родителями, как под спудом: то, по чему родители, со всеми их тяжестями, всей своей тяжестью, ступали, было для детей – верхом, то есть попросту лежало у них на головах. Вроде Атлантов, держащих небосвод с небожителями. (Недаром их «низ» был со сводами!) На том и надорвались. И, возвращаясь к воспитанию: как тут было до своего ребенка – добрать? Сквозь всю эту подобострастную и стойкую толщу – прорваться? Для этого нужно – *очень* любить. А можно ли, я только ставлю вопрос, а неизбежно ли, а так ли уж непреложно – любить ребенка от нелюбимого, может быть – невыносимого? Анна Каренина смогла, но то был сын, сын – в нее, сын – ее, само-сын, сын ее души. Таким сыном для А.А. оказался последний ребенок – Сережа, дитя ее души и тела, *она* живая – если бы ее с самого начала не убили.

Нет физического сходства без душевного. И если Сережа, весь кротость, робость, нежность, с первого взгляда казался душевно-обратным матери, то потому, что сравнивали его с нею – нынешней, а не с нею – тогдашней, его однолеткой. И не высшее ли смирение она проявила тогда, выйдя замуж за нелюбимого, раз навсегда смирясь: сломясь, точно так же, как ее сын без всякой мысли ропота связал бы себя с той, которую бы движением брови указала – она. Только в Сереже, еще не тронутым жизнью – мы видим упокоение покорности, в ней – ожесточение покорности.

Меж тем жизнь, понемножечку, красотку перековывала. Когда знаешь, что никогда, никуда, начинаешь жить тут. Так. Приживаешься к камере. То, что при входе казалось безумием и беззаконием, становится мерой вещей. Тюремщик же, видя покорность, размягчается, немножко сдает, и начинается чудовищный союз, но настоящий союз узника с тюремщиком, нелюбящей с нелюбимым, лепка – *ее* по его образу и подобию. Но какой же может быть здесь «образ и подобие»? Между стариком-ученым и нелюбящей красавицей? Что могла А.А. от Д.И. «перенять»? Историю, дело его жизни? Нет, историю он писал сам. Идеи? Они ей, как всякой настоящей женщине, были безразличны (не были бы, ежели бы, но так как этого «ежели» не было...). И, чтобы не спрашивать праздно – она могла перенять от него только методы. Его методы скопидомства, домоводства, детоводства, однодумства и т. д. Методы, сразу выродившиеся у нее в привычки и даже мании, ибо одно – в стране, другое – в доме, одно – в книге, другое – в жизни. Вся нетерпимость Иловайского к инородцам, перенесенная на одну немку-экономку, вся теория государственного накопления – в пределах собственной кладовой, весь идейный Домострой, перенесенный на *живых* детей. Нечего говорить: Иловайский в доме был тираном, но тираном идейным, то есть не мелочным. Раз навсегда, *en bloc*⁶⁵. И больше олимпийцем, чем тираном: он до детей просто не снисходил. А.А. же, из дома не выходя, во всё входила, в каждый их шаг и жест, и именно потому – что всё и чисто внешне, в них самих никогда не вошла. Разница между Папой, санкционирующим, и рядовым боевым членом братства Иисуса. Словом, в доме А.А. была его правой рукой, а правая рука всегда пуще головы. «Молодые девушки должны ездить на балы», – Иловайский. – «Да, но по возвращении вешать платья на “плечики”», – А.А. (Сильно говоря, она, конечно, была *огорчительницей* колодца их молодости.) «Молодые девушки должны танцевать с теми, кто нравится их родителям», – Д.И. – «То есть не танцевать с теми, кто *им* нравится», – А.А. Упор с долженствующего переносился на возбраняемое. Физический запрет становился духовным.

Почему? Почему и откуда запреты? А потому, что ей самой, так еще недавно, запретили жить, сама себе сгоряча (пусть по холоду расчета, но все же сгоряча воображения!) запретила, потому что сама себя заживо зарыла в доме у Старого Пимена. Дочери, особенно одна, растут красавицы. «Я тоже была красавица». Дочери растут веселые. «И я смеялась».

И вот, подсознательное (подчеркиваю это трижды) вымещение на дочерях собственной загубленной жизни. Если, в упрощающем мифе родни и дворни, Д.И. детский век «заживал», А.А. его – «заедала». Не заедала, нет. Она не питалась их соками, ибо тогда эти соки ей шли бы впрок, чего не было, – она их жёсткой рукой зажимала, не давала им ходу, чтобы ее женские отпрыски тоже не были счастливы. Иное старение кормится возле молодости дочерней, это же ложилось на них могильным камнем. Я задохнулась – и ты не дыши.

Чудовищно? А такой брак – не чудовищно? Сама виновата! А разве эта сама – знала? Знала, что такое вообще брак? Это нынешние знают. Те, пятьдесят лет назад, летели в этот ад, как бабочки на свет, – всей грудью. Оступались в него, как в ров. И – как знать? Может быть, еще и родительская власть, угрозы и уговоры *ее* матери? Ожесточенное бедой сердце – вот. Но как же вымещать на невинных? А разве она знала, что – вымещает? Это знающая природа в ней вымещала, мстила за попранную себя. *Она*, в полной невинности – воспитывала. (Показательно и подтвердительно, что недуг, от которого из троих ее детей погибло двое, был *ее* недугом, даром, наследством. Впрочем, и у Д.И. был в юности туберкулез, но – когда была эта юность? и была ли когда? И вот уже начало нового мифа о родителях, откупившихся от смерти детьми...)

Девочек не мучили. О, им многое разрешали. У них были наряды, подруги, братья подруг, у них были билеты на парад и ложи в балет, и, главное – у них были «живые картины»... Сказав это слово, я дала эпоху. Это был рассвет девятисотых годов, недалекий канун Пятого.

⁶⁵ Весь, целиком (*фр.*).

Шел пока еще ручьевый шум студенческих беспорядков. Слово «педель» – одно из первых, которое я в младенчестве осознала, от созвучия с «пудель». И вот, от сходок, вопросов, запросов, страшных людей, идей – щит: живые картины. Колеблющийся щит: целая стена старинного штофа. А за ним...

Недвижная группа из живых людей, окрашенная бенгальским – зеленым и малиновым – пламенем. Группа не дышит, улыбки застыли, пламя трепещет, догорает... Занавес! Рукоплескания. Красавица Надя, *весна* для каждого встречного, застывшая аллегорией Весны, с бенгальским румянцем на персиковом. Живая красавица, застывающая красавицей спящей. Красота, спящая под очкастыми – подслеповатыми – дальнотзоркими – слезящимися – и бог знает еще какими! – взглядами старцев, старцев – Елены, старцев – Сусанны, семидесятилетних сверстников ее отца... (Могла бы назвать имена, иные – исторические, но зачем? Все это ушло в миф...)

Но что тут делали бородатые студенты и доценты? (Из всей группы безусым был только Сережа, неизменная пара всех Надиных превращений: Май всех ее Весен, Царевич – Красавиц.) Пенсне можно снять, но – бороду? А ведь и они участвовали в «Веснах» и «Помпадурах». Бородатые – маркизы? И этот *contresens*⁶⁶ в доме у историка? Как ни грустно, не могу не улыбнуться. И десятилетия спустя не могу не содрогнуться от такого сгущения жути: «живые картины» – в мертвом доме, мертвые картины из живых людей.

Были живые картины, были выезды, – поднадзорное танцевание, напоминающее мне уныние первых Ассамблей. Но девочки отыгрывались. Жизнь всегда отыграется. Чайный стол молодежи понемножку обрастал кругом молодых вольнодумцев (позже – всего только правых кадетов!). Свечи старого дома даже под надежными щитами своими содрогались от первого дуновения «идей». Каких? Еврей тоже человек. И самые храбрые: «Раз сам Христос был еврей...» Звучало еще робкое, но и в робости своей грозное, ничем, кроме собственного звучания, не заполненное слово «свобода». Какая? Вся. От чего? От всего. И, конечно, прежде всего – от дома. Нет, нет, не от родителей. Родители еще были неприкосновенны, неподсудны, да и они ли гнели? Нет, не Д.И. же со своими декретами раннего спанья и такого же вставанья, не А.А. со своими нотациями и интонациями – родители сами были *гнетомые* — гнел дом, сам дом, со всеми в нем прежде жившими и жившими так, как нынче жить уже нельзя (а было ли когда-нибудь можно?). Гнел дом толстыми, как в бастиионе, стенами, гнел глубокими нишами окон, точно пригнанными по мерке привидений, гнел дверями, не закрытыми, не открытыми – приоткрытыми, гнел потолками, по которым неустанно, по ночам, кто-то взад и вперед, взад и вперед, гнел подсматривающим, вплотную прильнувшем садом. О, больше всего садом, его мнимой свободой, на самом же деле всем дозором бессонного древесного сырья, так явно держащего руку – бывшего, садом с его сыростью, садом с его старостью, с калиткой, не ведущей никуда. И больше всего слово гнело: Пимен. Кто был Пимен? Что за святой? Почему не сохранил? Почему из троих выпустил *не* на кладбище только одного, одну? Иловайская девическая «свобода» была только свобода от этого страшного святого, точно забивавшего их клюкой в гроб. Свобода от сторожа, сторожившего дом, стороживший их. (О, *Пимену* дело только до *дома*, сохранить дом во всем объеме, со всем, что в нем, будь то комод, гроб, сын.) «Вырваться от Старого Пимена!» Сами не знали, что говорили. (Однажды, после такого взрыва, Надя: «Впрочем, мы с Сережей в нем долго жить не будем. Дом останется Оле». И Оля, как бы обидевшись на такой распорядок (подарок!) – запальчиво: «Тогда я его взорву!» Но Россия со *всеми* Старыми Пименами взорвалась раньше.

Гнет родителей – был, но гнет – исполнительный: подневольный. (Не забудем, что и над Зевесом – рок.) Гнет был не от их присутствия, а от всеприсутствия, всюдусущия: в самом воздухе дома и на тридцать верст вокруг (на тридцать лет вперед!). «И настигнет мя десница

⁶⁶ Бессмыслица (фр).

твоя» – это вовсе не значило, что А.А. над дочерьми сидела и пилила (дочери для нее были только частью домоводства, такую же, как сундуки), что Д.И. в неурочные часы заходил и ловил. Гнет был в том, что неурочных часов не было, не могло быть, что сам этот дом был затянувшийся «урок истории», что слишком легко было физически из-под гнета выйти: обойти. Это был, если довести вещь до ее истинных размеров – искус доверием. Нет, не то слово: родители и предположить не могли, чтобы их можно было обмануть. Слепость их веры (в непреложность своей правды и власти) и составляла затвор. Замков не было. Впрочем, давно известно, что вера – привязь пущая всех цепей. Если нельзя обмануть доверяющего, то как же можно – не сомневающегося, не усумнившегося никогда? Дочери, как и мать, были честны и горды. Дом у Старого Пимена при всей его тяжести был исполнен благородства. Ничего мелкого в нем не было. («У нас было тяжело, у нас не было так мелко» – слово Оли И. о семье, в которую из Старого Пимена вышагнула.) Это не была бытовая трагикомедия приказов и обманок, придиорок и уловок, как все бытовое кончающееся благополучно. Дом у Старого Пимена благополучно кончиться не мог. Потому он так надо мной и властен, что он был не менее чистокровно-трагичен, чем дом Приама. Что над ним был – Рок. Рок, сказавшийся в самой физической заочности родительского гнета, в их физическом олимпийстве: наверху, на свету, откуда вниз в полуподвальные садовые туманы шли невидимые декреты – токи. (Единственный дом, кстати, на моей российской памяти, где бы *родители* жили наверху, а *дети* — внизу). И в Трехпрудном, и во всех ему подобных – детским был тесный, низкий, но жаркий и светлый верх, родительским – парадный, просторный, но пустынный и холодный низ. Дети от родителей спасались наверх. Здесь же дети родителями были низвергнуты в преисподнюю, под достоверные *своды*... Аида. Очевидно, старина Старого Пимена была древнее дворянской (Уран, Титаны...).

Но подчас, еще углубляя этот образ, Д.И. предстает мне уже не Зевесом – Гадесом, владыкой подземного царства.

Бедная Надя, по счету насильственных гранатовых зерен проведшая, за исключением одной италийской весны, в родном Аиде – всю жизнь!

И бедная ее мать, от всего гранатового яблока искуса – ни зерна не оставившая, в Аиде навек оставшаяся.

И бедная В.Д., и за порогом отцова царства опутанная гранатовыми бусами...

И бедная, бедностью – счастливая Оля, променявшая все Плутонovy сокровища на пшеничный колос земли, любви.

Бедные – вы, и бедный – ты.

Зевес или Гадес – этот отец своих детей держал и вел, как Олимпиец. Таких, как он, судить нельзя. Да их больше уже не будет. *Были*.

Но была в нем одна область *не* олимпийская, *не* аидова, где ни лавров, ни гранатов, ничего, кроме золы и шлака. Это была область его ненависти: юдоненависти. Я еще нигде не сказала о ветхозаветном, изуверском, *иудейском* сердце Иловайского. Ибо что же его ненависть к евреям, как не библейская, Саваофом поведенная и Моисеем законоположенная ненависть правоверных к иноверцам и, ее пережиток, иудейская – к христианам? Иловайский, плачущий горючими слезами над заочно-отвергнутым, никогда не увиденным внуком, в жилах которого течет еврейская кровь (бедным Олиным сыном, недолго зажившимся), – что же он, как не изувер-еврей, плачущий над внуком, в котором течет христианская? И проклятия Д.И. последнему оставшемуся в живых ребенку – дочери, за то, что ввела в его род – еврейство – не те же ли проклятия того же изувера дочери, опорочившей его род – христианином?

Не-близнецы? Не-двойники?

Между таким юдофобом и тем же изувером – канат ненависти, связующий, и они, через эту связующую их *жили*, глядятся друг в друга, как в зеркало.

Но *правоверный*, ненавидя, прав, *православный*, ненавидя – преступен.

Если был у Д.И. бог – то бог ветхозаветный, убийственный, губительный, бог с засухой из ноздрей и с саранчой за пазухой, – *тот* бог, не наш.

И, чтобы все сказать одним словом тогда семнадцатилетней Аси – Розанову, в ответ на какою-то его изуверско-вдохновенно-обличительную тираду:

– Василий Васильевич! На свете есть только один такой еврей. (Розанов, бровями) —?
Это – *Вы*.

* * *

И, выплывая на поверхность века, места и быта – Иловайский был менее всего самодур. Никогда – «чего моя левая нога захочет» (та, с которой нынче встал!) – всегда – *голова*. Между ним и Багровым-дедом ничего общего, кроме неизбежной тяжести личности⁶⁷ и единственного в жизни обоих случая умиления над занесенным под их кровлю одиноким и бесстрашным женским существом. Новой особью женщины: единственной. Д.И. мою мать явно чтил, и она, столь страстная и безоговорочная в своих суждениях, его никогда, ни в чем, ни разу, за все мое детство, ни словом не осудила. Странность этой расположенности была и во взаимоположении этих людей: отец первой жены, расположенный ко второй. Вторая, так страдавшая от первой (тени первой!) – к отцу этой первой. По существу же, они чем-то, отдаленно, походили, подходили (совершенно так же, как совершенно непохожие Софья Николаевна и Багров-дед). Больше скажу: если бы не закон, по которому дочь у отрешенного ученого и старика – непременно красавица и певица (или танцовщица), если бы не этот закон обратной наследственности, моя мать больше бы годилась ему в дочери, чем его собственная, собственные. И вот он, ни в жене, ни в дочерях не встретивший (да и не допустивший бы!) помощницы, любовался на помощницу другого, заместительницу в сердце его единственного друга его любимой дочери. Моя мать же, как отдаленная, но истая германка, больше всего любившая трудность и чтившая труд, не могла найти слова осуждения тому, кто всю жизнь, волей и неволей, в работе, как в жизни, ничего другого не знал. И не хотел знать. Взаимное признание *сил*. Думаю, что если бы она словами захотела определить свое отношение к Д.И., этим словом было бы: «*Это* уже вне суда». Что – «*это*»? Да то нечеловеческое одиночество, холодившее кровь в жилах его собственных детей. Нечеловеческое одиночество служения.

Но и он ей – немало прощал, не только всю ее сущность, для него, по существу, дикую, но и самое для него в ней существенное: ее юдоприверженность: постоянную и в России и за границей окруженность евреями, не объяснимую ни происхождением (полупольским), ни кругом (очень правым) – *только* Генрихом Гейне, *только* Рубинштейном, *только* еврейским гением и ее женским вдохновением, *только* ее разумом, *только* ее совестью, – хотела сказать *только* ее христианством, но, вспомнив слово «нести ни эллин ни иудей», не могу, ибо для нее иудеи – *были*, и были – милее «эллинов», и обертоном всех этих «только» (всех не перечислишь!), лейтмотивом *ее* и *моей* жизни – толстовским «против течения»! – хотя бы собственной крови – и против стояния – всякой среды (стоячей воды).

Так вот эту-то приверженность для него совершенно непонятную и неприемлемую, Иловайский ей сразу, молча, как органический порок в дорогом существе, раз навсегда – простил.

Когда она умерла, старик глубоко горевал. Помню его письмо к нам в Тарусу, твердое только почерком. «Вы потеряли не только близкого человека, но большого человека», – писал он своему единственному другу, моему отцу. «Друзей много, друга – нет», – вот еще одно его ворчливое, стыдливое (моему отцу же!) высказывание. Дружба эта, думаю, совсем не основывалась на общности идей. Если мой отец был верноподданный – то, как и православный, пас-

⁶⁷ Quand c'est un caractère, c'est toujours un mauvais (Le Tigre) (примеч. М. Цветаевой). Перевод: «Что до характера, то он всегда плох» (Тигр).

сивно, традиционно, от прирожденного смирения, несуждения – и безразличия: безостаточной поглощенности другим: одним. Да и можно ли назвать «верноподданным» того, кто если и надевал свои ордена, то исключительно, чтобы просить за какого-нибудь забранного на сходке студента, которого и в глаза не видал. «Церковным» – того, кто, не желая смущать близких, а главное, делать из своей смерти «события», умер (сын, внук и правнук священника!) – без священника, хотя знал, что умирает. Такой «монархист» и «православный» прежде всего – человек. И – только человек. «Под небом места много всем» – вот его однострочное, детям по каждому поводу высказываемое исповедание. Иловайский же, кроме любви к России, знаменуемой для него ненавистью к инородцам, любви к монархии вплоть до суда над монархом, ничего не знал и не хотел знать. Дружба эта зиждилась на дорогих телах, тенях. Нет прочнее дружбы – на костях! Это были два старика, потерявшие одну семью. Старых друзей – не судят.

Вижу их вдвоем, в низкой широкой комнате с многими, многими, одинаково-одинокими окнами в сад. Над притолокой двери, в него ведущей, охотничий рог Иловайского (никогда не охотился!), которым он сзывал гостей и детей на трапезы, поражая молодежь мощью его звона: своих легких. Роландов рог историка, ныне навек замолкший.

Мы с Асей – в Спасском, именуемом также Крюковым, по названию станции Николаевской железной дороги. В детстве нам это невиданное Крюково мнилось крюком, железным крюком старьевщика, а то и клюкой, Ягой, значит опять-таки – старостью. Со станции ехали на линейке, вещи без будущего и прошлого: *вдоль* событий, – мимо черных елей, мягко-колючими мокрыми лапами задевающих по лицу, как кропилом. Разлатое здание, поданное как на ладони болотистой равниной. В дом – цветником: тем, что им было, тем, что им больше не будет. Внутри тишина. Старина. Чувствую, что комнаты здесь живут одни, *продолжают*, не замечая, что половины семьи уже лет. Не замечая и оставшейся половины. Так что выход А.А., откуда-то сбоку, в сером переднике с грудью, со стопкой белья в руках, а за ней и Д.И., тоже в сером и тоже с белым (газетной стопкою!) скорей... неожиданен, скорей... нарушителен. Мы никогда не узнаем, насколько комнаты старых домов, которые мы, не замечая, минуем – нас не замечают, нас, как волны старого моря, минуют – в *своем* продвижении. Волны моря и рода, только изредка, по неучтимой прихоти, возвращающие через сотню лет берегу – наше кольцо, наше лицо – правнуку.

Сидим с Асей, сначала как на гвоздях, а потом уж – как пригвожденные, с краю штофного диванчика, на который нас усадила А.А., сама, неуютно и властно и от прямоты спины точно стоя, сидящая против нас на твердом стуле с работой в руках, к которым (рукам и работе) как будто бы и не снисходит. Между стариками канделябр в две свечи с зелеными наглазниками, от которых свет, на лица, исподлобья: «А не думаете ли вы, Иван Владимирович...» – «А не думаете ли вы, Димитрий Иванович...» Но чего не думают «И.В.» и «Д.И.», мы не слышим. Сидим убаюканные старческими интонациями и скучными сюжетами и зачарованные – немного как птицы – неотступным взглядом А.А. (вспоминающим? сравнивающим? невидящим?), в которой узнаю чудные глаза Сережи. Сережа был ее живым портретом, и теперь, после его смерти, она стала *его* живым. Тот же отродясь-иронический рот, та же возможность смеха в глазах (*rire latent*⁶⁸) – смеха, ни им, ни ею не высмеянного. Сын, умирая, точно завещал ей свою молодость, чуть-чуть играющую по углам губ, – будто в прятки. В этот вечер я А.А. – любила, и она, точно почуяв, а может быть, и помягчев сердцем после потери своих, обаятельно и как с ровнями беседовала с нами, дикарями и сиротами, мать без детей – с детьми без матери, хвалила прочность нашей обуви, чистоту нашего французского выговора и в конце вечера до того необъяснимо растрогалась, что обещала нам в подарок: Асе – «Дети Солнцева», мне – «Юность Кати и Вари Солнцевых», написанные какой-то ее родственницей. Самое изу-

⁶⁸ Невьявленный смех (*фр.*).

мительное, что мы, действительно, эти книги получили, каждая – новую, каждую с надписью: «От сердечно любящей А.А.».

Так сын в этот вечер перевоплотился в мать.

...Но был у иловайского молодого стола свой край – тихий. Это было царство небесное «херувимчика» Сережи, лебедя среди окружающих белоподкладочников, среди маменькиных сынков – сына матери. Здесь ни споров, ни вопросов. Здесь отродясь все было решено: пред-решено. Сережа из всех детей отродясь вверился Пимену и даже умирая не спорил. Примерный крошка в платице, примерный гимназист, примерный студент – противно? Да, если бы не неотразимое очарование глаз, усмешки, повадки, легкого налета не то какой-то виновности, не то подтрунивания над собой – не то над вами, за то, что вы в это благодравие так уж поверили... Чуть сощуренные светло-черные, в полном соответствии с ртом, чуть усмевающимися и тоже как бы сощуренным по углам – глаза какого-то непрерывно храбрящегося прощания, гощения (недаром и умер в гостиной!), глаза старше глядящего, глаза рода, глаза – последнего в роду.

Тихоня, херувимчик, маменькин сынок, старушкин угодник, белоподкладочник, черносотенец?

Не тихоня, а тишайший, не херувимчик, а Cherub⁶⁹ не маменькин сынок, а сын – матери, не стародамский угодник, а ревнитель древнейшей заповеди, не белоподкладочник – сама белизна, не черносотенец – горноста́й.

Странно: в этом красавце было какое-то сходство с Павлом, да, вопреки уродству, вопреки красоте. Павел был уродливой крайностью того типа, которого Сережа был прекрасным полюсом. Тип же один: смертный. Очень явные ноздри чуть коротковатого, как бы ножницами подрезанного носа, очень явные зубы, глубокие ямы глаз, подъямины скул. Точно смерти с них даже не меньше придется снять (дело не в худобе), а меньше придется над ними работать (modeler, формовать), чтобы получить свой собственный образ. Такие лица часто бывают у детей, верней: много детей с таким лицом. (Детей – много, лицо – одно.) Мальчиков. Непременно: темноглазых. Взываю к сочувственному (эвокативному) воображению читателя.

Когда я все дальше и дальше заносу голову в прошлое, стараясь установить, уловить, кого я первого, самого первого, в самом первом детстве, до-детстве, любила, – и отчаиваюсь, ибо у самого первого (зеленой актрисы из «Виндзорских проказниц») оказывается еще более первый (зеленая кукла в пассаже), а у этого *самого* — еще более *самый* (чужая дама на Патриарших Прудах) и т. д., и т. д. (только в *другую* даль!) – когда оказывается, по слову поэта:

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз
И *не* любил – когда? –

а я сама – в неучтимо́м положении любившего отродясь, – *до-родясь*: сразу начавшего с второго, а может быть, сото́го... в положении продолжения без начала, в положении отрожденного продолжения... Но конца у этого словесного периода, по самой внутренней его бесконечности, быть не может.

Правда, есть свидетельство моей матери о моей двухлетней бурной любви к черноглазому и – мазому студенту Айналову, но я этой любви не помню, кроме того, откуда мать могла знать, что это – первая, поручиться, что я уже с рук кормилицы не рвалась на другие, *не* ее? (Раз есть вещи, которые никогда не кончатся, всегда будут, – а эти вещи есть, и их знают все, – так же законно, чтобы были вещи, которые никогда не начинались, всегда были.) Но теперь, так сильно вжившись в Сережу, и по тому волнению, которое он, мною *вызываемый*, во мне

⁶⁹ Om cherubin – херувим (*фр.*).

вызывает, мне начинает казаться, – я на самом краю уверенности, – что первым живым мужским существом, которое я любила, был он.

Вижу себя четырехлетней толстой девочкой, часами в полном молчании простаивающей возле Сережи, глядя, как он заступом с Оки к нам на дачу в крутом боку горы роет лестницу. И когда однажды Августа Ивановна, раздраженная такой настойчивостью и устойчивостью – подвинуть меня дальше очередной Сережиной ступеньки было невозможно: «Да что ты всё глядишь и глядишь на эту Трерре⁷⁰? Ничего в ней такого нет interessant!» – я, вздохнув всем животом: «Я гляжу на его голубые панталоны...» Голубые? Не знаю. Он тогда был гимназистом, а у гимназистов были серые. Или же, летом, суровые, холщовые. Голубизна Оки? Любви? Но слово и чувство «голубые» – помню.

Но что-то еще встает, раннейшее, позднейшее? «Сережа и Надя» – не Иловайские, а другие, не брат Сережа и сестра Надя, а другие, по-другому. В приложении к «Ниве». Прочитанное? Прослушанное? У нас в Тарусе, как по всем таким семьям России – укрыться от темных ночи, – сбивались под белый ламповый круг (подножка лампы, объемом в медвежью ногу: медведь лезет в улей!), и кто-то что-то читал. Иногда детей «забывали». Только помню ожог и – жуть тайны посреди груди, там, где ребра расходятся: никому не сказать про Сережу и Надю, Сережу и Надю... Сережа и Надя. Приложение к «Ниве», рассвет девятисотых годов.

Странно, что от Старого Пимена я получила первый урок легкомыслия – непривившегося. Вот он, черным по белому, в малиновом альбоме Нади, гостившем тогда у сестры Валерии.

Спешу тебе в часы досуга
Написать десять строк.
Прими совет сестры и друга –
Не верь мужчинам, мой дружок!

Ты весела, ты все хохочешь,
В головке бродит ветерок,
Но, если плакать ты не хочешь –
Не верь мужчинам, мой дружок!

Пускай они тебе клянутся,
Пускай грозят взвести курок
Ну, хоть на части разорвутся, –
Не верь мужчинам, мой дружок!

А если ты им верить будешь,
Они дадут тебе урок,
Который век ты не забудешь, –
Не верь мужчинам, мой дружок!

Я сказала: легкомыслия, хотя по содержанию нужно бы сказать: благоразумия. Но так как ни то, ни другое мне на роду написано не было – то и урок не привился, и я, как, впрочем, и сама Оля, и бедная Надя, и все мы, бывшие, сущие, будущие, до скончания веков, – аминь – в «неверие» не поверила, встречному – верила.

Но дело не во мне, дело в тоне эпохи, диктующем одаренной и благородной девушке такие стихи в альбом на редкость одаренной и одухотворенной сестре.

⁷⁰ Лестницу (нем.).

Не сужу. Невинно. То же самое, что «Раз в крещенский вечерок», и ведь главное – те же девушки! («Как ваше имя? Смотрит он и отвечает: Агафон»). Вечный сторожевой окрик одной сестры – другой (одной доверчивей другой!) – «Не верь: обманет!» Не вырождение девичества (бессмертного), а вырождение целой культуры, открывшейся Пушкиным и докатившейся до последнего листка девического дворянского альбома, на котором – уж не знаю, чьей рукой:

Когда я кончу мой вояж,
Mesdames, тогда я буду ваш!

(Прощание Собинова с московскими дамами, восход девятисотых годов.)

Однажды, тогда же – мне было семь лет – Сережа, мне: «Так ты мне свои стихи переписешь?» – «Ну, конечно, черт возьми!» – «Но зачем же “черт возьми”?» – с таким недоумением, даже страданием, несмотря на чуть выросшую улыбку, что я, сразу ударившись подбородком себе в грудь (почему не ему?), разом всадила все четыре передние «лопаты» в нижнюю губу. Странное чувство и не приписываемое себе, тогдашней, чувство: мне перед Сережей (семь лет и семнадцать) всегда было стыдно за себя – такую. Какую? Да здоровую (он тогда еще не болел), резкую, дерзкую, с черными ногтями. Я, как негр, стыдилась своей непоправимой черноты. Помню, какого труда мне стоило войти в залу, где на зеленом диване между зелеными филодендронами сидел он в своей небесного цвета тужурке с другими студентами, но не такими же, тоже в тужурках, но не таких. Какого сведения челюстей – пройти через всю эту паркетную пустыню и подать ему руку. «А стихи всё пишешь? Пиши, пиши!» Мне от этого голоса сразу хотелось плакать. Плакать и каяться, что я такая злая, грубая, опять дала в зубы гувернантке, которая меня дразнила, жестянкой от зубного порошка, а вот он – такой добрый со мной, такой нежный... И чем нежнее и добрее он меня расспрашивал, может быть, что-то чужая и стараясь рассмешить: «Ну, улыбнись, улыбнись, улыбнись же наконец, не улыбка!» – тем я ниже клонила голову с накипающими слезами и – последним голосом: «Я лучше принесу тетрадь, вы сами прочтете...» Это, кажется, единственный человек за все мое младенчество, который над моими стихами не смеялся (мать – сердилась), меня ими, как красной тряпкой быка, не вводил в соблазн гнева... Может быть – он сам писал стихи? Прозу – знаю. Двенадцати лет (рассказ моей матери, очевидицы) он по настоянию родителей стал читать на какой-то их «пятнице» свою пьесу «Мать и сын». Действующие лица: «Мать – 20 лет, сын – 16 лет». Взрыв хохота, и автор, не поняв причины, но позор поняв, сразу и невозвратно убежал в свою детскую, откуда его не могла извлечь даже мать.

А мать над ним – все могла. Больше скажу: он не мог иначе, чем мать. Не мог иного, чем мать. Думаю, они мало друг с другом говорили, больше – глядели. Ибо слова всегда опасны. Словами он бы должен ей сказать: «Мама, зачем ты дергаешь Надю? Мама, зачем ты омрачаешь нашу молодость? Мама, мы скоро умрем». Глазами же он ей говорил одно: «Люблю. Твой».

Эта любовь у либеральной молодежи называлась «консерватизмом», равно как собственный инстинкт самосохранения – «политической оппозицией». Странные бывают слова (и чаще – иностранные!) для самых простых вещей. Но пока до простоты додумаешься...

Милый Сережа, четверть с лишним века спустя примите мою благодарность за ту большеголовую стриженую, некрасивую, никому не нравящуюся девочку, у которой вы так бережно брали тетрадь из рук. Этим жестом вы мне ее – дали.

Спасибо и за старый мир, ныне всеми, всеми, всеми преданный, больше всего же, хотя и невинно, теми, кто его хотят воскресить. Вы были его чистейшее зеркало.

Спасибо за верность дому – даже такому.

Спасибо за мать.

* * *

После Нерви брат и сестра стали умирать.

Не сразу. К нам за границу доходили слухи, что увезены они отцом в Спасское. Что кормит он их там овсянкой и заставляет спать с открытым окном. Что ж (мать над письмом), и овсянка и окно вещи полезные, но вот – сырость... Ведь Спасское стоит на болоте... И не проще ли в Крым? Но в Крым (предполагаемые доводы Старого Пимена) одних нельзя: опять в Надю все сразу влюбятся, и вдруг примерного Сережу окрутит какая-нибудь дрянь? А матери с ними ехать – значит, бросать всё. Всё, значит – дом. Дом, значит – сундуки. На кого оставить? На маленькую немку-экономку? Но она сама цыпленок, где ей? Только и умеет, что испуганными голубыми глазами не мигая глядеть на всех и особенно на Сережу, который никогда и мухи не обидел... Как ей совладать с вороватой горничной, лукавым дворником, пьяницей-кухаркой и всеми их земляками и кумовьями – со всей этой грабилровкой? Кроме того, в Крым, значит – на две семьи. И кто же будет разливать чай на ученых пятницах у Д.И? Оля? Да к самой Оле надо приставить гувернантку, ибо из троих она – пушная, самая тайная и упрямая, опять я у нее обнаружила борный вазелин для ращения бровей и ресниц – и не только упрямая, но и расточительная, ибо тот вазелин – у меня под ключом, значит этот – новый. А все эти вазелины и ресницы, чтобы нравиться этому – не дай бог! – как только его в дом пустили? – Р – ну. Какой уж тут Крым?

И веером, в ответ на эти соображения, Д.И., лаконически:

– Везу их в Спасское. Свежий воздух и овес – это главное.

Сережа умер первый. Про смерть свою он знал. Этот невинный, в земных делах несведущий ангелочек в этом последнем земном деле и в первом неземном оказался именно ангелом: знающим. Сколько я их видела, за всю болезнь моей матери, по Боривагам, по Квисисанам (почти уже – по часовням!), и на Ривьере, и в Шварцвальде, и в Ялте – врачей, выхаркивающих последний лоскут легкого с сияющей уверенностью, что это «маленький бронхитик», отцов семейств, не догадывающихся проститься с детьми, юнцов, расписывающих вечера на двадцать лет вперед, волкоподобных старцев, заедающих саму возможность возможности – сырым мясом (женщины, даже самые молодые, неизменно, знали) – тяжелобольных, с опытом чужой болезни, чужих ежедневных, с теми же приметам смертей, вплоть до № такого-то, куда уносят смертника, или, как в Нерви, в дом напротив, по винтовой железной лестнице, под гробовые своды сестринского убора, – а вот этот, без всякого опыта умирания, ибо умирал он от этой болезни в семье – первый и никогда в санатории не был, – не обманувшись ни посулом Крыма, ни собственным румянцем, ни особой легкостью в теле, так легко принимаемой за силу: смертью в жилах, принимаемой за жизнь, этот сразу понял – и – принял. Все его земные помыслы были только о Наде (о которой он тоже *знал*) – увезти поскорей Надю, спасти Надю... Все иные мысли – в Боге.

А мать? Мать была в нем, он умирал с нею внутри, как с, внутри, собственным сердцем.

Надя, уже не встававшая, на вынос брата смотрела из высокого окна зала, в которой теперь жила. Вчера – на товарища брата, который нравится и опять придет, нынче – на брата, которого любила и который уже никогда не придет. За которым – сама пойдет. Поедет – вот тем же снегом, такими же еловыми веточками, на тех же плечах... Вот в последний раз сверху, так сверху, так навзничь, как никогда еще, по-новому – внятно, по-высокому – далёко, и внятно, и тщетно, и близко, и далёко – как на ладони, отставленной за версту! – как собственное лицо на дне колодца – в последний раз лицо Сережи, от подпирающего лазурного ворота как бы все еще храбрящееся...

Усмешка... Ресницы...

Рядом с кареокой румяной смертницей, обняв подругу за плечо, поддерживая и даже удерживая – светловолосая, с глазами, плачущими точно своим же цветом, с возрожденской головкой, точно впервые ознакомившейся с собственным весом, Вера Муромцева, ищущая слов и никаких не находящая, кроме слез. Внизу, на снегу, черная одинокая фигурка: та самая немочка-экономочка, так боявшаяся взглянуть на Сережу, а когда глядевшая – то с чем-то пущим страха. Достоять обедни ей не дали и на кладбище не пустили – надо прибрать дом к возвращению – и вот торопливо прибирает, только не дом, а двор – от тех самых веток (чтобы не заметил дворник!). В руках целый букет – черных, лохматых, так похожих на те, в Спаском. Эти ветки она будет хранить до дня своей смерти, для дна своего гроба, на дне своего экономкиного чемодана, когда осыплются иглы, соберет их в мешочек, мешочек завяжет лентой с шоколадной коробки, поднесенной ей иловойской молодежью (значит, и *им*) в прошлый Сочельник. Сочельник... Ельник...

Наде, умершей месяц спустя, Бог послал тяжелую смерть. Не надо научных слов для такой вечной вещи, как смерть молодой красавицы. Как бы ни назывались сопутствующие ее болезни явления – муки были ужасные, и ни один врач ее от них не избавил. Умирала она тяжелее брата еще и потому, что хотела жить. Не о непостыдной безболезненной кончине живота молила, а о жизни – какой бы то ни было – только жить!

Что может быть жестче такой Нади, из горячей постели горячей рукой тайком передающей монашке деньги, чтобы молилась о ее здравии по всем монастырям Москвы.

Умерла она в феврале, и выносили ее по тому же снегу. Жестоковыйный старик – в этот день он впервые выглядел стариком, а было ему уже сильно за семьдесят, – на похоронах плакал. Надя в гробу лежала красавица. Спящая красавица с старопименовской картины, ныне по-настоящему – спящая, с тем же, тогда чуть-чуть лукавым, ныне – знающим началом улыбки, или того, что нам, на спящих – глядящим, улыбкой кажется. «Я ничего красивее не видал, – рассказывал отец, шагая с нами, Асей и мной, тоже мимо черных елей, только не мокрых – трещащих от зноя, шварцвальдских – не спасских (закрываю глаза, чую запах и слышу, как хвоя трещит... И все они умерли, умерли, умерли⁷¹...). – С распущенными каштановыми кудрями (умирала тяжело, и не могли расчесать), лицо – розовое, улыбка... – и с интонацией, близкой к негодованию, если бы сам, весь, не был сплошное смирение: – Такая красавица... Такая красавица... – И внезапно, оборвав и фразу и прогулку: – Ну, домой пора. А то мама жаждалась.» (Мать моя умерла год спустя от той же болезни.)

Тут я должна рассказать одну очень странную вещь. Рассказываю я ее (февраль 1905 г.) впервые. Рассказываю я ее потому, что весь тот мир – иловойского Старого Пимена и нашего цветаевского Трехпрудного, молодых красавиц, как Надя, и одиноких, на мой лад, девочек – кончен. Кончен не только *мой* век, но весь тот век. Рассказываю по неоплатному долгу – сердца.

Когда я в закрытом учебном заведении во Фрейбурге из письма отца узнала о смерти Нади, первое, что я почувствовала, было – конец веревки, оставшийся у меня в руке. Второе: нагнать. Вернуть по горячему еще следу. Даже (как слезы) загнать – откуда пришло. Сделать, чтобы этого не было. опередить – назад. Восстановить ее на прежнем (живом, *моем*) месте и, встав перед ней, не пустить. Первый ответ на удар было: сорваться с места. Но куда? Новодевичье кладбище далёко, да там ее и нет. Где же искать? В Нерви, конечно, где я ее видела в последний раз, на фоне лигурийского залива, под изгибом белой шляпы, выгнувшейся из заворачивающего экипажа. И вот, как по команде, – в Нерви. Обежав шагом колотящегося сердца все виноградом крытые дорожки нашего сада с прямо на голову свисающими лимонами и мандаринами, спустившись на мою соименницу «марину» («Видишь, вот ты и знаменитость! Везде твое имя написано», – смеясь, Надя, мне...), оттуда – в дом, сначала в их комнату, где

⁷¹ Из стихотворения в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...»

они вдвоем с Сережей кашляли: кто – кого, потом в столовую, где под Новый год пускали лодочки с желаниями, и все *они* задумали одно, а она – другое, и ничего не сбылось! Потом в монастырский дом, не обнаружив ее нигде, обнаружив, что ее нет – *везде*, я стала в тупик. Где же мне ее искать, чтобы сказать... Что? Да то самое. Устав гадать и отложив на перед-сном, опять перечла письмо отца: «Сообщаю вам грустную весть. Вчера, такого-то февраля, умерла в больших страданиях бедняжка Надя...»

У – мер – ла. Значит, нигде?

И вот начинаются упорные поиски ее – везде.

«Куда ты?» – «Платок забыла в дортуаре». Проглотив лестницу, несусь по гулкому коридору, на поворотах чуть ли не отрываясь от собственного тела, опережающими и все же неспевающими ногами влетаю... Может – здесь? Раз знает, что все внизу. Но – ничего, кроме блеска холодного, мною же оттертого умывальника, кроме холодной белизны мною же накрытой постели, в рядах таких же белых и безнадежно-пустых. Как же я не сообразила, что здесь слишком светло? Что здесь можно только *быть*, или *не быть*. Где же, сейчас, темно? Есть темное место, всегда темное, музыкальная комната, одна во всем этаже, нежилом. Но туда, до Klavierübung⁷², не пустят. Как прожить эти три часа до шести?

– Klavierüben, Marina. – Намеренно-медленным шагом выхожу, уже не бегу, не бегу, даже когда одна в пустом этаже, с полным самообладанием, аккуратно, во всех подробностях управляюсь с туго поддающейся дверью (дать успеть прийти...). Осторожно, чтобы не спугнуть, просовываю голову, за ней, как ненадежного постороннего, впускаю тело. (Самое для меня теперь дивное, что я не только ее не боялась – *ее* боялась испугать.) Сажусь. Не оглядываюсь. Открываю рояль. Ганон. В полной честности проигрываю все положенные упражнения, событий не тороплю, само придет (сама придет)?.. Но, когда перехожу к «Invitation á la valse»⁷³, сердце не выдерживает и, не обрывая игры, в лад педальному нажиму: «Надя! Надя! Надя!» – сначала мысленно, потом шепотом, потом вполголоса... (Во весь голос не позвала, не назвала никогда.)

– «Das Mägdlein schläft – ihr, Eltern, jammert nicht...»⁷⁴ Какой бог внушил дубовой FrI. Risky задать моему классу именно эти стихи? И не тот же ли бог внушил убогой FrI. Annie задать мне бетховенское «Lied für Elise»...⁷⁵

Нади я не увидела никогда, как ни взывала, как ни умоляла, как ни подстерегала – на всех коридорных поворотах оборотом головы жирафы на каждый мнящийся шум, шумок; как ни выстаивала – стойкой вкопанной гончей – все на той же полянке нашей ежедневной прогулки, пока другие ловили мяч; как воровски ни вращала в стену в простенке между платяными шкафами, мимо которых сейчас должна пройти; как ни выглядывала за благоприятствующей завесой ладана в ряду семисотлетних деревянных неразумных и разумных дев и, еще настойчивее, из собственных глаз выскакивая – в многообещающих портьерах Fremdenzimmer⁷⁶... С порога Fremdenzimmer, с постели Krankenzimmer⁷⁷, во всем движущемся, во всем кажущемся – в каждом молчании – в каждом звучании – крадучись – наскоком – самоутверждаясь – развоплощаясь...

Нади я глазами не увидела никогда.

Во сне – да. Все тот же сон: прихожу, она только что была, иду за ней – она уходит, зову – оборачивается с улыбкой, но идет дальше, хочу догнать – не могу.

⁷² Музыкальных упражнений (нем.).

⁷³ «Приглашение к вальсу» (фр.).

⁷⁴ Девочка спит, родители, не грустите... (нем.).

⁷⁵ «Песнь для Элизы» (нем.).

⁷⁶ Гостиной (нем.).

⁷⁷ Комнаты для больных (нем.).

Но знаки – были. Запах, на прогулке, из цветочного магазина, разом воскрешающий цветочный бой и ее, цветком. Облако с румянцем ее щек. С изгибом ее щеки. Даже жидкий ячменный кофе, пока не налили молока, – с золотом ее глаз. Знаки – были. Любовь всегда найдет. Всё было знак.

Может, в моем повествовании не увидят главного: моей тоски. Тогда скажу, эта любовь была – тоска. Тоска смертная. Тоска по смерти – для встречи. Нестерпимое детское «сейчас!». А раз здесь нельзя – так не здесь. Раз живым нельзя – так. «Умереть, чтобы увидеть Надю» – так это звалось, тверже, чем дважды два, твердо, как «Отче наш», так бы я со сна ответила на вопрос: чего я всего больше хочу. А дальше? Дальше – ничего – всё. Увидеть, глядеть. Глядеть – всегда. И, странно: я, такая беспощадная в своей внешней самооценке, так стыдившаяся своей некрасоты перед ее (и Сережиной – и всякой) красотой, ни секунды не усумнилась: «А что, если Надя, такая красавица, увидев меня, некрасивую, да еще маленькую – не захочет?» Точно я уже тогда знала стих Гёте:

O, lasst mich scheinen, bis ich werde,⁷⁸ –

а что *werde*, *сбудусь* я там по образу своей души, то есть такая же, как Надя, а если даже *нет*, если даже старая оболочка... –

Und diese himmlischen Gestalten
Sie fragen nicht nach Mann und Weib,⁷⁹ –

значит, и на красоту и на некрасоту не смотрят... Точно я уже *тогда* знала то, что так непобедимо, неискоренимо и торжествующе знаю теперь: что там – отыграюсь. И последнее предзнание людей с их чистосердечнейшими поговорками о псе и льве, синице и журавле, погонщике мулов и царе – я знала, что соперников в *этой* любви у меня не будет.

Что главное в любви? Знать и скрыть. Узнать о любимом и скрыть, что любишь. Иногда *скрыть* (стыд) пересиливает *знать* (страсть). Страсть тайны – страсть яви. Так было и со мной. Мне было невыносимо говорить о Наде и невыносимо не знать о ней. Но еще невыносимее называть, чем не знать. Я жила, как робкий нищий, случайными подачками, как потом, выросши, в Революцию, подачками музыки на улице, ночью, под чужими окнами. (Так мне раз из арбатского ночного окна «подали» Рахманинова – сам Рахманинов.) Я жила случайными словами о ней, без моих, наводящих. Больше скажу: как только отец, нашими далекими еловыми походами (а мать все лежала, лежала, лежала, это было ее последнее лето, уже лежачее, уже под елями), как только отец начинал нам что-нибудь о *той* рассказывать, я каким-нибудь косвенным, отводящим, уводящим в подробность болезни и *от* любимой вопросом, с какой-то неправдоподобной, противоестественной для меня хитростью и удачливостью отводила (грозу счастья). Так я, совсем маленькая, молила Бога в Сочельник утром, чтобы вечером еще не было елки, которой я так безумно ждала, которой жила. Так я, старше, с первых слов, уверткой или шуткой, пресекала любовное признание, конца которого, случалось, потом уже никогда не слыхала.

Что тянуло эту юную покойницу из тайного далёка, с Новодевичьего в Шварцвальд (*издальше!*) ко мне, маленькой девочке, ей так мало знакомой? Ибо теперь вижу, что *моя* любовь была *ее* воля, что *она* ко мне шла, за мной ходила по меховым горам Чернолесья, *она* тихонечко и настойчиво зазывала меня в пену местной Ниагары – маленькой, холодной, глухой и бурной речки, обрывающейся, как жизнь. *Она* заставляла меня молчать о ней – всем,

⁷⁸ Какой кажусь, такой я стану (*нем.*).

⁷⁹ И нет меж облаков небесных // Ни женских ликов, ни мужских (*нем.*).

особенно матери. Она глядела на меня из каждого миловидного жарового лица с санаторского кресла. Она, пользуясь моей близорукостью, заставила меня влюбиться в одну такую молодую больную, сменой сходства и несходства, очарования и разочарования, грубо говоря: неизбежностью контраста в свою пользу только пуше предав – себе. Влюбленность, которую я при своей тогдашней и всегдашней честности: бесстрашии осознания и названия, ни секунды не ощутила изменой: только подменой – и какой болевой!

Больше скажу: молодая покойница точно передала мне весь свой неизрасходованный румянец, ибо как только кто-нибудь: «Бедная Надя!» – или мать, глядя на свою сотоварку (ту самую!): «Боюсь, что она будет умирать, как Надя», – я, как разогнувшаяся пружина, не вскочив со стула, а выскочив из себя, уже неслась «за книгой» или «за палкой», зная, что через еще-секунду уж не смогу, никакой силой, никакой волей сдержать румянца: пожара! Любовь слепа? Но как люди на нее слепы! Так, даже мать никогда не разгадала моей тайны, – на лбу написанной! – озабоченно говоря мне по возвращении: «Какие у тебя резкие движения! На полуслове... Так ведь испугать можно. Книга... Палка... Ведь не горит!» Нет, горит.

...Почему не Сережу (любила)? Покаянную любовь моего раннего детства? Почему с его смертью примирилась, приняла ее – как всё?

А потому что Сережа сам смирился, а Надя – нет.

А потому что Сережа уже не хотел жить, а Надя – да.

А потому что Сережа совсем умер, а Надя – нет. Совсем ушел туда, со всем, что в нем было, а Надя, со всем, что в ней было, в ней *было!* не рассталась, совсем осталась.

И еще потому, быть может, что о Сереже уже *так* горевала мать, а о Наде так, как я (утверждаю это и сейчас), никто – никогда.

Милая Надя, чего тебе от меня было нужно? Стихов? Но они тогда у меня были детские, к тому же – немецкие...

Почему именно за мной ходила, передо мной вставала, – именно мной из всех тех, которые еще так недавно за тобой и вокруг?

Может быть, милая Надя, ты, оттуда сразу увидев все будущее, за мной, маленькой девочкой, ходя – ходила за *своим* поэтом, тем, кто воскрешает тебя ныне, без малого тридцать лет спустя?

* * *

Д.И. Иловайского я в последний раз видела, точнее – слышала, накануне открытия Музея Александра III, в мае 1912 года, у нас в доме, в неурочно поздний час. Не дожидаясь прислуги, живущей через двор и, наверное, уже спящей, Сережа Эфрон, за которого я только что вышла замуж, открывает. Скрип парадного, какое-то ворчание, из которого выясняются слова: «Значит, дома нет?» И, проходя в залу: «А гардероб – будет?» Молчание, затем покашливание вопрошаемого. Вопрошающий, настойчивее: «Гардероб, говорю, будет? Под расписку, спрашиваю, сдают?» Выглянув из столовой, вижу, как Сережа, с всё еще любезной улыбкой слегка подается от неуклонно, с бесстрашием Рока надвигающейся на него шубы, в которой (май!) узнаю Д.И. Иловайского. «А то (похлопывая себя по широченному, как у рясы, рукаву) она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.